

Владимир Поселягин

ТАНКИСТ

Я — танкист

Прорыв

Солдат

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

**Танкист: Я – танкист.
Прорыв. Солдат**

«Издательство АСТ»

2016, 2018, 2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Танкист: Я – танкист. Прорыв. Солдат / В. Г. Поселягин —
«Издательство АСТ», 2016, 2018, 2019 — (Коллекция. Военная
фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-116540-6

Переход закинул Анатолия Суворова совсем не туда, куда он хотел, но это та же Вторая мировая. Новый мир, другая реальность – приграничные районы Белоруссии и сорок первый год. Впрочем, главное – не отступать. Диверсантам и предателям не будет пощады! Надо заново строить планы и исправлять чужие ошибки. Изрядным подспорьем оказывается брошенная на дорогах войны техника, своя и чужая, а также потерянные в отступлении люди. А Анатолий Суворов умеет вести за собой людей. И бьет противника в его тылу. Отчаянные бои, Анатолий командует и моторизованной мангруппой, где основной силой танки, и диверсантами в тылу врага. Он использует разную тактику и совсем другую технику, которая на голову выше его любимых танков и самоходок. В прямом смысле этого слова – выше.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116540-6

© Поселягин В. Г., 2016, 2018, 2019
© Издательство АСТ, 2016, 2018, 2019

Содержание

Я – танкист	6
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Владимир Поселягин

Танкист: Я – танкист. Прорыв. Солдат

© Владимир Поселягин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Я – танкист

Пролог

Вячеслав Суворов стоял на понтоне и смотрел на уже стихшую поверхность болота. Несколько месяцев назад было решено, что все оставшиеся попавшие в этом мире вернутся обратно, все, кроме Вячеслава. У кого-то дела были, у кого-то планы, но уходили шестеро из семи. Тот же Толик Суворов, по случайности однофамилец Вячеслава, у них даже отчества совпадали, собирался вскоре вернуться, он хотел лишь провести свою бабушку, единственного родного человека. Как выяснилось, портал срабатывает только в присутствии всех семейных рядом с ним, а когда отец, дяди и друзья погрузились под его взглядом под воду, то случилось нечто непонятное. Вдруг от портала пошла метровой высоты волна во все стороны, раскачав понтоны и лодки. Вячеслав смотрел на болото и ещё не знал, что он никогда больше не увидит своего отца, дядь и друзей. Переход был односторонним – и возвращения не будет.

* * *

Откашливаясь от попавшей в горло и нос воды с вкраплениями тины, я вынырнул на поверхность болота и закачался на крупной волне. Странно, не припомню, чтобы при прошлом переходе она была. Я поднял на лоб очки и удивлённо осмотрелся, продолжая содрогаться в приступах кашля, но уже остаточного. Мелкие волны ещё покачивали меня, но скоро прекратились, болото не чистая вода, тут долгого волнения не бывает, значит, его появление связано со мной. Осмотр меня изрядно удивил, переход явно произошёл, однако я не вернулся в свой родной мир, в болота Брянщины. Вернее, я находился в приграничных районах Белоруссии, но не в своём родном мире, это и удивляло. Вокруг расстился фактически тот же пейзаж, который я видел несколько минут назад, но без платформы с учёными Союза, да и вообще вокруг была пустынная местность. Болото. То есть местность, как в сорок седьмом году, но явно без всего того, что я видел. Странно. Хотя нет, пейзаж больше напоминал сорок четвёртый, когда мы сюда перешли с семьёй Суворовых, вид тот же, но к сорок седьмому, после жарких боёв, на опушке была прореха от упавшего самолёта, а сейчас её не было. Только одна эта примета давала понять, что что-то пошло не так. Но вот что?

Правда, до конца обдумать, что произошло, я не успел. В это время в небе зажужжали авиационные моторы. Подняв голову, я задумчиво посмотрел на тройку «ишачков». Мне эти машины были очень хорошо знакомы, не раз видел их в деле. Хорошие аппараты, как мой знаменитый однофамилец, трижды герой Советского Союза Вячеслав Суворов, не раз говорил. В умелых и опытных руках эти машины могли неприятно удивить немцев. Очень уж они верткие. Чуть ли не на месте могли развернуться в обратном направлении, «мессерам» такое и не снилось.

Когда «ишачки» удалились, я добрался до ближайшей кочки и задумался. Ситуация мне не нравилась, я не дома, но и не в своём родном мире. Соответственно, это третий мир. Причём что странно, после того как я тут появился, надо мной пролетело звено истребителей. Совсем как в описании Севы про то, как он попал в сорок первый. Самолеты, лес целый, платформы учёных нет – странное совпадение, не так ли?

Поджав ноги, я дотянулся до правой стопы и, нащупав ремень, отстегнул его и вытащил из-под воды ремешок вместе с обрезком верёвки. Эта приспособа была из моего родного мира. Родственники Севы, готовясь к переходу, подумали о том, как будут возвращаться, учитывая

и то, что это, возможно, произойдёт не с пустыми руками. То есть к моей ноге, как и у других путешественников по мирам, была привязана верёвка, к ней – мешок с нулевой плавучестью, чтобы его притопило. После перехода на мешке должен был сработать баллон со сжатым воздухом, надулись бы шары, и мешок должен был всплыть рядом со мной. Но при переходе верёвку обрезало в двадцати сантиметрах от моей пятки. Я даже поёжился, представив, что мне могло срезать ноги. Сам мешок затерялся, как и другие путешественники. Я был один в этом неизвестном мне мире, да ещё совершенно пустой. Не считать же имуществом гидрокостюм аквалангиста, причём без ласт, пояс с грузом и очки? На поясе был нож, моя единственная ценность, на этом всё, больше при мне имущества не было. Всё оно находилось в том мешке, что пропал. Фал был всего двух метров длиной, но этого хватило неизвестному режиссёру, чтобы срезать ценный груз. Такой же баллон был у меня на поясе, однако сработать он не успел, меня раньше выкинуло на поверхность, это тоже странно.

Погоревав о мешке – часть груза, примерно треть, принадлежала мне, остальное Суворовым, – я оттолкнулся от кочки и на пузе скользнул к месту, где вынырнул. С десятков попыток показали, что переход не работает, да и другие не вынырнули. Неудача. Поэтому, не став медлить, оттолкнулся от коряги и скользнул к кочке, потом к следующей. От неё в сторону метнулась болотная гадюка, но я успел её перехватить и, срубив голову, быстро освежевал. И чего Сева их так боялся, мясо как мясо, очень вкусное. Лес виднелся метрах в двухстах пятидесяти, доберусь, будет что поесть. Нужно сразу озаботиться пропитанием, голодный солдат – плохой солдат, хоть и злой.

Помню, Сева говорил, что добирался до леса несколько часов, чуть не весь световой день. Я тогда удивился, вроде расстояние было небольшим, почему же так долго? Сейчас понял, почему. Три раза попадалась непроходимая топь, думаю, это была одна и та же, просто косою пересекала мне путь. Но наконец, я её обошёл и, добравшись до берега, выбрался на сушу. Восемь не восемь, но пять с половиной часов на преодоление болота у меня ушло. Тоже немало, поверьте мне.

Я сел на кочку передохнуть и стал задумчиво обозревать болото, прикидывая, оставить гидрокостюм тут или идти в нём. Ходить по лесу в резиновом обтягивающем костюме, который стесняет движения, на мой взгляд, опрометчиво. Однако под ним у меня ничего не было, даже нательного белья, а ходить нагишом по лесу совсем плохая идея, так что выбора не остаётся, походим в том, что есть. Вот змеи не осталось, по пути через болото я немного поел сырого мяса, остальное выкинул, нужно держать себя в форме. В детстве у бабушки в деревне сосед-егерь учил меня ходить по лесу, выживать в нём, а также добывать еду. Сырое мясо он также приучил меня есть, объясняя, какое можно, а какое не стоит, ну и какие пропорции. Именно поэтому я и не съел всю змею, лишнее тоже плохо.

Утопив баллоны с воздухом, лишний груз мне ни к чему, я вернулся на берег, сел на охапку срезанной травы и снова задумчиво посмотрел на стоявшее в зените солнце. До наступления темноты часа четыре, время ещё есть. Если я попал в сорок первый, а возможно, оно так и есть, то стоит удалиться от берега и поискать поляну. Если мои догадки верны, то там утром должны появиться два поляка с лошастью и телегой. Если это так, то потом станет ясно, что делать дальше, а пока всё неопределённо.

Честно говоря, ситуация, в которую я попал, не сказать, что мне понравилась. Я ещё пока не определился с тем, как реагировать на то, что случилось, но сожаление было. Я с сожалением вспоминал о других путешественниках, как они там, но главное, о своём единственном близком человеке – о бабушке. Именно из-за неё я решил ненадолго вернуться в родной мир, чтобы уже навсегда попрощаться с ней. Мир Советского Союза мне нравился, поэтому я собирался туда вернуться. Меня в нём всё устраивало, и я хотел помочь государству встать на мирные рельсы. Да, я являюсь не гражданским специалистом, а скорее военным, работаю

в Кубинке инспектором, штатный специалист в одном секретном КБ, и дополнительно учусь на инженера-конструктора, уже на третий курс перешёл заочного обучения. Специализация та же – танки. Именно поэтому эта ситуация меня и расстраивала: и с бабушкой не повидался, и потерял мир, где я занял хорошее место и был на хорошем счету у главы государства, мне не раз приходилось встречаться с товарищем Сталиным как эксперту по современной бронетехнике. В общем, со всех сторон печаль. Считай, даже двухкомнатную комфортабельную квартиру, полученную в центре города, потерял. Она мне очень нравилась, и хотя своего личного транспортного средства у меня не было – не считать же велосипед, купленный на зарплату, и служебную машину, – мне там всё равно жутко нравилось. Для деревенских, а я всё же больше деревенский, хотя и жил с родителями до их гибели в Брянске, жить в Союзе как-то проще, чем попаданцам-горожанам. Мы более неприхотливы и не такие взыскательные.

– Ладно, – сплюнул я и встал на ноги. – Непонятно пока всё. Если с поляками подтвердится, буду думать, что делать дальше. А пока ситуация не разъяснится, планы строить не буду. Смысла не вижу.

Машинально отмахиваясь от мошкары, я отошел от берега, достал из ножен клинок, осмотрел его – отличная сталь – и, вернув на место, побежал вглубь леса. Естественно, пройти точно по следам, по которым шёл Сева, я не смогу, да и вообще, если это сорок первый, встретимся ли мы? Или этот квест для одного? Если так, то, похоже, выбираться придется самому и полагаться будет не на кого. Хотя бы первоначально, после можно сколотить крепкую команду из окруженцев.

Думаю, мне повезло, я нашёл тропинку. Звериную, вроде той, что описывал Сева. Заметил я её случайно. Она вывела меня на поляну со скошенной травой, собранной в стога. Да, похоже, мои догадки подтверждаются, слишком много совпадений.

Ночевать в стогу я не стал, отбрехаться от поляков, как это сделал Сева, мне вряд ли удастся, так что сделал себе лёжку на опушке в кустах шиповника, натаскав сена от одного из стогов. Причём так, чтобы не оставить следов. Ходить босиком было не совсем удобно, но ничего, я привычный. То, что я укрылся на опушке, и помогло мне остаться незамеченным.

Утром, когда уже рассвело, меня разбудило конское ржание. Быстро открыв глаза, я выглянул из-под куста и задумчиво осмотрел гостей. Теперь всё полностью подтвердилось: два поляка, описание во внешности и в одежде совпадает с тем, что дал Сева, даже телега была описана правильно. Вот только оружия у поляков не было, они совершенно спокойно работали вилами, загружая телегу. Думаю, оружие как раз внутри.

Теперь, когда появились вещественные доказательства, не сомневаясь ни на секунду, скользнул по опушке в сторону. Кстати, поляки Севу из стога так и не вытащили, из чего я логично заключил, что квест для меня одного. Стало ясно, что моего знаменитого однофамильца тут не было. Что ж, теперь у меня есть шанс стать не менее знаменитым. Нужно это обдумать, но позже, когда будет свободное время, сейчас у меня другая задача. В отличие от Севы, я особо не сомневался и действовал уверенно и наверняка. Поэтому быстро стряхнув с себя всякий мусор и жучков – спать в гидрокостюме на земле, хотя и подстелил по себя сено, не совсем приятно, даже не почешешься, – и покинул место ночёвки. Мне нужно обойти поляну так, чтобы приблизиться к телеге, оставаясь незамеченным поляками. Сейчас они работали с той стороны опушки, где я провёл ночь. Кстати, искушали меня не так уж сильно, перед тем как лечь спать, я обтёр кисти рук, стопы и лицо с шеей одной травкой. Так что ночь, можно сказать, прошла спокойно, никто меня из ползающей и кусающей братии не домогался. Так, по мелочи.

Добраться до телеги незамеченным труда мне не составило. Негромко переговариваясь, поляки так увлеклись работой, что очнулись, когда щёлкнул затвор берданки. Может, в телеге ещё что было из огнестрельного оружия, но мне, к сожалению, попало только это, так что,

проверив патрон в патроннике, я и пошумел, отчего поляки вздрогнули и замерли. Мой первый вопрос был наудачу:

– Янек всё так же ходит в форме командира Красной Армии?

Местные обернулись и выпученными глазами уставились на чудо-юдо, наставившее на них их же оружие. Думаю, гидрокостюмов те никогда не видели, хотя на мне был стандартный. Чёрный, с открытыми стопами и рукавами до кистей.

– Почему молчим, почему не отвечаем? – поинтересовался я.

Отслеживая все движения поляков, я не забывал также контролировать округу. Конечно, я всё знал из рассказов Севы, но мало ли что не так сложится. Небольшое сомнение у меня всё же было, вот я и старался развеять его этим неожиданным уточняющим вопросом. Если подтвердится, то я точно в сорок первом занял место Севы, и у меня есть шанс на новую жизнь. Тем более у меня, в отличие от Севы, были нужные знания и умения. Он-то сюда без особой подготовки попал, а вот я волей-неволей подготовился. Общался-то в основном с фронтовиками, а те меня за своего принимали, всё же в боевых действиях обоих миров мне приходилось участвовать. То есть фронтовики ничего не скрывали и охотно отвечали на уточняющие вопросы, так что я был в теме. Да и за тот рейд по тылам немцев меня наградили, так что было, что носить на френче. Всё же я был военнотружашим, ходил в форме. Правда, погоны старлея не перерос, хотя через год мог получить и звёздочки капитана. Да, я был офицером. При первом награждении в Кремле получил звание младшего лейтенанта, остальное получил за работу. Между прочим, старлея и второй орден Красной Звезды я получил за неоценимую помощь в создании прототипа Т-55. Мы его ещё в конце сорок пятого выпустили, потом испытывали на полигоне в Кубинке. Тогда-то меня и наградили, да и квартиру я получил. Уже в сорок шестом эти машины небольшими партиями начали поступать в войска и сразу произвели фурор своей мощью. Конечно, можно было попробовать изготовить и другую технику, однако заводы из Германии только начали поступать и монтироваться, и на тех станках, что у нас пока что были, ничего лучше нам было не построить. Я как раз в КБ помогал с созданием Т-62, когда и было решено вернуться в наш мир. Я тогда настоял на своём участии – пока жил эти три с половиной года в новом для себя мире, то никак не мог забыть бабушку. А тут так получилось, что при переходе попал в третий мир, и передо мной открылась своя дорога. Сева смог ею воспользоваться в полной мере, теперь мой шанс на личный квест, и я не хотел бы его лишиться. Именно поэтому и поглядывал по сторонам, чтобы меня не застали врасплох, как я этих поляков.

М-да, что-то я отвлёкся, хотя ситуация к этому не располагала. Направив ствол на молодого поляка, я повторил свой вопрос, на этот раз уже злым голосом – не нравилось, что мне не отвечают:

– Так что, Янек всё ещё ходит в форме лейтенанта Красной Армии?

– Ну, ходит, – нехотя ответил молодой.

– Отлично, – я невольно улыбнулся. – Значит, так, быстро раздеваемся. Оба. Исподнее тоже снять. Быстрее, меня там бабушка ждет, а я тут с вами вошкаюсь... Ну!

Поляки как подорванные стали раздеваться, кидая одежду в одну общую кучу. Не знаю, что их так сподвигло, то ли мой злой вид, то ли оружие, то ли упоминание бабушки. Кстати, когда я её вспоминаю, почему-то всегда стоящую на крыльце и печально смотрящую на меня, и такая злость накатывает, что я, возможно, её больше не увижу, что контролирую себя еле-еле. Видимо, поляки это прочувствовали, вот и торопились. С сапогами вышла небольшая заминка – плотно сидели, но и те они сняли. Кстати, если возникнет необходимость, нужно вспоминать о бабашке, чтобы довести себя до кондиции. Злость в нужное время неплохой помощник.

Как только оба поляка замерли, прикрывая руками пах, я задал ещё один вопрос:

– Сегодня какая дата?

– Двадцать первое, – мрачно буркнул молодой. Тот, что с бородой, продолжал молчать, лишь с некоторой злостью и ненавистью поглядывал на меня.

– Суббота, двадцать первое июня сорок первого года, я полагаю? – И после того, как молодой кивнул, добавил: – М-да, ладно, будем играть.

Приклад винтовки сильно толкнул меня в плечо, и бородатый, машинально схватившись за грудь – попадание было точно в сердце, – стал заваливаться на спину. Молодой на секунду замер в ошеломлении. Правда, он быстро пришёл в себя и кинулся было ко мне, но поздно, я-то как раз не медлил, рванул к молодому и разбил ему прикладом лицо. Можно было отшвырнуть оружие в сторону, всё равно перезарядить мне было нечем, да и не успел бы я, до поляков было метров шесть. А вот сейчас, когда второй поляк, схватившись за пострадавшее место, упал на спину, я аккуратно положил винтовку на траву, достал клинок и ударил его под рёбра прямо в сердце. Хватило одного удара. Выдернув клинок, я быстро осмотрелся и довольно кивнул. Пока всё шло так, как я и спланировал. Сейчас у меня в планах переодеться, изменить внешний вид под аборигена и двинуть к хутору. Можно, конечно, туда и не заезжать, но зная, что на хуторе явно ячейка местного сопротивления, что сотрудничает с немцами, я считал необходимым её обезглавить. Я был в курсе, что старшим на хуторе был агент в одеяниях священнослужителя. Вот его мне и стоит убрать. С остальными как получится, со слов Севы, остальные были простыми боевиками.

Быстро воткнув клинок в землю, чтобы стереть кровь, я дополнительно протёр его пучком высохшей травы, после чего вернул в ножны. Первым делом проверил тела. Оба трупы. Осмотрел телегу, сбрасывая излишки сена. Телегу вместе с меринком я решил прибрать, не пешком же путешествовать, если мне неплохое транспортное средство досталось, поэтому и проводил ревизию. К сожалению, огнестрельное оружие было только одно – берданка, причём в относительно неплохом состоянии, вот патронов к ней всего шесть штук. После перезарядки осталось пять. Между прочим, патроны были снаряжены бездымным порохом, хотя я слышал, что как раз у берданок использовался дымный. Или я ошибаюсь? Вроде нет.

В телеге нашлось два пояса. На одном были подсумки с боеприпасом, спичками и другими нужными вещами. На обоих ножны с клинками. Один неплохой, другой так себе. Лезвие не из самого хорошего металла, если не заботиться о ноже, быстро ржавчиной покроется, дрянной металл, с раковинами. Теперь понятно, почему оба поляка были не опоясаны, сняли их перед работой. Ещё в телеге было два узелка с пищей, но я оставил еду на потом, нужно уходить с поляны, по пути к хутору и поем. Куда ехать, сомнений не было, на поляну выходила одна-единственная дорога. Было ещё несколько тропинок, но на телеге мне там не проехать. Проще по дороге, пока тут обо мне не знают, нужно этим воспользоваться.

Повесив берданку на плечо, я подхватил ближайшее тело и волоком потащил его к опушке, решив замаскировать в кустарнике, где провёл ночь. Оба поляка были выше меня, куда тяжелее, но у меня широкие плечи и достаточно сил, чтобы утащить по очереди обоих. Спрятав тела, я скинул комбез и вместе с поясом утопил в глубоком бочажке неподалеку от поляны. Тут вообще была достаточно болотистая местность. Только после этого я, с удовольствием почесавшись в ранее недоступных местах, окунулся в воде того же бочажка и побежал обратно.

Гольшом, ёжась от утренней прохлады, бегом вернулся на поляну и замер у кучи одежды. Я отобрал из двух комплектов более чистую рубаху и штаны и быстро оделся, лишь исподнее не трогал, его нужно постирать, но вот обувь мне не подходила. Стыдно признаться, но размер ноги у меня был небольшой. Сороковой. А в трофеи мне достались настоящие говнодавы сорок четвёртого и сорок пятого размеров. Делать нечего, сапоги хорошие, не бросать же, связал их в одну вязанку и бросил в телегу, ещё пригодятся, сделаны качественно. После этого подхватил исподнее, не забыв связать оставшуюся одежду в один узел и бросить следом за сапогами, я побежал к тому же бочажку. Мыла у меня не было, так что стирал бельё и портянки чем

придётся – глиной и песком. Ничего, полчаса убил, но отстирал. Выжав воду, так же бегом вернулся на поляну и бросил исподнее на траву, причём так, чтобы оно сохло, взял поводья и, перекинув их через голову мерина, сел на облучок, после чего щёлкнул поводьями по спине коня:

– Пошёл, Трофей!

Мерин неторопливо стронул телегу с места и направился к опушке, где тёмным туннелем виднелась лесная дорога. Пришлось перед этим развернуть повозку, так как она стояла кормой к дороге. Я выглядел как местный. Конечно, оба поляка на голову были выше меня, именно из-за небольшого роста я и попал в танковые войска, не только из-за того, что имел права тракториста, ну а там работа была такова, что мышцы наработал достаточно быстро. Плечи, вон, раздались, мускулатура появилась. Так что если рубахи подходили обе, то штанины пришлось закатать, чтобы выглядывали босые ноги. Пока так похожу, а когда добуду обувь по размеру, тогда и сменю облик с сельчанина на человека военного времени. По ситуации посмотрим. Тут до границы пара шагов, нужно сваливать, а то как бы пограницам на глаза не попасть. Сева по счастливой случайности как-то обошёлся без их внимания, надеюсь, и мне повезёт.

Мерин неторопливо переставлял конечности, да я его и не торопил, причём заметив, что тот сам знает дорогу, я отложил поводья, прижав их правой ногой, чтобы освободить руки, подтянул к себе ближайший узелок с провизией и жадно закопался в нём. Что ж, еда была хоть и простая, но сытная, а главное, привычная мне. Вполне себе деревенская. Я сразу ухватил горбушку, трофейным ножом, тем, что получше, срезал себе кусок, взял дольку сала – оно уже было нарезанным – и с удовольствием позавтракал. То, что я перед этим отправил на тот свет двух неизвестных мне людей, вернее плохо известных, аппетит нисколько не отбило. Смертей я видел множество, всё же участник боевых действий обоих миров, так что смерть поляков для меня осталась фоном за спиной. Да и забыл я уже про них. Этим и отличается воевавший человек от простого гражданина – умеет отсечь смерть других людей. Тут главное, определить, что они тебе враги, вот и забываются быстро.

Еда была сытной, но не сказать, что разнообразной, так что поел я хорошо, даже овощи пришлось к месту. Я про лук и чеснок – с салом самое то. Запил квасом из стеклянной бутылки, заткнутой кочерыжкой. Кстати, у нас в деревне кочерыжки тоже так использовали, хотя жители сельских мест, где были обширные поля, использовали для этого початки кукурузы, но у нас она не росла. Квас был ядрёный, в тему, мне он понравился. Осушил треть двухлитровой бутылки, после чего вернул пробку на место и снова свернул узелок. Второй я только осмотрел и ничего там не трогал, только проверил, нет ли чего скоропортящегося. Кстати, во втором узелке оказалась бутылка с молоком. Да и вообще разница в содержимом узелков была заметной. Я поначалу не понял, почему узла с провизией два, если оба поляка с одного хутора, могли всё и в один сложить, вместе же работают, а потом понял, что у одного язва или гастрит, и он на диете.

Позавтракав, я прибрался на телеге и, оставив винтовку лежать с краю, спрыгнул на лесную дорогу, взял мерина под уздцы и дальше повёл его сам, прислушиваясь к звукам в лесу. Телега особо не скрипела, было видно, что о ней заботились и смазывали как надо, так что слушать мне ничто не мешало. Пока мы так шли, я стал обдумывать, что делать дальше. Ситуация полностью прояснилась, по непонятным мне причинам меня забросило в третий мир, где не было Севы и других путешественников. Причём в то же время и место, как и моего знаменитого однофамильца. В первое время после попадания я ещё не знал, как на это всё реагировать, но теперь уже всё решил. Остаюсь. Не буду жить у портала и пробовать вернуться. Раз мне дали шанс, нужно воспользоваться им. Одно было ясно: сразу идти к Сталину не стоит. Тут было несколько причин. Я для него никто, к тому же пропустить то веселье, что происходило огненным летом сорок первого года, мне не хотелось. А вот когда будет у меня имя, а я был уверен, что прославлюсь, тогда и заявлю о себе... Хм, всё это, конечно, хорошо, однако

зная о крупных поражениях наших войск, умолчать об этом я просто не могу. Там же наши парни гибнуть будут, а я молчать буду для сохранения инкогнито? Да ни в жизнь. Вот и стояла передо мной проблема, которую я обдумывал, шагая по лесной дороге и вслушиваясь в лес. Рассказ Севы снова подтвердился, я услышал далёкий собачий лай. По звуку веселый, собак или кормили, или с ними кто-то играл.

Привязав поводья к дереву у дороги, а то мерин так и тянулся в сторону хутора, я подхватил винтовку и быстро побежал в сторону собачьего лая. Ишь как заливаются! Пояс с подсумками и двумя клинками был на мне, так что, можно сказать, я был во всеоружии.

Пробежав всего метров пятьдесят, я заметил просвет впереди. Замедлил бег и, уйдя на опушку, а потом в лес, стал красться в сторону хутора. Добравшись до опушки, подобрал подходящее дерево и, мигом взлетев на него, стал осматривать хутор. Что ж, Янек в форме лейтенанта был во дворе, наблюдал за детворой, что играла с собаками, так что последние сомнения отпали. Закончив с осмотром, я спустился и побежал обратно к повозке. Прежде чем начать отстрел, а проходить мимо я не хотел, сначала нужно подготовить пути отхода. Дорога, по которой я двигался от поляны, петляла от границы в глубину наших территорий, поэтому чтобы уйти от неё дальше, нужно было пересечь хутор, через который она проходила, а я этого сделать не мог, не обнаружив себя. Значит, придётся вести повозку через лес, петляя между деревьями. Вот именно этим я и занялся. На то, чтобы обойти хутор, у меня ушло чуть больше часа. Но на лесную дорогу выводить повозку я не спешил, напоил коня в ручье и оставил его в лесу, после чего с винтовкой побежал обратно к хутору. Вот там происходили достаточно интересные события.

Забравшись на дерево, я стал свидетелем того, как летучий боевой отряд поляков собирался уходить – явно совершать диверсии в наших тылах. В случае с Севой, видимо, этого не произошло из-за его неожиданного появления, а тут пять поляков собирались. Причём трое их них были в нашей форме: Янек лейтенант, ещё двое в форме простых красноармейцев. Двое оставшихся были в старой польской форме и, судя по пулемёту, являлись его расчётом.

– Как интересно, – задумчиво пробормотал я, изучая изменившуюся обстановку на территории хутора.

Жители достаточно душевно провожали отряд, было видно, как им желали удачи, скотины такие. Среди хуторян мелькало и чёрное одеяние священнослужителя. Не знаю, был ли он настоящим попом или ксендзом, но играл он неплохо. Честно говоря, то, что я увидел на хуторе, заставило меня поторопиться. Конечно, связываться с подобным боевым отрядом себе дороже, однако отпускать его гулять по нашим тылам хотелось ещё меньше. Кстати, а откуда пулемёт взялся? В рассказах Севы он ни разу не мелькнул.

От опушки до хутора было метров двести, до толпы хуторян – все двести пятьдесят. Подправил прицел – из этого оружия стрелять на такую дальность мне ещё не приходилось, и я не знал всех возможностей винтовки, так что целился качественно. Для прицельной стрельбы мне не требовалось приближаться, это Сева так себе стрелок, а я кое-что умею. Естественно, выцеливал я агента немцев в одеяниях священнослужителя, именно он и был главной целью, значит, начать нужно с него.

Хлопок выстрела болезненно отдался в ушах, и приклад толкнул в плечо. Однако я уже выбивал использованную гильзу и вставлял в приёмник патрон. Две штуки для быстрой перезарядки были зажаты у меня в зубах. Следующим я решил снять Янека, однако пришлось на ходу менять свои планы. Пулемётчики неожиданно споро отреагировали на стрельбу. Один из них присел на одно колено, а второй положил ствол пулемёта ему на плечо – кстати, до сих пор не могу понять, что за модель – и открыл огонь. Стрелял он по опушке, видимо, дымок моего первого выстрела они не рассмотрели, так что пули впивались в деревья подо мной и по сторонам, но тоже понизу. Вот возьмут чуть выше, и всё, конец котёнку. По звуку пулемётчики

определили, откуда стреляли, но то, что я на дереве, ещё не поняли. Так что понятно, в кого я выстрелил следующего.

Первая пуля вошла в живот священнослужителю, отчего он сложился на пыльную землю. Целился я в грудь, так что, прикинув траекторию пули из берданки, я выстрелил в пулемётчика. Снова пуля полетела не совсем туда, куда я целился. Нет, попадание было отличным, но всё равно разброс вышел приличным. Целился я в пулемётчика и, хотя попал в него, пуля вошла сначала в голову его помощника, а потом и в живот самого пулемётчика – тот привстал, перезаряжаясь. Кстати, похоже, это был «Браунинг», магазин явно на двадцать патронов и вставлялся снизу, а не как у «Брена» сверху.

Снова перезарядившись, я стал искать следующие цели, однако их не было. Хуторяне попрятались, на виду лежали только подстреленные мной. Понимая, что длительная перестрелка будет не в мою пользу, да и свою задачу я выполнил – ксендз лежал в пыли и, судя по агонии, уже отходил, – я скатился вниз и побежал к повозке. Хотя и не удалось достать Янека, но я положил пулемётчиков, а те были очень неплохими спецами, судя по их действиям.

Со стороны хутора всё ещё доносились беспокоящие выстрелы, но я не обращал на них внимания, местные ещё не поняли, что я уже ушёл. Благополучно добравшись до повозки, я вывел её на дорогу и, спрятав берданку под сеном, туда же сунул и пояс с подсумками, щёлкнул поводьями. В этот раз мерина я не сдерживал, более того, ещё и подгонял. Лишь в тех местах, где корни деревьев выползали на дорогу, переходил на шаг, чтобы не разбить колёса, а там, где была более-менее нормальная дорога, двигался очень быстро.

Преследования не было, я его так и не заметил, уверен, поляки, если не сдёрнули с хутора, решив, что их обстреляли пограничники или ещё кто из наших, наверняка только начали выяснять, что произошло, так что фора у меня была большая. Пока по следам найдут, куда я на трофейной повозке двинул, я буду очень далеко.

Километров через пять лес закончился, и начались поля. Вдали виднелась полоска следующего леса, но, по-видимому, небольшого, весь горизонт он не занимал. Кстати, левее стояла какая-то наша моторизованная часть, виднелись грибки с часовыми. Не танковая, грузовики в основном были, пушки стояли открыто, да и какая-никакая бронетехника проглядывалась из линейки «БА». Хотя танки тоже были, по знакомым силуэтам я опознал БТ-7. Хм, судя по оснащению, это был разведывательный батальон.

Естественно, на опушку я выскочил не галопом. Заметив просвет, сперва произвёл разведку и, не обнаружив ничего серьёзного, стал приводить внешность в порядок. На голову надел широкополую шляпу бородача, скинул одежду, надел чистое и высушенное исподнее, перепрятал берданку, пояс с подсумками снял. В общем, подготовился. Теперь со стороны я настоящий сельчанин. Убедившись, что не привлекаю внимания, занял телегу и, щёлкнув поводьями, двинул дальше уже на повозке, играя роль простого хуторянина. Главное, чтобы меня не останавливали и не опросили. Спалюсь, местного языка я не знал. Кажется, он суржи́ком называется. Хотя это патрулям лучше не попадаться, как раз армейцам на меня плевать. На секунду задумавшись, я на перекрёстке, где к стоявшей летним лагерем армейской части сворачивала накапанная дорога, повернул к ним. Нужно было донести некоторую информацию, мало ли.

Добравшись до грибка у выездных ворот, я натянул поводья. Ещё когда я подъезжал, часовой вызвал разводящего, так что дежурный уже ожидал у ворот, поэтому, когда я остановился, он сам подошёл ко мне. Сделав пару глотков из бутылки с молоком, я протянул её лейтенанту и вытер молочные усы на верхней губе. Выдув полбутылки, тот протянул её обратно и, тоже вытерев губы, сказал:

– Хорошо. Утреннее молочко?

– Вчерашнее, с ледника, – хмыкнул я и, заткнув пробку, убрал бутылку на место. – Я тут мимо польского хутора проезжал, выстрелы слышал, потом пулемёт работал, но быстро стих. Что-то ручное, но не ДП точно. Сбегал на разведку, там кто-то обстрелял хуторян, видел

лежавшего священника и убитых пулемётчиков. В старой польской форме были. Похоже, бандиты. Я сразу развернулся и рванул обратно по дороге.

– Утром я что-то тебя не видел, – с подозрением сказал лейтенант.

– Ночью проехал. Я сам из-под Брянска, тут дальние родственники живут, после освобождения вот смог вырваться к ним, навестить. А то ведь фактически и не встречались никогда, брат отца тут проживает. Гражданская война нас разделила.

– Да, она многим судьбы поломала. Значит, польский хутор?

– Езжайте прямо, никуда не сворачивайте. Кстати, я там видел людей в нашей форме, кажется, ряженые. Будьте внимательны, товарищ лейтенант.

– Сам служил?

– Финская, Халкин-Гол. Старшина запаса. Танкист я.

– Хм, ясно. Ладно, за информацию спасибо. Вышлю дежурный взвод. Сам откуда? Мы тут недавно встали, ещё всех местных не знаем.

– Русский хутор в шести километрах отсюда. Через пару недель домой. Отпуск заканчивается, так что вернусь. Хотя кажется, сегодня постараюсь уехать. Брегают местные, что немцы завтра на рассвете нападут. Я им особо не верю, но мало ли. Домой надо. Всё же призывался я брянским военкоматом.

– Слухи такие ходят, мы тоже не верим... Ладно, бывай, танкист, – протянул руку лейтенант.

Я попрощался с командиром и, развернув повозку, покатил обратно к дороге. Убеждать лейтенанта в том, что война начнётся завтра, я не стал, и так лейтенант немного подозрительно на меня поглядывал, а тут и до задержания могло дойти. Обошлось, одним словом. В части зазвучали команды, зашумели двигателями машины, а когда я на перекрёстке свернул в наш тыл, территорию части покинуло три набитых бойцами полуторки, которые двигались в сопровождении двух бронемашин. Уже неплохо. Скрыть следы боя хуторяне не успеют, да и тела вряд ли спрячут, так что находки будут.

Сделав такую гадость полякам, я довольный катил дальше, размышляя о дальнейших планах. Следовать путём Севы я не хотел, я же не лётчик, но одно дело совершить стоит, больно уж Сева переживал, что не спас того лётчика, часто вспоминал о нём. Я о том летуне, которого сбили над головой Севы, а потом местное недоброжелательное население добило вилами. Раз я знал об этом, то нужно поспособствовать тому, чтобы в моей версии такого не произошло. Как это сделать, я и обдумывал. Ведь двигаться по следам Севы, то есть там, где шёл он, я не мог. Значит, вполне возможно, я бы сказал, вероятно, этот воздушный бой будет идти далеко в стороне. Соответственно, мне требовалось скоростное транспортное средство, чтобы быть на месте приземления одновременно с летуном. Как же всё это проделать?

Когда расположение советской части скрылось за очередным холмом и я скатился в низину, то позволил себе улыбнуться. Лейтенанта так заинтересовало моё сообщение, хотя он и старался не подавать виду, что даже про документы у меня забыл спросить, торопыга. В принципе, как я уже говорил, Севин путь мне не подходит, у него своё, у меня своё. Он-то со своими способностями полиглота ещё мог сойти за иностранца, под которого так старательно в первое время косил. То под сына полковника ВВС РККА СССР, то под сына эмигрантов, прибывшего из-за границы. Его, конечно, вели, но в принципе он хорошо играл. Знал подробности. Мне же это не светит. Кроме русского и матерного русского, я ещё знал немецкий. Не сказать что на уровне, но беседу поддержать мог. Мне часто приходилось общаться с немецкими специалистами, их, как и заводы, во множестве вывозили к нам, так что в языке набла-тыкался. За немца никак не сойду, однако допрос проведу без особых проблем.

Так что за иностранца меня не примут, да и понять, что я из центральных областей России, тоже можно. Несмотря на то что я из будущего, говор остался тот же, брянский. Специфичные словечки этого края в речи у меня мелькали, и хотя я убрал часть американизмов из

своей речи – тут помогли специалисты по словесности, сам бы не смог, – всё же интеллигента из меня не получилось. Как был из рабочих-крестьян, таким и оставался. За это меня, похоже, тоже ценили, как на работе, так и в учёбе. Не сачковал, отдавал учёбе и работе всего себя. Так что, как ни крути, придётся, как и лейтенанту, говорить, что я из-под Брянска. Правда, до моих родных брянских лесов война дойдёт только к осени, так что проверить мои слова труда не составит, однако глухих деревушек на Брянщине тоже хватает, пусть проверяют, это даст мне дополнительное время. Это я так, на всякий случай. Данные я оставляю свои – Анатолий Александрович Суворов. Сейчас мне двадцать пять, значит, по местному времени я родился... М-м-м, в шестнадцатом, получается? Ладно, пусть будет. День и месяц рождения оставляю прежний – пятое мая. Со званием пока неопределённо. Летёхе я назвался старшиной запаса, им я был в родном мире, а в сорок седьмом уже старлеем. До капитана я ещё не дорос, тут возразить нечего, а вот старлея честно заработал. Так что посмотрим по ситуации.

Машинально подгоняя мерина, я продолжал обдумывать свои дальнейшие шаги. Именно сейчас возводился фундамент того, как я буду действовать дальше. Причём размышления нисколько не мешали ни управлению меринком, ни контролю за окружающим пространством, так что я сразу насторожился, когда услышал где-то неподалёку приглушённый хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и, кажется, женский крик. Слева находилась роща, которую я принял за лес, так что как только прозвучали хлопок и крик, я сразу свернул на обочину и завёл повозку под деревья. Нужно выяснить, что происходит. Да и время заодно убью. Сева шёл пешком, и хотя он старался уйти как можно дальше, по моим прикидкам, я его по времени уже должен был обогнать. Вот и решил притормозить, воспользовавшись случаем.

Быстро накинув поводья на ветку, подхватил винтовку с подсумками и рванул вглубь рощи. Времени застёгивать пояс просто не было, поэтому, на ходу проверив патрон в патроннике, я убрал в карманы остальные. Осталось всего два патрона в запасе. Бежать пришлось недолго, звуки раздавались рядом. Иначе бы они до меня не донеслись. Буквально в тридцати метрах от опушки по роще проходила лесная дорога, ведущая куда-то вглубь леса, но генеральская «эмка» далеко не поехала. На подножке сидел генерал-лейтенант и получал по обрившей голове хорошие тумаки. Крепкий такой красноармеец с пудовыми кулаками использовал голову генерала как грушу, довольно профессионально боксируя. Тот ещё пытался закрываться руками, причём тоже с немалым умением, но, похоже, поплыл и уже пропускал некоторые удары. Фуражка генерала валялась в дорожной пыли рядом с телом убитого водителя. Кстати, я понял, почему пистолетный хлопок был едва слышен. Видимо, бандиты или диверсанты, думаю, все же последние, под видом патруля остановили машину генерала, который почему-то ехал без охраны, и под дулами оружия разоружили водителя и генерала, а также молодую дивчину в форме военфельдшера. Видимо, походно-полевую жену генерала. Молоденьких, похоже, любит? Так вот, водителя почему-то убрали не ножом, а приставив дуло пистолета к груди, спустили курок. Гимнастёрка ещё дымилась на месте выстрела. Всего бандитов было шестеро, все в нашей форме. Один командир, один старший сержант и четыре простых красноармейца. У старлея, что играл старшего патруля, была Красная Звезда на френче. Совсем как у меня.

Вот это всё я окинул быстрым взглядом и, вскинув берданку к плечу, сразу произвёл первый выстрел. На момент моего появления ситуация была такова: бандит в форме старшего сержанта пытался вырубить генерала не самыми популярными методами, он это проделывал под пристальным вниманием липового старлея и одного из бойцов. Второй наблюдал за окрестностями, но стоял за машиной и меня не заметил, двое других волокли девушку под деревья, срывая с неё одежду, юбку уже порвали, открывая вид на довольно красивые ноги, сейчас френч рвали, отчего отлетали пуговицы, и нательную рубаху. Судя по краснеющей скуле и разбитой губе, та пыталась сопротивляться, но сейчас находилась без сознания, похоже, одним из ударов

её вырубил. До всех действующих лиц было от десяти метров до пятнадцати – совсем рядом, так что рассмотрел всё в подробностях.

Первую цель я выбрал не колеблясь. Командир. Нужно сразу обезглавить противника, но не это главное, мне была нужна его форма. Неважно, что фигурами мы не схожи, фурнитура и фуражка тоже пригодятся, ниткой с иглой я владею, что надо, перешью. Тем более ушивать куда проще. Приклад толкнул меня в плечо после выстрела, а голова старлея дёрнулась, но не лопнула, как было у того пулемётчика. Пока командир диверсионной группы оседал на дорогу, я уже в прыжке ушёл за соседнее дерево и, судорожно перезаряжаясь, орал хриплым командным басом:

– Первое отделение, заходить по левому флангу! – и тут же сменив бас на тенор, ответил, но в другую сторону, чтобы из-за эха казалось, что идёт переключка нескольких людей: – Есть, по левому флангу!..

К этому моменту я успел перезарядиться и, высунув ствол винтовки из-за дерева, не переставая орать команды и отвечать самому же себе, произвёл второй выстрел. Тот старший сержант, что до этого избивал генерала, получив пулю в поясницу, взмахнул руками и упал. Убежать он успел не так и далеко.

– Хотя одна мразь уйдёт, наряды до демобилизации будете отрабатывать!.. – продолжая орать, я снова занялся перезарядкой. – Третье отделение, правый фланг, окружить супостата. – Есть! Второе отделение, приготовиться открыть беспокоящий огонь!

Последний выстрел – больше боезапаса не было – я уже делал наугад, диверсанты давно сбежали. Моё неожиданное нападение, а главное, спич с командованием ими был понят правильно, так что рванули они, только пятки сверкали. Однако двое остались тут, а это вполне неплохой результат. Привстав на колени, я пощупал три свежих отметины от пуль на стволе дерева. Значит, не показалось, в ответ тоже звучали выстрелы. Кажется, один винтовочный и два из нагана. Сержант стрелял, отшатнувшись от генерала, в его руке я видел знакомый силуэт револьвера. Хм, а почему он генерала не добил, был же шанс? Или не успел, не до того под огнём было? Но в меня же стрелял. Непонятно. Видимо, замешкался. Генерал живой был, я видел, в крови, в грязи, но шевелился.

Выйдя на дорогу, я отшвырнул от себя берданку, всё равно к ней патронов не было, следом отправил пояс с пустыми подсумками. Потом замер на секунду, осмотрев ту картину, что сам только что нарисовал, и довольно кивнул. Удачно всё получилось, но лучше тут не задерживаться. Первым делом я пробежал мимо машины со сползшим на землю генералом, даже мимо лежавшей на опушке девицы – она пыталась пошевелиться – и подскочил к сержанту. Тот пытался ползти, соответственно был жив, а не отправился в мир мёртвых, как его командир. Пуля вошла ему в поясницу, пролетев под вещмешком и не зацепив его, но не убила, хотя и нанесла серьёзную травму.

У сержанта обнаружилось на удивление много оружия, наган он выронил, когда падал, и тот остался лежать метрах в двух от его ног, за поясом был заткнут блестящий хромированный маузер, причём явно наградной, но без кобуры, а за спиной на ремне находился новенький мосинский карабин. Сняв с диверсанта задравшийся на голову сидор, отстегнул ремень карабина и выдернул его из-под тела раненого, такую же операцию проделал с поясом, имеющим подсумки, не забыл и маузер. Хороший пистолет, революционный. Только эта модель в Союзе не совсем распространена. Модель шестнадцатого года, под парабеллумный патрон, на это намекала красная цифра девять на рукоятке. Не удивлюсь, если он принадлежит генералу, но как немецкий маузер оказался у него? Трофей уже после гражданской или подарок? Также я быстро охлопал бредящего «сержанта». По говору или литовец, или из других прибалтийских государств.

Определив, что раненый проблем не доставит – он бредил и уже бойцом не являлся, – я с трофеями вернулся на дорогу. Наган тоже был при мне. Более того, с сержанта я содрал

ещё и сапоги. Мой размер оказался, сороковой. Остальное было запачкано кровью. Разве что ещё пилотку забрал, на будущее запас. Трофеи отнёс к своей лёжке, откуда стрелял, и убрал за дерево. После этого, пока девица принимала сидячую позу и не совсем осмысленно оглядывалась, я быстро раздел старлея, кстати, у него вещмешка не было, и отнёс форму с сапогами к лёжке. Может, трофеи и потом можно забрать, но я постарался обезопасить теперь уже своё имущество.

Вернувшись на дорогу, я отстегнул от пояса убитого водителя флягу и вылил часть воды на голову генерала, тот уже приходил в себя. Так что я ускорил этот процесс. Присев рядом с ним на корточки, я покрутил в руках маузер. Он точно принадлежал генералу. На заднем сиденье легковушки валялась пустая кобура.

– У меня такой же был. Наградной, – сказал я, чтобы начать разговор хоть с чего-то. – Хороший пистолет с точным боем. Трофей с Финской. До сих пор жалею, что лишился его.

– Потерял? – хриплым тоном спросил генерал и присосался к фляжке, что я ему протянул, после чего с кряхтением попытался привстать, но смог сесть на сиденье через распахнутую дверцу только с моей помощью.

– Лишили вместе с наградами и званием по приказу одного командарма. Не по душе ему я пришёлся.

– За что же лишили?

– Слишком напрягал бойцов в изучении боевой техники, уставов и остального. Мало давал им отдыха и времени заниматься политинформацией. Нашёлся подлец, который нажаловался на меня в политуправление. Я был не согласен, вот из меня и сделали крайнего. Ещё и политруку врезал. В общем, ушёл со службы старшиной запаса. Недавно совсем, пока в поиске себя. На службе деньги не тратил, к зелёному змию равнодушен, так что скопил средства. На них и живу. Сюда к родне приехал, с Гражданской их не видел. Правда, не помню их, маленький был. Разделила нас та война.

– Сам кем был?

– Старлеем. Танкист, командир тяжёлой роты. Про КВ слышали? Ими и командовал.

– Здесь служил?

– Нет, Киевский военный округ. Честно говоря, после Финской ни разу в отпуске не был. Вот и отдыхаю. Как оказалось, зря, это не первая мной встреченная группа диверсантов. В первой я пленного взял, допросил. Говорит, из немецкого диверсионного полка «Бранденбург», задача – захват одного из стратегических мостов. Завтра в три с половиной часа утра они начнут. Сначала артиллерия ударит по заранее разведанным целям, одновременно авиация налетит на наши спящие аэродромы. В общем, застигнут со спящими штанами. Это всё будет завтра. Я тут подумал, решил, партизанить буду. Немцы, по моим прикидкам, легко сомнут приграничные войска и уйдут дальше...

– Дочка, – очнулся генерал. – Где моя дочка?

– Эта девица в форме военфельдшера? – удивился я. Не думал, что это дочка. – На опушке сидит. По виду, живая. Сейчас приведу.

Генерал остался сидеть в салоне, он ещё плохо себя чувствовал. Время от времени прикладывался к фляге, пару раз плеснул на темнеющее кровоподтёками лицо, так что сбегал сам.

Присев рядом с девицей, я пару раз щелкнул пальцами перед её лицом. Та не отреагировала.

– Тяжёлый случай, – пробормотал я и, широко замахнувшись, отвесил ей хорошую оплеуху.

Это помогло. Взвизгнув, та закрылась руками.

– Пришла в себя? – грубо спросил я. – Давай топай к машине, тебя отец видеть желает.

Быстро осмотревшись, я собрал детали формы. Девица была в исподнем, да и то порванном, поэтому сначала помог ей хоть как-то привести себя в порядок, честно говоря, плохо

получилось, после чего, придерживая за локоть, подвёл к машине и посадил уже на водительское сиденье. Та, правда, долго там не просидела, рванула к отцу в объятия и разрыдалась.

– Вы как тут без охраны оказались? – поинтересовался я, заглядывая в салон и вынимая из зажимов карабин, видимо принадлежавший водителю.

– Без охраны выехали. Дочка настояла, торопилась на железнодорожную станцию.

– Так из-за этой тупой овцы боец погиб и вы в эту ситуацию попали? Понятно.

– Что?! – взвизгнув, подскочила девица, чуть не с кулаками бросаясь на меня.

– Мадемуазель, – издевательски сказал я, слегка поклонившись. – Если вы не понимаете русского языка, я повторю: тупая овца, тупая овца. Мнение в ваших умственных способностях я не изменю. Только полная дура могла настоять выехать из расположения без охраны на территории, где вот уже как второй день немецкие диверсанты режут советских военнослужащих. Для примера оглядитесь вокруг.

Пока девица в прострации сползала с генерала на влажную лесную дорогу, я обошёл машину и направился к «сержанту» – что-то тот больно громко стонал от боли, мешал нам. По пути сменил карабин на подобранную берданку, а карабин прислонил к багажнику легковушки, всё равно он не мой. Забирать не буду. В отличие от карабина, у винтовки штык имелся. Подойдя, я спокойно воткнул штык ему в грудь, повернул его и, выдернув, посмотрел на начавшие стекленеть водянистые глаза диверсанта. Теперь точно готов. Обернувшись, я обнаружил, что генерал стоит, покачиваясь в своей измаранной пылью, грязью и кровью форме, у багажника «эмки» с маузером в опущенной руке и пристально, но несколько устало наблюдает за моими действиями. Вот девицы видно не было, слышно только, как она хлопает носом. Кстати, генерал, когда я отчитывал его дочь, не возражал, лишь поглаживал её по голове и благодарно мне кивнул. К моему удивлению, он понял, что я просто приводил девушку в порядок. Сразу пришла в себя, как я её овцой назвал. Ничего, сейчас выплечется, совсем очухается.

– Это было обязательно? – поинтересовался он, кивнув на «сержанта». – Пленный нам бы пригодился.

– От него всё равно никакого толку. Отходил уже, вот и помог, чтобы не мешал своими хрипами и стонами, – я бросил винтовку рядом с трупом.

– Спокойно ты как-то это сделал.

– А что такого? Мне доводилось на пару с заряжающим целую землянку с финнами вырезать. Ножам работали. Патроны к нагану к тому моменту у меня уже закончились. Восемь человек порешили. Хоть согрелись.

– Танкист – и на противника с ножом ходил? – приподнял тот разбитую бровь и поморщился от боли.

– На войне всякое случается. Слышали про сто шестьдесят третью стрелковую дивизию?

– Я сам в том конфликте не участвовал, но некоторые слухи доходили.

– Финны пустили их вглубь своих территории и, окружив, полностью уничтожили. Я пленницы тел на обочинах видел. Страшное зрелище. Так вот, потом командование на деблокаду сто шестьдесят третьей отправило сорок четвёртую стрелковую дивизию. Я тоже в том рейде участвовал, добровольцем. Только повезло, что шёл в арьергарде. Передовые части все были окружены и уничтожены. Мы тоже в ловушку попали. Блокированы были на дороге. Почти сутки держались, пока боеприпасы не закончились. Потом один майор приказал отступать и повёл колонну по лесу в сторону наших позиций. Пешком, бросив всю технику. Причём целой. Я вот свои танки приказал сжечь и повёл своих бойцов другой дорогой. Как оказалось, не зря. Тот майор вывел едва десять процентов, да и погиб он по пути, снайперы всех командиров повыбивали. Нам же повезло, нашли землянку, финнов вырезали, за их счёт лыжи приобрели, оделись потеплее – фуфайки под комбезами совсем не спасали, чуть не окоченели. Ну, а пленный через их секреты вывел нас к своим. В принципе всё. Дальше была рутина войны. Как видите, ножом и штыком я тоже владею... Ладно, что-то мы разговорились. Вы машину

водите? Ваша «эмка» на ходу, как я понял, вам следует проехать в ближайшую часть и получить квалифицированную медицинскую помощь.

– Диверсанты не вернутся?

– С какой это радости? Наверняка и сейчас бегут, только пятки сверкают. О, кстати, я когда трофеи собирал, заметил одну забавную особенность на награде лжестарлея. Сейчас принесу.

Пока генерал, тяжело переваливаясь, снова занимал сиденье, он при этом дочку успел посадить на место водителя, я сбегал к трофеям и ворохом принёс их к машине. К сожалению, форму взять я не мог, даже обувь принёс. Причина та же. Мало того что найти могут, так ещё обувь немецкая. У нас гвоздями подошва обита с круглыми шляпками, а у немцев – квадратными. На фига мне так палиться? Нет уж, достану где-нибудь советские сапоги своего размера. Да и с формой так же. Остановит патруль, обыщет телегу – хоп-па, а форма командира у тебя откуда? Ещё пристрелят на месте. Они сейчас из-за многочисленных нападений нервные. А так, когда таскал одежду, вот и заметил несоответствие в награде.

Бросив тюки на дорогу рядом с трупами, я оторвал поддельную награду от командирского френча и протянул её генералу.

– Подделка явная. Смотрите. Вместо сапог ботинки. Есть ещё мелкие несоответствия, но это первое, что бросается в глаза.

– Действительно, – изучив подделку, кивнул генерал и удивлённо замер, когда я застыл в стойке суслика. – Что случилось?

– Слышите моторы? Сюда двигаются. Скоро тут наши будут... Хм, мне, пожалуй, пора, товарищ генерал, я уйду. Вернее, убегаю. Мне ещё подготовиться нужно к началу войны.

– Подожди! – приказ генерала был отдан таким тоном, что я невольно замер и по-строевому развернулся на рефлексх назад, хотя уже успел отбежать на пару метров, тут мне ловить уже было нечего.

С кряхтением, всё же хорошо его побили, генерал дотянулся до кобуры-приклада, лежавшей на сиденье. Вложил в неё свой маузер и протянул мне, захлопнув клапан крышки.

– Подарок. Спасибо, парень. Кстати, ты не представился.

– Анатолий Суворов, товарищ генерал-лейтенант.

– Генерал-лейтенант Смирнов Андрей Кириллович.

– Приятно познакомиться, товарищ генерал, хотя и жаль, что в таких условиях. А за подарок спасибо, постараюсь сберечь.

Перекинув ремешок через голову, тот был длинноват, кобура в районе колена билась, генерал был выше меня, я подбежал к сложенному оружию бандитов, забрал карабин, на который был намотан ремень с патронташем, и ремень с кобурой лжестарлея, после чего побежал дальше, придерживая сидор. Вещмешок «сержанта» я прихватил. Успел едва-едва, даже заметил, как из-за поворота лесной дороги показалась морда первого ЗИСа. Добежав до телеги и свалив на корму все трофеи, замаскировал их свежим сеном и быстро вывел повозку на дорогу и заторопился отъехать подальше, миновав перекресток, куда выходила лесная дорога.

Отъехал не так и далеко. Конечно, жаль, что не удалось узнать, откуда ехал генерал, да и почему оказался тут. Не всё удалось прояснить, но помог, уже хорошо. Такими маузерами не разбрасываются, так что подарок памятный. Я действительно постараюсь его сохранить.

Пока катил по дороге, всё пытался понять, откуда мне знакомо имя этого генерала. Кажется, один из фронтовиков рассказывал про него. Из тех немногочисленных фронтовиков, буквально единиц, кто пережил сорок первый год. Правда, служил он на территории Украины и воевал там же. Получается, Смирнов тоже из Киевского военного округа? А тут что делает? К дочке приехал? Вполне возможно. Хотя чего гадать, так можно до любой версии додуматься. Правда, фронтовик рассказывал о Смирнове для примера, без подробностей. Мол, разные генералы у нас в начале войны были, а взять того же Смирнова для примера, ему само-

лёт предлагали для эвакуации, а он отказался и погиб со своими войсками в окружении. Вот, мол, это настоящий генерал!

Надеюсь, что в этой истории генералу всё же повезёт. Чуть-чуть, но историю я изменил. Интересно в моём родном мире кто спас генерала? Да и вообще попадал ли он в лапы диверсантов? В каждом мире история может плыть по-своему.

Заметив, как слева блеснула серебром вода, я свернул туда. Вынужденно. Мерина немного загнал, отдых ему требовался, напоить да и обиходить пора наступила. Заодно на свежей травке попасётся. Обращаться с лошадьми я умел, всё же вырос в деревне. Распряг, немного поводил утомлённого коня, чтобы тот дыхание восстановил, и когда он остыл, завёл в воду и дал напиться, заодно намыл щёткой. Я её в телеге нашёл, когда трофеи перепрягивал. Старая, видимо для переделки взяли, щетины почти нет, но мне хватило помыть коня. Потом вывел его на берег и, стреножив, пустил пастись. Сам покупался и, выбравшись на берег, хорошенько пообедал, фактически добив остатки продовольствия. Больше хранить было нельзя, испортятся. В обе опустевшие бутылки я налил речной воды, на этом всё. Ах да, стоило упомянуть про наган. Я его не забрал, оказалось, это личное оружие дочки генерала. Пришлось вернуть вместе с кобурой. Кобуру с ремнём нашёл за машиной, где диверсанты девицу схватили и лапали. Это я предполагаю, сам не видел. Вот формы её оценил, очень красивая фигурка, и грудки просто восхитительные. Сейчас, вспоминая, улыбаюсь, а тогда почти и внимания не обратил, не до того было.

У небольшой речушки я пробыл часа два, и после полудня снова запряг мерина и двинул дальше. Отъехал километров на пять и встал на ночёвку, дальше ехать я смысла не видел. Не думаю, что Сева за день прошёл большее расстояние.

Пужинал я консервами и почти свежим хлебом. Всё не резал, полбуханки хватило. Организм у меня растущий, молодой, так что банку всю схомячил. Продовольствие нашлось в вещмешке диверсанта. Я только вечером, когда нашёл неплохое место для ночёвки, осмотрел трофеи. Ну, карабин, понятно, к нему в подсумках было шестьдесят патронов, да в гранатной сумке две наши РГД-33. В кобуре лжестарлея обычный на вид ТТ, даже запасной магазин в кармашке был в наличии. Больше из оружия ничего не было, разве что холодное. У обоих убитых диверсантов в сапогах оказались небольшие клинки с маленькими рукоятками, но длинным и тонким лезвием. Стилеты, чтобы незаметно убивать. Ещё была финка за голенищем второго сапога у «сержанта». Это всё. В самом вещмешке, когда я развязал завязки, обнаружили пачки патронов для карабина, порядка сотни штук. Точный подсчёт показал – сто двадцать патронов. Шесть гранат имелось, четыре классические лимонки и две РГД-33. Тут же я нашёл четыре осколочных рубашки для «тридцать третьих». Те две, что находились в гранатной сумке, рубашек не имели. Исправил ситуацию. Конечно, удивляло, откуда у противника наши гранаты, но стоит ли гадать? Были у них, теперь есть у меня.

Помимо запасной нательной рубахи ещё были портянки, две банки консервов, тоже советских, палка колбасы сырокопчёной, ещё не тронутой, ну и буханка ржаного хлеба. Отдельно лежал свернутый бикфордов шнур, но взрывчатки не имелось. Термосов не было, разве что фляга с ремня «сержанта». Но я её не отстёгивал, лишь воду сменил на свежую. Это все, что было в вещмешке. Может, у диверсантов ещё что было ценное, но скорее всего, унесли выжившие, лишив меня дополнительный трофеев. Как бы то ни было, я вскрыл одну банку консервов, нарезал хлеба и колбасы. После чего поужинал. Я лишь об одном жалел: не попало какой-нибудь завалящего котелка.

После ужина почистил всё оружие. Маузер действительно имел патроны от парабеллума. Правда, был всего один магазин на десять патронов, и всё. После обихода оружия я забрался на телегу и спокойно и быстро уснул. День тяжёлый был.

Проснулся от гула многочисленных авиационных моторов в уже светлеющем небе. Всё правильно, так и должно быть. Выкопавшись из соломы, я скинул с себя вторую рубаху, которой укрывался как одеялом, и, потягиваясь и сладко зевая, осмотрел светлеющее небо. Самолётов хватало. Они не шли ордой, летели где по двенадцать штук, где девятками, а где вообще тройками. Видимо, у каждой группы свои задания, двигаются по маршрутам обособленно. Всего в пределах прямой видимости было порядка шестидесяти бомбовозов разных моделей и типов. Сюда стоит включить и немецкие истребители, их тоже хватало, с десятков точно было. Дальше вроде тоже летели немцы, но у лжестарлея бинокля не оказалось, так что точно сказать не могу. Но думаю, всё же немцы.

Выскочив из телеги и сделав пару разминочных движений, я быстро разбудил мерина, тот спал стоя, опустив голову и ничуть не реагируя на события вокруг. Запрягать не стал, тут другое требовалось. Опоясался ремнём, закинул карабин за спину, поправил ремень и, вскочив на спину мерина, ударил голыми пятками ему по бокам. К одной из групп бомбовозов километрах в трёх от меня уже приближались «ишачки», много – несколько десятков, значит, всё в порядке, я там, где и хотел. Промахнулся не так и далеко.

Выскочив на дорогу, я натянул поводья, пристально отслеживая бои, что шли в небе. Изредка я осматривался вокруг, не хотел, чтобы меня застали врасплох с разинутым ртом. Так что двух сельчан, что стояли с косами на дороге метрах в трёхстах от меня, рассмотрел хорошо. Они тоже наблюдали за боем в голубом небе.

– Оп-па, а не те ли это самые пшечи, что добили раненого лётчика? – пробормотал я. – Хотя чего гадать?

Сняв карабин, поправил прицел и первым же выстрелом поразил одного из сельчан, отчего тот свалился на обочину, выронив косу. Мерин подо мной заволновался от хлопка и пошёл боком, так что пока я перезаряжался и успокаивал его, второй успел смыться вглубь леса. Ударив пятками в бока коня, я неторопливо направил его в сторону убитого поляка, поглядывая на небо. Всё происходило так, как и рассказывал Сева. От общей свалки отделился один «ишачок» и атаковал четвёрку «мессеров», что шли на помощь своим. Никого не сбил, но продержался против четверых почти целую минуту.

Наконец в небе распустился парашют летуна, которого я ждал, вот на него начали заходить, явно собираясь расстрелять в воздухе, но помешали другие советские истребители, даже подбили одного немца. Тот со снижением и дымным хвостом пошёл в сторону своих войск. Наш лётчик опускался благополучно, фактически на меня, так как я уже добрался до убитого поляка. Выстрел был хорош, точно в грудь. Даже не мучился.

Рядом с убитым лежало две косы, два узелка с едой и точильный камень. Вот вил не было, видимо их унёс тот второй. Привязав мерина к стволу дерева на опушке, я направился в сторону возможной посадки. Определил, где он завис, по треску ломающихся веток. Мат подсказал, что я на верном пути.

– Здорова, братуха! – громко поздоровался я, выходя к пятаку, где и висел на стропах, запутавшись в ветвях, знакомый по рассказам лётчик.

У него действительно плетью висела одна рука, и свободной он старался освободить стропы. Тут до земли было с пару метров, спрыгнуть не высоко. Мой окрик заставил его замереть и настороженно посмотреть на меня. Дотянуться свободной рукой до кобуры он не мог, а правая висела плетью, как я уже говорил.

– Старший лейтенант Соломин Эдуард? Отчество не помню, – уточнил я. – Сто шестидцатый ИАП?

Тот глаза на меня вытаращил.

– Он самый. Откуда узнал?

– Слухами земля полнится. Хорошо завис. Ладно, отстегивай ремни, я тебя поймаю. Давай, не дрейфь, свои.

К чести старлея, медлить он не стал и по одному отстегнул ремни, пока не освободился от сбруи парашюта. Я его поймал и помог не упасть, после чего повёл к опушке, придерживая сбоку.

– Этот откуда? – кивком показал летчик на тело, лежавшее на обочине.

Я помог ему сесть, прислонив к стволу дерева, и дал напиток из фляги, осмотрел повреждённую руку.

– Местный бандит. Пришлось подстрелить, иначе они бы тебя прямо там добились. Жаль, второй ушёл... хм, понятно, – пробормотал я и резко дёрнул руку вниз. У лётчика оказался банальный вывих.

Вскрикнув и яростно выматерившись – я Соломина не предупреждал, – тот стал потирать больное плечо, пока я из платка, оставшегося от узелка с продовольствием, который у меня в кармане хранился, соорудил косынку. После этого надел её на шею лётчику и помог убрать руку, предупредив:

– Пару дней старайся рукой не пользоваться, чтобы потом осложнений не было.

– Хорошо.

– Давай я перекину пистолет из кобуры тебе за пояс, чтобы левой рукой пользоваться можно было, а то ты фактически безоружный.

– Тоже дело, – легко согласился тот.

Достав из кобуры ТТ, я привёл его к бою и подал лейтенанту в левую руку, тот сам заткнул пистолет за ремень, как ему было удобно, а запасной магазин убрал в карман галифе.

– Ты меня откуда-то знаешь, а я тебя впервые вижу. Может, представишься?

– Анатолий Суворов. В прошлом, как и ты, был старлеем. Только танкистом. Сейчас старшина запаса. Объяснять не буду, как так получилось, долгая история, а нам отсюда уходить нужно.

– Мне бы в часть поскорее вернуться.

– В этом я тебе помочь смогу. Мне трофеем повозка досталась. Она тут, в паре километров, у места моей ночёвки стоит. Доберёмся, забирай, владей, мне она уже не пригодится.

– Почему?

– Я же танкист. Подберу себе что-нибудь. Тут скоро много будет брошено битой и сломанной техники.

– Воевал?

– Финская, Халкин-Гол.

– Понятно, опытный, значит.

Старлей встал и, баюкая руку, с интересом смотрел, как я обыскиваю труп поляка, а потом подбираю узелки с продовольствием. Заглянув внутрь одного, я выудил бутылку с молоком, и мы напились прямо из горлышка. Всё выпили, стресс сказывался, пить постоянно хотелось. Вернув фляжку на место, я помог Соломину усестись на широкую спину мерина, подал ему узелки, чтобы придерживал их одной рукой, и повёл коня в сторону своего лагеря. Думаю, если бы Сева узнал, что я смог спасти Соломина, он бы только порадовался. Но на этом всё, дальше я просто не смогу идти по следам Севы. Да и смысла в этом не видел. С этой минуты у меня начинался свой путь.

Пока мы двигались, я рассказал отредактированную версию, как тут оказался, как с бандитами схлестнулся и заимел повозку. Ну, и как генерала спас. Подаренного маузера тут не было, но я пообещал его показать, когда доберёмся до лагеря. Один раз лишь прервался, когда мы сошли на обочину, чтобы пропустить моторизованную часть. Не меньше потрепанного батальона прошло. Шесть танков, несколько бронев автомобилей, остальные двигались на грузовиках. Крепкая такая на вид часть.

Когда свернули с дороги к моему лагерю, уже чисто танковые подразделения пошли, поднимая большие клубы пыли, но нас это уже не волновало, мы были в стороне.

Вытащив из кустов спрятанный вещмешок, я показал подарок, который произвел на старлея впечатление, после этого мы позавтракали, так как оба не успели этого сделать. Потом я разделил припасы на две части, запряг мерина, и мы с Эдиком, как он просил себя называть, расстались. Тот поехал в тыл навстречу двигающимся подразделениям РККА, а я остался в лагере. При мне был один только сидор. Да, внутри находился ремень с кобурой с ТТ да кобура с маузером, но карабин я отдал Эдику вместе с подсумками. Вот гранаты не отдал, только патронами поделился. Так что со стороны я напоминал обычного не опоясанного и босого сельчанина. Кстати, обувь убитого поляка мне тоже не подошла, сорок третий размер. Вот у Эдика были сапоги сорок первого размера, но они ему самому были нужны.

Когда повозка, где покачивался правивший левой рукой Эдик, скрылась за холмом, я поправил сидор и побежал в сторону леса. Пока мне тут ловить нечего, стоит поискать укромную берлогу и укрыться. Уходить в тыл я не хотел, а раз собирался повоевать с немцами, то стоит хотя бы дождаться их появления.

Не знаю, может, мне повезло, но когда я добежал до леса, на опушке которого и подобрал Соломина, на моих глазах из колонны выкатился, теряя ход, танк и замер тёмной глыбой в тени кустарника под обрывом. Это был БТ-2 с тридцатисемимиллиметровой пушкой в башне. Эти танки были в основной массе пулемётными, а не пушечные, как считалось. У нас на полигоне в Кубинке они тоже были. В колонне в основном бэтэшки, хотя мелькали и туши «двадцать восьмых». Эти танки интереса для меня не представляли, хотя в умелых руках и они очень грозная сила. Жаль, наши военачальники просто не представляли себе всех возможностей этих машин и губили их в атаках и контратаках. Меня интересовали «тридцатьчетвёрки» и КВ, но их в колонне не было.

Наблюдая, как боевой отсек покинуло трое танкистов в синих комбезах и чёрных шлемофонах, я пожал плечами и направился к ним, пробормотав:

– Почему бы и нет?

Обойдя куст орешника, я сбежал по двухметровому глиняному склону на обочину и, морщась от клубов пыли, выхлопных газов и производимого шума, направился к вставшей машине.

– Здорово, парни. Поломались?

Встретив три внимательных изучающих взгляда, я только открыто улыбнулся, с интересом разглядывая танкистов. Комбезы меня только позабавили, особенно клапаны на пятой точке. Шлемофоны непривычного вида, уродцы какие-то без ларингофона. Похоже, для переговоров использовались микрофоны, они были на проводах. Схожие комбезы на Кубинке использовались, отрицать не буду, сам в таком щеголял по полигону или в боевых отсеках машин, проводя испытания, однако именно такие шлемофоны я не застал. У нас уже были нормальные, с ушками, чтобы застёгивать под подбородком, а не как здесь – шлемом.

– Поломались, – согласился командир.

Кто из них был командиром, выяснить не представляло труда. У него у одного была кобура на поясе, да и поведение на него указывало. Двое других слушали именно его. При этом все трое были сержантами, я петлицы видел в расстёгнутых воротах.

– Серьёзно? Может, помочь чем?

– Серьёзно. Движок и так был изношен, а тут клина дал.

– Тогда только на замену, – согласился я.

Один из танкистов, как я понял, мехвод, полез в танк и, достав ремень с кобурой, опоясался. Второй боец достал из боевого отсека не только карабин, но и пулемёт с запасом дисков, а также вещмешки. Похоже, парни оставаться тут не собирались.

– Уходите?

– Нет, машину не бросим, на опушке устроимся, ремлетучку подождём, она позади колонны плетётся... Вася, сошки не забудь.

– Командир, – тронул я сержанта за рукав комбеза. – Летучку можете и не дожидаться. Тормозни кого-нибудь, пусть отбуксируют тебя под деревья, там замаскируешь машину. От опушки открывается отличный вид на дорогу. Если появится колонна противника, подобьёшь первую машину и ту, что вывернет из-за поворота. Запрёшь их: с одной стороны крутой склон холма, на своих двоих не поднимешься, с другой – заболоченный луг. Позиция идеальная, деваться им некуда. Сам к опушке сможешь подняться чуть дальше. Там вполне удобный склон.

– Я смотрю, разбираешься. Воевал?

– В Финскую немецкие танки жёг, немцы их испытывали в боевых условиях со своими экипажами. Они так же и в Испании делали, только на Финской куда в меньших количествах, – нехотя кивнул я. – Тоже танкистом был, в запасе сейчас. Запомни, сержант, бей в борт или по гусеницам. Снаряды в диски пулемёта побольше зажигательных патронов. У немецких машин запас хода небольшой, топливо они на броне возят, а оно авиационное. Легко воспламеняемое. Простой боец из винтовки так легко сможет сжечь танк в колонне. Запомни это.

– Спасибо за совет, – кивнул тот и побежал вдоль колонны, махая руками. Видимо, увидел что-то интересное. Ну, а я незаметно для танкистов, что всё ещё возились с танком, доставая дополнительные диски к пулемётам, скрылся в лесу. Делать мне больше тут было нечего.

Осторожно поглядывая, куда становить босую стопу, чтобы ее не пропороть, я продолжил углубляться в лес. Двигался долго, почти километр, пока не понял, что лес крупный. Тут снова пожалеешь, что у того лжестарлея не было не только бинокля, но даже планшета с картой. Что за нищие диверсанты мне попались?

Так вот отойдя от опушки на полтора километра, я нашёл неплохой ельник и, достав нож, стал рубить лапник. Тут у меня будет лагерь. Двигаться дальше мне смысла не было. Немцы сейчас рванут к Минску, и как ни торопись, пешком мне за ними не угнаться, можно и на технике, и даже возможно, повезёт прорваться к своим, но вот этого как-то не хотелось. Были причины. Я их уже озвучивал. Не хотел, как другие бедолаги, погибнуть из-за идиотских приказов ничего не умеющих и не знающих командиров. Я-то историю знаю, выжить танкисту в огненном лете сорок первого нереально трудно, а я не такой везучий, чтобы надеяться, что мне повезёт выжить, да и вообще попасть под командование опытного и адекватного командира. Соответственно, что? Нужно сделать так, чтобы командиров надо мной не было совсем.

Время подумать у меня было, и я принял вот какой план. Чтобы не произошло большей части трагедий и поражений Красной Армии в сорок первом, нужно иметь связь с правительством Советского Союза. Тут вот Сева зря этого не сделал. Я решил устроить в обязательном порядке одностороннюю связь, чтобы на меня не вышли. Понятно, что выйдут, но мне важно было, чтобы не сразу и не скоро. Глядишь, до сорок второго продержусь. Но это я уже размечтался.

Так вот, связь буду держать с помощью писем, где стану описывать ближайшие поражения РККА. Вопрос, кому отправлять, как и через кого. Кому, нужно думать. Берия излишне подозрителен, пока поверит и примет меры, упустит все возможности. Армейцам? Да они своей разведке не верили, иначе немцев бы встретили не со спущенными штанами. Сталин замкнул всё на себя, и найти в его окружении адекватную личность очень сложно, к тому же я его в достаточной степени уважал и ценил, чтобы понять – отправлять нужно ему и только ему. Именно Сталин, когда проверит информацию, может принять требуемые меры по недопущению потерь. Самый страшный из них Киевский котёл, но и до этого сражений проигранных хватало.

Естественно, актуальной эта информация будет, пока история не изменится, но я и собираюсь её изменить и воевать дальше уже наудачу. Насчёт пересылки, то можно обычной почтой в Москву, Кремль, товарищу Иванову. Как это ни смешно звучит, но такой способ – один из самых надежных. Я не про то, что письмо может затеряться в пути, почтальон потеряет,

или ещё что, но по прибытии в Кремль оно обязательно окажется на столе у Сталина. Я эту тему точно знаю. Один генерал так обратился через голову начальства, в результате он стал генерал-лейтенантом, комкором, а вот его начальству не поздоровилось, да и старые грешки вспомнились. Ушли на дивизии с корпусов и армий, с понижениями. Вот примерно так, а дальше будем играть. Курьеры будут разными людьми. Главное, сделать всё нужно так, чтобы они потом на меня не навели. Вот только как отправлять такие письма, если я буду находиться в тылах наступающего вермахта? Нужно подумать. Есть пара идей, следует их развить.

Это по информации, которую я просто не могу не передать руководству страны. В одиночку, как это пытался сделать Сева, историю я не изменю, тут помощь нужна. Теперь стоит подумать о вживании в этот мир. Общаясь с братьями-фронтовиками, я немало наслушался о танковых рейдах по тылам отступающих немецких войск. Тут ситуация немного другая, но само дело схожее. Если у меня нет желания погибнуть в бесплодных атаках на окопавшегося противника, то почему бы с нуля не собрать такой механизированный отряд? Думаю, из всех командиров-танкистов такими знаниями обладаю один я. Теория, практики было мизер, но всё же знания имеются, голова у меня светлая, соответственно, командование я вполне потяну. Пока сам не попробую, не узнаю. То есть когда немцы уйдут дальше к Минску, я вполне смогу тут развернуться с дивизиями второй волны, крутятся вокруг них. Тут вопрос в том, как собрать отряд. Это самое сложное. Про технику я не говорю, тут я как раз проблем не видел. Зачем её собирать по обочинам, если можно навестить сборочный пункт немецких трофейщиков? Они сами всё, что нужно, соберут, а дальше следует отобрать то, что нам пригодится. Мне вот как будущему инженеру очень нравятся немецкие подвижные ремонтные мастерские. Пару машин бы я уволок.

Вот примерно такие планы у меня были на ближайший месяц. Как дальше пойдёт, посмотрим по ситуации, всё же обычно планы заканчиваются с первым выстрелом, и дальше идёт импровизация. Я опытный, я знаю. Как оказалось, я будто в воду смотрел.

Обустроив лагерь, я пообедал, был одиннадцатый час, рановато, но я что-то проголодался. В это время, когда я закончил, где-то неподалёку немецкие бомбардировщики разбомбили нашу колонну на марше. Как я догадался? Простая логика. Пару раз надо мной мелькали силуэты двухмоторных бомбардировщиков. Я чувствовал сотрясение почвы, да и разрывы бомб слышал тоже, хотя лес частично и гасил их. Вокруг ничего серьёзного не было, соответственно, бомбили колонну на марше. Всё логично.

Мне даже стало интересно, правильно ли я предположил, поэтому решил проверить. Собравшись и замаскировав лагерь, направился в ту сторону, откуда слышалась бомбёжка. Шёл я не только из любопытства, но и с меркантильными целями. Как это и нехорошо осознавать, но мне нужна обувь, форма и оружие, а погибшие на дороге точно должны быть. Вот такой вот я плохой. Там наши погибли, а я думаю, что смогу найти на месте бомбёжки. Уже перехожу на военные рельсы, но тут по-другому никак, всё равно когда-то начинать подготавливаться нужно.

Когда впереди показался просвет, я стал уже идти осторожно, всё так же поглядывая вокруг. Шуму на дороге хватало. Шла очередная колонна, по обочине топали уставшие солдаты, солнце так и играло на штыках, но и техника шла. В основном грузовики, видимо, снаряды везли, или что другое. Не людей точно. Осмотр дороги показал, что я всё же не ошибся. Стервятникам люфтваффе в этот раз попалась жирная цель, танковая колонна. Да ещё ладно бы из старых лёгких, на обочине застыли огромными машинами два КВ-1, башня одного сползла на корму. Второй на вид был целым. Да и далековато до него было, чтобы определить это с точностью. Ещё от одного остались лишь куски металла и воронка, видимо прямое попадание усугубилось детонацией боезапаса. В стороне две «тридцатьчетвёрки» продолжали пачкать небо дымными столбами. Ещё у одной большой воронки лежала на боку третья, четвертая и пятая сползли в эту самую воронку. Только кормы машин виднелись и часть башни.

Видимо, танки были серьёзно повреждены и их бросили. Это ещё не всё, воронок на поле и на самой дороге, да и вокруг хватало, так что горели также грузовики и даже несколько бронеавтомобилей. Однако налёт не нанёс сильного ущерба. Думаю, колонна проходила этот участок на максимальной скорости, и просто обходила возникающие воронки и подбитые танки. То есть немцам было трудно бомбить. Поле было изрезано гусеницами танков и следами колёс машин. Кто-то подал отличную идею броситься врассыпную, и командиры подразделений ею воспользовались. Это хорошо.

На дороге ходило с три десятка красноармейцев, было четверо в комбезах танкистов, на это шлемофоны намекали. Они собирали убитых и складывали их на обочине. Длинная шеренга, надо сказать, получилась. Сотни там не было, но с пять десятков насчитать можно было. Тут не считаются те, кто исчез при прямом попадании, они навсегда останутся в списках пропавших без вести.

Приметив, что рядом под обрывом в кустах что-то поблёскивает на солнце, я убедился, что на меня никто не смотрит, и скатился с косогора. На опушке почти сразу был обрыв, а внизу густые заросли кустарника. За ними уже дорога. За дорогой болотистый луг, а траве блестела вода. Кстати, бэтэшка с дороги пропала, я не сразу её рассмотрел, замаскированную на опушке. Правда, вокруг никого не было, да и башенный люк был открыт. Нужно на обратном пути посмотреть, нет ли там кого.

Сверкал, как оказалось, разбитый кусок зеркала заднего вида в расстрелянной с воздуха «эмке». Именно расстрелянной. Несмотря на то что машину пятнали явно осколочные отверстия, но их было куда меньше, чем пулевых. Да и в крыше также имелось несколько. Кстати, осколочные отверстия были мелкими, видимо от небольшой бомбы, предположу, сброшенной с «мессера», тот потом и добил явно генеральскую машину. А бомба точно легла у левого борта, с этой стороны острые края повреждений были загнуты внутрь, а с другой стороны – наружу. Кстати, а кто внутри?

Я осторожно подкрался к машине. Несмотря на то что легковушка проложила просеку в кустарнике, спасаясь от обстрела с воздуха, с дороги нас не было видно, видимо, поэтому машину пока ещё и не обнаружили. В самой машине были четверо, все мертвы. Водитель в звании ефрейтора, лейтенант сидел рядом. На заднем сиденье находилось два майора. Один танкист, другой – майор интендантской службы, то есть интендант второго ранга, если на местные реалии перевести. Кстати, нужно будет достать методичку по знакам различия, что сейчас приняты. Я больше специализировался на тех, когда уже ввели погоны. Не скажу, что плаваю, но иногда теряюсь, так что требуется освежить память.

Больше всего меня заинтересовал танкист. Фигура один в один как у меня. В плечах точно, а по росту нужно выяснить. Открыв дверцу, я подхватил командира, он начал заваливаться на меня, осторожно вынес наружу и положил на траву, как будто боялся потревожить раны. Как раз этот майор не сильно пострадал, но всё равно форма была вся в крови. Ростом мы тоже были схожи, я даже расстроено зашипел, что форма попорчена. Обувь по размеру не подходила, так что я вытащил остальные тела и сложил их рядком, достал и стал изучать документы. Если интендант, его помощник техник-интендант второго ранга и водитель были из одной части, то танкист вообще из Киевского военного округа. Что-то тут часто встречаются командиры с Украины, даже странно. Про себя я не говорю, легенду генералу выложил, а тут кроме генерала мне ещё и майор с Украины встретился. Даже командировочное предписание было. Не отдыхал он, по службе тут появился. Остаётся только гадать, как он в этой «эмке» с интендантами оказался.

Первым делом я не сбором документов занялся, а осмотрел обувь всех четверых погибших. Снова нехорошо так говорить, но к счастью, подходящий размер нашёлся. Не совсем мой, сорок первый, но если хорошо намотать портянки, то вполне подойдёт. Сапоги были на вид новые, мало ношенные, видимо, лейтенант недавно получил их со склада. Служебная обувь,

пошитая в мастерской, не индивидуального пошива, как у его командира. Вот у того роскошные сапоги были, шил мастер своего дела. Жаль, у меня не сорок пятый, точно прихватил бы.

Сняв обувь, я замер, прислушиваясь. Мне показалось, неподалёку хрустнула ветка. Автоколонна прошла, стало тише, раздавался лишь многочисленный шум движения стрелков. Если меня тут в мародёрстве уличат, даже слушать не будут, пристрелят, так что я действительно старался быть внимателен и тот хруст уловил. Оставив сапоги вместе с портянками у переднего колеса машины со стороны пассажира, я вооружился пистолетом, взятым из кобуры интенданта, сюда я шёл с одним ножом, и скользнул в сторону источника шума. Нужно провести разведку. Кустарник не лес, видимость минимальна, но мне удалось найти источник шума. Всё оказалось просто: бойца из колонны, что шла по дороге, прихватило, и тот сидел в позе атакующего орла, сняв шаровары и прислонив к ветвям винтовку. Повезло, углубись он ещё метров на десять, мог бы рассмотреть меня. Однако, вернувшись, следует производить как можно меньше шума, чтобы тот меня не заметил и не проверил, что тут происходит.

Того, что просеку можно обнаружить с дороги, я уже не опасался – посмотрел, как перепуганный и, возможно, уже смертельно раненный водитель загнал машину в кустарник. Думаю, это произошло, когда он уже был мёртв. Извлекая водителя из салона, я едва смог разжать сведенные на баранке в предсмертной судороге пальцы. Так вот, машина не с дороги рванула в кустарник, а скатилась на обочину, чуть не врезавшись в косогор у опушки, и помчалась вдоль нее, пока не углубилась в лес, ломая тонкие деревца и ветви. Обнаружить можно, но трудно. Кстати, осматривая просеку, я на свежей земле, где «эмка» куст вывернула из земли, обнаружил нечёткий след сапога. Это что, значит, похоронная команда о машине знает, но пока им не до убитых? Странно, командиров должны в первую очередь выносить для захоронения.

Я уже собрался уходить, боец всё кричал на своём месте, когда вдруг заметил боковым зрением движение. Слегка скосив взгляд и стараясь замереть, я не сразу рассмотрел двух мужчин, что лежали на опушке кустарника. Один из них рассматривал дорогу в бинокль, другой контролировал бойца, который их не замечал. Оба были в нашей командирской форме, в фуражках. Того, что наблюдал за бойцом, я и рассмотрел, это он повернул голову в его сторону, вот движение я и уловил. А второго не сразу, кустарник скрывал, но сделал шаг в сторону, и второго углядеть смог в переплетении ветвей кустарника. Да и листья создавали дополнительную маскировку. Меня они не заметили, тут повезло, я не производил шума. Не то чтобы я такой опытный ходок, просто смотрел, куда ставлю босые ноги. Как оказалось, не зря.

Кто были эти двое, я даже гадать не стал. Кто ещё будет тайком наблюдать за подразделениями Красной Армии? Диверсанты, кто же ещё, тем более они в нашей форме. Хм, а не они ли у машины с убитыми крутились? Вполне возможно, тогда всё складывается. Когда наблюдатель снова мельком посмотрел в сторону дороги, второй с биноклем так и так не отвлекался, я сделал шаг назад, чтобы тот не уловил моего движения. После того как я ушел из пределов видимости диверсантов и бойца, то развернулся и, осторожно ступая, вернулся к машине. Про диверсантов я не забывал, но просто так обстреливать их не стоит, выстрелы услышат, и набегут все, кто будет рядом, тогда прощай трофеи. Да и то, что с погибших командиров кто-то начал снимать детали формы, тоже обнаружат, как бы мне этого не приписали. Не хотелось бы. Вот соберусь, отнесу трофеи в лес и, вернувшись, завалю диверсантов, а потом бегом в лес, пусть тут командиры стрелковой колонны разбираются. Оставлять противника вот так не стоит. Да одни ли они здесь? Наверняка где-то рядом есть основная группа. Думаю, в лесу, мне повезло с ними не столкнуться.

Вернувшись к машине, я продолжил осмотр тел. Собрал документы, снял с обоих интендантов планшетки, в которые мельком заглянул, мне нужны были местные карты. К счастью, в обеих они были, причём со странными метками. Это меня заинтересовало, я стал читать сокращения, написанные рядом с метками, как вдруг меня озарило. Так это же указаны склады, что находятся вокруг. Ничего себе. На карте лейтенанта меток было куда меньше, а вот у май-

ора их хватало. Судя по ним, вблизи было четыре склада, причём необорудованных, просто сгрузили под открытым небом, и всё. Один из складов находился неподалёку в лесу, в котором я устроился, только немного с другой стороны. Неудивительно, что я на него не наткнулся, лесной массив, на опушке которого я находился, был обширным. Тут армия затеряется, не то что склад. Причём это был ближайший, в этом лесу их было одиннадцать, судя по отметкам. Трофей ну очень замечательный, так что, сложив все карты, блокноты и писчие принадлежности в одну планшетку, вторую я вернул лейтенанту. У майора она поновее была. Вот оптики я опять не нашёл. Ничего, у меня ещё диверсанты имеются, а у них оптика точно есть, сам видел.

Закончив осматривать тела, документы убитых я вернул по карманам, не хочу, чтобы их считали пропавшими без вести, и стал осматривать машину. Карабин водителя был на месте. Я его тоже достал и положил рядом с другим вооружением, снятым с погибших, вот это я уже забирал, ремень с подсумками с пояса водителя тоже снял. Патронов там было всего двадцать штук. Вот багажник порадовал меня чемоданом и двумя сидорами. Один из сидоров точно принадлежал водителю, солдатское там всё было, а второй даже не знаю кому, скорее всего, старшему интенданту. Главное, меня порадовал явно дорогой бритвенный набор с зеркальцем фирмы «Золинген». Ещё в багажнике были три солдатских котелка с крышками, но без столовых приборов. Мне они и не требовались, ложку я нашёл в сапоге у бойца. Когда я достал чемодан и открыл, то чуть не воскликнул: «Бинго!» Всё правильно, танкист не мог отправиться в командировку без тревожного чемоданчика, его-то я и обнаружил. Открыл и сразу увидел тёмно-зелёную дорожную комсоставскую ткань френча, под ним – синюю ткань галифе. Тут же и чистое исподнее. Судя по командировочному удостоверению, прибыл тот вчера днём, вот и не стал ничего менять, не успел запачкаться. Форма была новенькой, практически не ношенной, так что я сразу решил её померить, всё же мы с майором-танкистом имели схожие фигуры. Как оказалось, это было правильным и, главное, своевременным решением.

Скинув трофейную польскую одежду, я достал дорогое нательное бельё из чемодана и надел его. Точно как по мне сшито! Потом натянул синие бриджи и надел сапоги лейтенанта, намотав свежие портянки, я их нашёл тут же в чемодане. Только после этого я через голову надел френч и, застегнув пуговицы, затянул ремень, сгоняя складки френча назад, приправил тяжёлую кобуру с пистолетом на поясе. Ремешок через плечо тоже не пришлось подгонять, как я уж говорил, фигуры у нас были одинаковые. Ремень и кобура танкиста были. У обоих майоров были ТТ, а вот у лейтенанта наган. Фуражка танкиста не пострадала, чуть-чуть измаралась в крови, но отмыть было можно. Главное, что она пулями и осколками не пробита, как у интендантов. Размер подходил, так что я примерил её и, подойдя к зеркалу заднего вида, изучил, как выгляжу. Вполне серьёзно, сбрить бы щетину, но пока нет на это времени, и хоть на танцы.

Вернувшись к багажнику, я убрал всё самое ценное в чемодан и один из сидоров, котелки так все прихватил, нужная вещь. Даже ложку сунул за голенище сапога. В чемодан ушли и бритвенные принадлежности, и ещё много что по мелочи, включая ремни с кобурами интендантов и подсумками водителя. В сидор – котелки, немного продовольствия, что я нашёл в машине, жаль, одна банка была повреждена осколком, пришлось ножом вскрыть её и съесть тушёнку. В общем, когда я уже собрался уходить, причём убрав одежду, в которой пришёл, в сидор, чтобы посуда не звенела, как заметил, что у пролома, оставленного «эмкой», мелькнуло несколько фигур. Похоже, бойцы, что занимались сбором погибших, нашли по следам легкову машину и сейчас появятся тут. Уйти я уже не успевал, заметят, однако пока был скрыт от них машиной. Поэтому быстро присел, достал из нагрудного кармана френча майора-танкиста все документы и вложил их себе в карман, мельком пробежавшись по ним, чтобы запомнить. Буду теперь командиром танкового полка майором Корневым Андреем Ивановичем, находящимся в командировке до двадцать восьмого июня.

Открыв чемодан, я выложил часть находок. Оставил только то, что принадлежало майору, ну и бритвенные принадлежности, сидор тоже положил в общую кучу, а чемодан отнёс немного в сторону, как будто я с ним пришёл и наткнулся на машину. Уже был слышен хруст нескольких тяжёлых шагов, когда я достал из своей кобуры пистолет и, слегка выглянув, чтобы три красноармейца меня заметили, прижал указательный палец к губам, намекая, чтобы те не производили шума, и махнул рукой, чтобы следовали за мной. Держа пистолет наизготовку, стал красться к лёжке диверсантов. Боец уже ушел, догоняя своё подразделение, а вот противник пока оставался на месте. Мельком обернувшись, я довольно кивнул. Все три бойца, сняв винтовки, так же крались за мной.

После этого я вскочил на ноги и заорал:

– Руки вверх! Держать их на виду, а не то стреляю!

Почти сразу я выстрелил. Если наблюдатель с биноклем замер, то второй, что его охранял, метнулся в сторону, пытаясь вскинуть руку с револьвером, но почти сразу упал с простреленным плечом. Выстрелил я трижды: в плечо второму и две всадил в землю рядом с телом наблюдателя.

– Вяжите диверсантов! – крикнул я бойцам, что уже подбегали. – Похоже, это они навели бомбардировщики на колонну!

Ни на миг не сомневаясь, все трое пробежали мимо и навалились на диверсантов. Причём двое на раненого, тот успел перекинуть оружие в неповреждённую руку, а третий фиксировал наблюдателя с биноклем, разоружив его, но пока не связывая. А вот двум его напарникам было тяжело. Несмотря на ранение, диверсант был настоящим лосем, они ему руку выкручивали, пытаясь вырвать наган, отчего произошло несколько произвольных выстрелов, благо ушедших в землю, но тот ревел на немецком и не давался. Причём шумели мы не одни, где-то за спиной с опушки бил пулемёт – ДП, судя по звуку и лязгу. Первая очередь хлестнула у меня над головой, так что я упал, прикрыв голову руками. Но больше не слышно удара пуль по веткам и стволам, видимо пулеметчик, что прикрывал наблюдателей, стрелял по дороге, оттуда активно отвечали. Привстав и осмотревшись, я подбежал к бойцам, помогая им и командуя. Револьвер они уже вырвали, при этом сломав руку немцу, а это точно был немец, после этого ремнями связали руки обоих. Даже начали перевязывать рану подстреленному мной. Я же подхватил отлетевший в сторону бинокль и повесил его на шею. Чехла к нему не было, но и так неплохо.

Пулеметчик, выпустив один диск, похоже, ушёл, сообразив, что прикрывать некого, мы их взяли, так что народу в кустарник набегало изрядно. До роты бойцов да с десятков командиров. Как оказалось, по шпалам я был самым старшим в этом курятнике. Пришлось соответствовать. Сразу же отправил усиленную ручными пулемётами группу преследовать диверсантов, приказал вызвать особистов и передать им пойманных диверсантов. Также велел осмотреть машину и погибших командиров, с почестями похоронить их. Намёками дал понять, что мародёрили у машины диверсанты. Свалил на них всё это. Ну, и одного бойца послал за своим чемоданом, а то мало ли его в общую кучу снесут.

Мои команды исполнялись достаточно быстро и оперативно, мне нравилось, что они не вызвали никаких сомнений. Особисты прибыли, когда я заканчивал допрашивать диверсантов, выясняя местоположение лагеря, который находился совсем рядом. При допросе присутствовал капитан Малкин, командир стрелкового батальона, который как раз и попал под обстрел прикрытия наблюдателей. Так что он отправил дополнительную группу бойцов уже в лагерь противника, первая группа ещё не вернулась. С этой группой ушёл один из особистов, другие изучали, что тут произошло, приняв под охрану диверсантов. Второй, кстати, поляком оказался.

Вот особисты миндальничать не стали, проверили мои документы и командировочное удостоверение. Благо ни там, ни там фото не было. Я вообще дивлюсь на такое. От фронтовиков, конечно, слышал, что даже у командиров в документах фотографий не было, а тут сам убе-

дился. На личном опыте. Опрашивающий меня сотрудник особого отдела стрелковой дивизии, что передвигалась по этой дороге, задал несколько уточняющих вопросов. Например, имена командиров дивизии, где командовал полком погибший майор, личностью которого мне по случайности пришлось воспользоваться. Конечно, поглядывал на меня удивлённо, мол, молод я слишком для такого звания и должности, но особо не комментировал. Тут многих можно вспомнить, кто через несколько званий перепрыгнул. Не думаю, что он знал командиров дивизии совершенно другого военного округа, больше по привычке спрашивал, изучая, как я отвечаю, не спотыкаюсь ли на ответах. Не спотыкался, можно проверить. Кто командовал этой дивизией в начале войны, я был в курсе. Кстати, вся дивизия сгинула у границы, мотаясь по дорогам и тратя ресурс, теряя технику и людей, это я тоже знал.

– Всё в порядке, товарищ майор, – протягивая мне документы, сказал следователь, что записывал мои показания.

Пришлось, конечно, немного нафантазировать, но зато мой рассказ хорошо ложился на увиденное тут. В общем, я отошёл в кусты до ветру, по большой надобности, по уточнению для следователя. Наблюдателей заметил сразу, но не подавал виду, хотя они видели, как я заседал. Моё внимание привлекли блики на стекле расстрелянной машины. Закончив дела, пошёл посмотреть, что там бликует, обнаружил машину и рядом сложенные тела, а также кучу собранного вооружения и трофеев. А тут появились бойцы, вот я и решил брать диверсантов.

– Знаешь, лейтенант, – сказал я, убирая документы в нагрудный карман френча, – что было сложнее всего? Срать под любопытными взглядами немцев.

– Да уж, – хмыкнул тот.

В это время от дороги послышался шум от большой группы людей, через который хорошо пробивался командный бас. Шум подъехавших машин я слышал ранее, теперь, похоже, тут появятся те, кто приехал на них. Это оказалось командование и штаб стрелковой дивизии. Комдив в звании полковника, это его бас раздавался до этого, быстро выяснил, что тут произошло, осмотрел диверсантов и выслушал доклад комбата – только что вернулись обе поисковые группы. Диверсантов они не встретили, те ушли. По возвращении одна из групп обнаружила у замаскированного на опушке танка убитых ножами танкистов. Похоже, это тоже работа диверсантов. Да и обстреливали они батальонную колонну захваченным пулемётом танкистов, его тут же брошенным на огневой позиции нашли.

Отдав приказ батальону продолжить движение, полковник подошёл ко мне.

– Ну, здравствуй, герой, – пожал он мне руку. – Молодец, что этих тварей углядел.

– По случайности, товарищ полковник, – смущённо улыбнулся я, расслышав едва слышимый смешок следователя.

– Кто такой?

Представился, удивив комдива, что я вообще не местный, да ещё командировочный. Тот на миг задумался, сняв фуражку и поглаживая свою гладкую, как бильярдный шар, голову и вдруг просиял. Повернувшись, он велел адъютанту:

– Давай сюда потеряшек. Начштабу передай, чтобы тоже подошёл сюда, – после чего повернулся ко мне: – Про учебные сборы в войсках слышал?

– Конечно, товарищ полковник. Около села, где располагается штаб моего полка такие партизаны стояли. Западников там много было.

– Почему партизаны? – удивился тот.

– А кто они ещё? Нагнали толпу гражданского народа и пытаются что-то сделать. Ни формы нормальной, ни оружия. Одеты кто во что горазд. Натуральные партизаны.

– Ха, действительно партизаны, – гулко хохотнув, хлопнул себя по ляжкам комдив. – Так вот, тут рядом лагерь этих партизан. Командир у них майор Злобин, ни рыба ни мясо, хозяйственник. С началом войны про них забыли, машина с продовольствием не пришла. Майор отправил одного из командиров запаса в сопровождении двух бойцов. Чтобы выяснить, что им

делать, связь с командованием пропала, а те наткнулись на нас. Хотел своего человека выделить, а тут ты, майор, удачно подвернулся...

– Товарищ полковник, мне бы в свою часть вернуться, – протянул я. Становиться командиром призванных на сборы я не хотел категорически.

– Твоя дивизия у границы стоит?

– Да, товарищ полковник, в прикрытии.

– Значит, уже воюет, – правильно заключил комдив. – Майор, приказы не обсуждаются, а выполняются... Да ты не беспокойся, пару дней покомандуешь, пока мы немцев поганой метлой не выкинем, а потом получишь смену и вернёшься в свою часть. Я даже насчёт самолёта договорюсь. Так что принимай командование.

– Есть принять командование, – как можно бодрее ответил я и, вытянувшись, козырнул.

Комдив уже потерял ко мне интерес и отдавал приказы своему начштаба в звании подполковника, насчёт нас. Он велел написать приказ, по которому я временно становлюсь командиром лагеря учебных сборов. Кроме того, мне из автобата дивизии выделялось две полуторки на пять дней. Ещё начштаба должен был выписать наряды на продовольственные склады, но только на эти сутки, больше дивизия выделить не могла. Дальше мне самому крутиться придётся, хотя комдив как раз был уверен, что к тому моменту будет смена. Точно идиот, вот из-за таких дуболомов мы приграничные сражения и проиграли.

Отдав необходимые распоряжения, комдив направился к дороге, начштаба приказал мне следовать за ним, чтобы получить нужные наряды, их ещё выписать нужно, а писарь находился у штабной колонны.

– Иду за вами, товарищ подполковник, – кивнул я, после чего повернулся к своим фактически первым подчинённым.

Мне их уже представили. Что ж, печальное зрелище. Командир в звании старшего лейтенанта, на котором форма сидела как на корове седло, даже оружия не имел, пояс был пустой, двое бойцов, что были с ним, вообще по гражданке были, что уж про оружие говорить. Нужно прояснить ситуацию насчёт этого.

– Оружия нет? – спросил я у старлея.

– Нет, товарищ майор. На весь лагерь всего тридцать винтовок, один ручной пулемёт и один станковый для изучения. Боеприпасов очень мало. Винтовки используются для караулов. Форму успели выдать только комсоставу, да и то не всему. Личное оружие получили три командира. Мне не досталось.

– Кто вы по профессии? Меня интересуют военные специальности и гражданские.

– По военной я прохожу учёбу как заместитель начальника штаба полка. По гражданской – учитель математики районной школы.

– Западников в лагере много?

– Вообще нет, – удивил тот меня. – Мы из средней и центральной полосы Советского Союза.

– Ясно. Видите машину? Берёте бойцов, забирайте всё оружие и боеприпасы. Там сидор, тоже прихватите. Диверсанты трофеи собирали. Мы их заберём. Оружие одного из погибших командиров заберите себе, карабин выделите одному из бойцов. После этого следуйте к штабной колонне, найдёте меня там. Всё, выполняйте.

– Есть выполнять, – изобразив что-то вроде козыряния, вздохнул старлей и повёл бойцов к машине, где работала похоронная команда. Часть погибших они уже вынесли, осталось двое, но трофеи, как я видел, пока не трогали.

Подхватив чемодан, стоявший у правой ноги, я заторопился к дороге. Нужно получить то, что мне должны выдать. И угораздило же меня так влипнуть! Лишь одно порадовало, если бы не сложившаяся ситуация, то скорее всего, этот день я бы не пережил, при мысли об этом по спине пробегал холодок. Думаю, прикрытые наблюдатели прекрасно видели, как я из леса

перебрался в кустарник и мародёрил у машины. Выходит, по возвращении меня могли перехватить. Да я уверен, взяли бы меня. Тихо сняли бы ножом, и «ам» бы не сказал, как танкисты. Когда я к машине шёл, перехватить, похоже, они меня не успели, а вот на обратном пути не оплошали бы. Так что всё, что ни происходит, всё к лучшему. Однако такой груз, что навесили на меня, всё равно меня не радовал. Где я, а где эти партизаны!

Выйдя из кустарника, я покосился в сторону работающей похоронной команды, подумав, что нужно собрать оружие для теперь моих бойцов и командиров, после чего двинул к штабному грузовику, рядом с которым стоял начальник штаба дивизии. Пора приниматься за дело. Блин, а у меня ведь в лесу в схроне маузер спрятанный лежит, как его забрать?

Мыслей просто свалить куда подальше, маханув на всё рукой, у меня даже не мелькнуло. Этих партизан ждала или горечь плена, или гибель. Может, кто действительно партизанить будет, а возможно, сможет прорваться к своим вместе с отступающими подразделениями Красной Армии. Всякое может случиться, однако все результаты хорошими не назовёшь. Могу ли я им дать шанс выжить? При некоторой удаче, вполне. Главное сразу жёстко себя поставить, показать возможности и лишить иллюзий о несокрушимости советской армии, чтобы шевелились пошустрее, зная, что помощи не будет и вся надежда на них. Хм, а я ведь не узнал, сколько там этих партизан. Да вряд ли больше пары сотен, так что справимся.

– Товарищ подполковник, вы не в курсе, сколько всего призванных на сборы проходят обучение в лагере? – решил я на всякий случай уточнить у начштаба.

– Нет, мне это точно не известно, – отрицательно мотнул тот головой, подписывая бланки, подаваемые писарем.

– Ясно.

Подполковник, наконец, закончил, и передал мне подписанные бланки с пояснениями. Кстати, странно, продовольствия выписано чуть ли не на тысячу человек. Всю стопку я убрал в планшет, продолжавший висеть на боку. Напутствий услышать мне не довелось, лишь пожелание удачи. Штабная колонна и так тут задержалась, зенитное прикрытие у них было слабое, на двух машинах счетверённые «максимы», так что комдив поспешил догонять подразделения дивизии.

Когда колонна, поднимая пыль, пошла дальше, я отошёл в сторону и отряхнул френч. Рядом с моим чемоданом стояли все три партизана. У одного бойца застёгнутый пояс с подсумками криво висел – я машинально отметил, – и на плече карабин. Старлей обзавёлся личным оружием. Судя по кобуре, выбрал он, похоже, наган. Как они подошли, я видел, лишь отмахнулся от старлей – велел обождать. Начштаба как раз передавал бланки, поясняя, на каких складах можно получить снаряжение. Нормально, оба склада у меня были на карте.

– Докладывайте, что забрали, как всё прошло, – велел я.

В принципе, можно было и не докладывать, я всё видел. Даже сидор, что висел за спиной второго, безоружного пока бойца. Кобуру с пистолетом старшего интенданта старлей держал в руках. Выслушал доклад, а на том моменте, когда сержант из похоронной команды не хотел отдавать трофеи, спросил:

– Вы в курсе количества бойцов и командиров в вашем лагере, призванных на сборы?

– Весь наличный состав в лагере призван на сборы, – браво отрапортовал тридцатисемилетний учитель. – Кадровых у нас нет.

– Количество, – коротко напомнил я.

– Списочный состав по пересчёту сегодня утром – тысяча шестьсот двадцать шесть бойцов и командиров.

– Сколько? – ошарашенно пробормотал я, мысленно костеря комдива. Классно он скинул с себя такую задницу!

Старлей повторил, разглядывая моё вытягивающееся лицо.

– Ладно, – яростно потёр я колкую щетину на подбородке. – Разберемся. Вот что, старлей, ловите ближайшую попутку и езжайте в село Марьино, оно в двенадцати километрах. Там располагается штаб автобата стрелковой дивизии. Вот приказ на выделение нам двух машин с водителями и запасами топлива. По этим нарядам получите продовольствие на весь лагерь. Полевые кухни в лагере есть?

– Есть, товарищ майор. Ротные, двенадцать штук.

– «Единиц» нужно говорить. Куда столько?

– Ожидалось пополнение, да и кадровые командиры должны были прибыть.

– Ясно. Значит, получаете на складе продовольствие, выдвигаетесь к лагерю. Сейчас внимательно слушайте, если пропустите мимо ушей, это может стоить вам жизни. Когда выдвигаетесь обратно, езжайте хоть на подножке, но крутите головой во все стороны. Увидите точки в небе, загоняйте машины под любое дерево и от них в сторону, залегайте в укрытиях. Как самолёты пролетят, двигаетесь дальше. В этом случае шансы добраться до лагеря повышаются. С собой возьмёте бойца с карабином, будет охранять вас и груз. Второй боец дорогу до лагеря знает?

– Красноармеец Бабочкин, товарищ майор, – вытянулся тот. – Разберёмся.

– Ясно, сам по карте лагерь найду, – вздохнул я и посмотрел на старлея. – Ведите себя уверенно, требуйте выдать всё, что нужно. В случае необходимости разрешаю применять оружие... Не пугайтесь так. Стреляйте в воздух, обычно это хорошо прочищает мозги интендантам. Всё, свободны. Вот колонна идёт в тыл, с ней доедете.

Подняв руку, я остановил переднюю машину и, поговорив со старшим колонны, договорился, что они подбросят Головина с бойцом до Марьино. Старлея звали Иваном Головиным. Перед тем как забраться в кузов одной из машин, тот передал свёрток из ремня и кобуры оставшемуся бойцу. Тот подхватил чемодан и последовал за мной. Направлялись мы в сторону опушки. Мимо позиции пулемётчика-диверсанта, где блестели латунью стреляные гильзы, я прошёл к танку. Танкистов уже не было, видел, как отсюда несли убитых на носилках к общей братской могиле. Велел бойцу отдыхать и быстро осмотрел танк. Замок и прицел на месте, боезапас полный. Покрутив туда-сюда башней, проверил башенный пулемёт, он был на месте, и довольно кивнул. Перед тем как вылезти, я выкинул через люк мехвода свёрнутый тюк запасного комбинезона и шлемофон.

Выбравшись, я задумчиво осмотрел бойца и подозвал его. Тридцатилетний рубаха-парень по виду, особенно роскошный чуб на это намекал. Бабочкин тут же подскочил, вытягиваясь и преданно поедая меня глазами. Хмыкнув, я сказал:

– Значит, слушайте приказ. Красноармеец Бабочкин, вам поручается ответственное задание. Вы будете тут изображать танкиста и охранять танк до подхода боевого подразделения. То есть помощи. Сейчас вы снимете свою одежду и наденете комбинезон, а также шлемофон, перепоясаетесь командирским ремнём. Это временно, позже получите другое оружие. Пока меня не будет, ваша задача – подготовить огневые позиции. Лопата на танке есть, позиции я вам размечу. Нужно будет вырыть окопчики для стрельбы лёжа и пару пулемётных позиций. Причём замаскированных. Пока переодевайтесь, а я прогуляюсь до похоронной команды.

Оставив бойца, я сбежал по косоугору – танк на опушку подняли выше, судя по следам гусениц, там плавный спуск был – и, пройдя кустарник, вышел на дорогу. Захоронением занимался старшина, командовал двумя десятками бойцов. Он оказался вполне адекватным и на мою просьбу кивнул. За оружием, собранным ими, должна была прибыть машина, но её всё не было. Так что он не возражал, если всё собранное снесут на пушку к танку. Боеприпасы туда же. По подсчётам старшины, было сорок три винтовки Мосина, две СВТ, три карабина Мосина, два ДП, но один не рабочий, повреждены механизмы перезарядки. Пистолетов было три, револьверов не было. Пожав старшине руку – тот уже отрядил двух бойцов для переноски вооружения и боеприпасов на опушку, – я сказал ему:

– Информация секретная, но вижу, ты адекватный. Немцы заканчивают перемалывать наши войска у границы. Тут они будут или сегодня вечером, или завтра утром. Имей это в виду.

– Ясно, товарищ майор, – удивлённо пробормотал тот. – Мы часа через три уходим. Дальше в трёх километрах ещё одна обстрелянная колонна. Убитые на обочине сложены. Мне поставлена задача их похоронить.

– Тогда держи одного бойца всегда в наблюдении и подготовь заранее укрытия, хотя бы окопчик, чтобы вас врасплох не застали. Прощай, старшина.

– Прощайте, товарищ майор.

Подхватив ДП и сидор с запасными дисками, чтобы не идти обратно с пустыми руками, я энергично зашагал к опушке. Бойцы одну ходку уже сделали, шли по второй. Боеприпасы были в основном в подсумках, снятых с убитых красноармейцев, но было и несколько ящиков, включая два с гранатами. Оказалось, около одного из грузовиков рванула бомба, и взрывной волной развалило полуторку. Часть раскиданного содержимого собрали проходящие колонны, но что-то осталось, всё это сносили на опушку. Боеприпасы, особенно патроны в цинках, меня порадовали. Не будет патронного голода в случае засады, а я был уверен, что до неё дойдёт.

Вернувшись к танку, я передал бойцу банку с рыбными консервами и слегка зачерствевший хлеб, а то он с утра не ел, да и тогда была жидкая каша. В лагере, как я говорил, были проблемы с продовольствием, утром машина не пришла. Каждый день привозили продовольствие, а тут как отрезало. То, что началась война, командиры в лагере понимали, но были растеряны, не знали, что им делать. Именно поэтому Злобин и отправил Головина на разведку. Вот так я и был назначен их командиром.

Пока Бабочкин быстро насыщался, я отобрал из кучи вооружения карабин в приличном состоянии, патронташ и передал их бойцу, забрав у него пистолет. Поспешил я с ним. Убедившись, что тот с оружием управляет достаточно уверенно, но без ловкости, присущей кадровым бойцам, стал ходить с красноармейцем по опушке, и тот по моим указаниям размечал будущие стрелковые ячейки. Естественно, полнопрофильные окопы ему было не подготавливать, но пусть хоть начнёт. Я разметил позиции для пятидесяти стрелков и двух пулемётных расчётов. Всё бойцу одному не осилить, но добравшись до лагеря, я вышлю ему помощь, заодно вооружу добытым оружием. Гул канонады от границы заметно приблизился. Так что прежде чем уйти, я прислушался, прикидывая, сколько у нас времени. Думаю, сегодня немцы не появятся. Им добить приграничные части нужно, да те, что выдвинулись на прикрытие, вроде той дивизии, с комдивом которой мне удалось познакомиться.

Всё же перед уходом я раскулачил бойца. Забрал из его теперь сидора один котелок – посуда хорошая, мне тоже пригодится. Котелок без проблем уместился в чемодане, и я направился вглубь леса. Обходить массив смысла не было, напрямую быстрее. Тем более надо по пути в схрон заглянуть, сидор забрать. На ходу я достал свободной рукой пистолет из кобуры и убрал его в карман. Надо чуть позже перезарядить его, а то как выпустил три пули, так и не трогал, я уж не говорю про чистку. А из кармана легче и быстрее достать при определённой сноровке, тоже может пригодиться.

Не пригодился. Заглянув в схрон, я забрал сидор с вещами, повесил его за спину и двинул дальше, всё так же шагая с чемоданом в руке. Я особо не удивился, что спокойно, без окриков прошёл на территорию лагеря. С интересом осматриваясь, сразу двинул к плацу. Стоящие в линейку палатки, подразделения на учёбе – да, народу тут хватало. Но все по гражданке, что было непривычно.

– Боец, ко мне, – приказал я одному бегущему куда-то мужчине в пиджаке, лет тридцати пяти на вид.

Тот выполнил приказ. Не знаю, что за командир Злобин, но вымуштрованы «партизаны» вполне на уровне. В смысле приказы командиров выполнялись, даже незнакомых.

– Красноармеец Силин, – козырнул тот, кинул руку к кепке.

– Прежде всего, красноармеец Силин, ты должен был задержать незнакомого командира, неизвестно как попавшего в ваше распоряжение. Мне уже приходилось встречаться с немецкими диверсантами, обряженными в нашу форму. Четверых так лично пристрелил. Надеюсь, ты всех командиров в лицо знаешь?

– За две недели всех узнал, товарищ майор.

– В следующий раз будь внимателен, имей в виду диверсантов. Веди к Злобину.

Боец, изредка поглядывая на меня, провёл к большой штабной палатке, где передал с рук на руки дежурному командиру. По виду в лагере был порядок: наряды, учёба – всё как положено, даже стенды с политинформацией, как и дежурный командир на месте. Он-то меня и встретил. Злобин искренне обрадовался, узнав, что я прибыл в лагерь на должность командира. Назвать это сборище частью, боевым подразделением у меня язык не повернётся, лагерь он и есть лагерь. Изучив приказ, подписанный комдивом, дежурный только согласно кивнул. Я сообщил, где Головин с бойцами, и что если ничего серьёзного не случится, то через час обе машины с продовольствием должны быть тут.

– Заливать в котлы воду? – тут же спросил Злобин.

– Да, можете подготавливать, отдайте приказ.

После того как приказ был отдан, я осмотрел командиров, что находились в палатке, меня с ними уже познакомили, и попросил майора:

– Сообщите штатный состав подразделений.

– На базе лагеря было сформировано десять стрелковых рот по сто пятьдесят бойцов в каждой.

– Но это стрелковые роты, а мне нужны хозяйственные подразделения, сапёрные, в конце концов.

– Приказа формировать подобные подразделения не было, – немного виновато пожал плечами Злобин. – Нас же на три месяца призвали, изучаем оружие, устав, ведём тренировки, строевую. Получаем политинформацию.

– Ясно, – задумчиво протёр я подбородок. – С другой стороны, даже хорошо, что у вас тут так сложилось. Вы теперь для меня что тот пластилин, лепи, что хочешь. Ладно, с этим разберёмся чуть позже. Сейчас мне нужен комроты со следующими качествами: исполнитель, но без инициативы, имеет хорошо подготовленное подразделение.

– Пожалуй, старший лейтенант Зацепин подходит под это описание. Да и рота у него одна из лучших. Очень въедливый он.

– Вызовите всех командиров на совещание, Зацепина первым. У меня для него отдельное задание.

Пока командиры собирались, всего было семнадцать от младшего лейтенанта до майора, а также три политработника – младший политрук, политрук и старший политрук, – я расстелил на столе карту, добытую у интендантов. Ту, которая с наименьшими отметками.

– Товарищ майор, старший лейтенант Зацепин по вашему приказу прибыл, – козырнув, доложил молодящийся мужчина лет тридцати.

– Проходите, лейтенант, – подозвал я. – Карту читаете? Отлично. Слушайте приказ. Сейчас поднимаете свою роту по боевой тревоге и выдвигаетесь сюда. Тут у замаскированного танка находится красноармеец Бабочкин, что на данный момент должен охранять танк, а также рыть стрелковые ячейки для стрельбы лёжа. Ваша задача – закончить оборудование огневых позиций. Рядом склад с вооружением и боеприпасами. Вооружите примерно половину своей роты. После этого на опушку не выходить, позиции не демаскировать, ожидать меня. Выставить двух наблюдателей, замаскировать их, чтобы не было видно с дороги. Когда появятся немцы, отступить, огня не открывать, ожидать меня. Ваша позиция засадная, задача – остановить противника любыми путями не стоит, только нанести максимально большие потери в

людях и технике, а это может произойти только во время засады. Я прибуду к месту часа через три, до наступления темноты. Всё ясно? Вопросы?

– Ясно, товарищ майор. Вопросы имеются. Мои люди не кормлены с утра, только что закончились тяжёлые тренировки на спортплощадке.

– Меня радует, что вы заботитесь о своих подчинённых, так держать. Люди выдержат. Насчёт продовольствия. По прибытии на место отправьте обратно пять бойцов за сухпаем. Это всё, что я могу вам пообещать. Выступить вы должны через десять минут. Это ещё не всё. Постройте роту и опросите бойцов. Мне нужны плотники, водители, механики, техники. Если таковые найдутся, направьте их в распоряжение штаба. Всё, на этом свободны.

Зацепин поспешил выйти, а я услышал несколько возмущённый вопрос политрука:

– Товарищ майор, вы уверены, что немцы будут тут?

Вздыхнув – придётся много говорить и объяснять, нужно сразу расставить акценты, – я ответил:

– Я вас не сильно обрадую. Немцы уже здесь. Добив сопротивление наших войск у границы, немцы обтекают этот лес с обеих сторон. Сил организовать засады на обеих дорогах у меня пока нет, но на одной они кровью умоются, будьте уверены.

– Но наша Красная Армия...

– Вы знаете, товарищ политрук, что в Советском Союзе армии нет? То, что есть, это одно название.

– Да как вы смеете!.. – вскочил тот с красным от ярости лицом.

– Смею, юноша. Ещё как смею, – усмехнулся я, поглядев на «юношу», который на несколько лет был старше меня. Да я по возрасту тут вообще самый младший.

Политрука удержали его соседи и, немного успокоив, усадили на место, а я, дождавшись, когда гомон стихнет, облокотился о стол, закинув ногу на ногу, и весело осмотрел присутствующих.

– Хотелось бы услышать ваши мнения о той истории, что сейчас вам расскажу, попрошу ответить честно, что думаете. Кстати, случай этот не единичный. Так вот, обычное подразделение Красной Армии, возьмём, например, стрелковый батальон. Имеются четыре командира роты, трое – стрелковых рот, и один, например, пулемётной роты. Командир третьей стрелковой роты, молодой, активный, желает сделать свою роту лучшей. Полученный боевой опыт в одном из конфликтов даёт ему знания, что и как нужно делать. Его рота, в отличие от других, постоянно то на полигоне отрабатывает оборону или атаку, то совершает марши, то на стрельбище, то на уроках по тактике. Рота действительно становится лучшей, и в случае боевых действий шансов выжить у бойцов этой роты куда больше, чем у других, так как их действительно готовили к войне. Теперь вопрос. Какие были последствия такого обучения для командира роты? Можете озвучивать даже самые безумные предположения.

– Был награждён? – снова успел первым шустрый политрук.

– Ещё версии? – усмехнулся я.

После этого они посыпались градом, но мало чем отличались от идеи политрука.

– Холодно, товарищи командиры запаса. Всё куда проще, и я бы даже сказал, в наилучшем варианте. Один из бойцов этой роты, решив, что их слишком нагружают, глядя на другие подразделения батальона, пошёл жаловаться в политуправление дивизии. Там ему обрадовались, ещё бы, такой случай поставить строевых командиров на место, и раздули дело. Мол, командир – это такой же человек, как и бойцы, он должен быть вместе с ними, делить всё, а не командовать по-старорежимному. Например, зачем он заставлял рыть полнопрофильные окопы на полигоне вместо политически правильных стрелковых ячеек? Боец был доволен, с тех пор вся его рота в основном отдыхала, занималась строевой, политинформацией и раз в месяц выезжала на полигон пострелять. В общем, как у всех. А что с командиром роты? А командир этой роты был понижен в звании, а чуть позже уволен в запас, чтобы не мозолил

глаза. Естественно, это видели другие командиры. Чтобы не попасть под такую же гребёнку, они вели себя тише воды ниже травы, стараясь ничем не выделяться, в результате боевые возможности подразделений неуклонно падали. Теперь бойцы батальона умели отлично маршировать, бить штыком чучело, стрелять куда-то в сторону мишени и знали всё о политике партии и Советского Союза. Встаёт вопрос, если наша стрелковая дивизия полностью укомплектована такими командирами и бойцами, сколько она продержится, например, против обычного пехотного батальона немцев? Не торопитесь отвечать, вопрос с подковыркой.

– Недолго? – неуверенно спросил Злобин, который, как и все командиры, очень внимательно слушал меня.

– Очень недолго. Чтобы прояснить эту ситуацию, поясню. В Красной Армии командиры принадлежат двум формациям: новой и старой. Естественно, про старую вы знаете. Это командиры, прошедшую лихую Гражданскую войну и меряющие всё теми временами, считают всё новое хуже старого. У них, конечно же, имеются последователи, причём большинство. У меня тут всегда возникает желание спросить, почему же тогда они не используют пушки времён Петра Первого, с ядрами, а переходят на новые системы? Новой формации – это командиры, получившие боевой опыт и понимающие, что старые методы на сегодняшний день не жизнеспособны. Взять, например, меня, я прошёл Испанию, Финскую, конфликт с Японией. Только Польский поход пропустил, на курсах был. Однако, к сожалению, нас, а я отношусь к командирам новой формации, меньшинство, поэтому в армии царит обучение в стиле старых традиций – с пашкой наголо на танк. Тактику и стратегию считают слишком заумной гадостью, проще так с голым задом атаковать пулемёты... Я не слишком сложно говорю?

– Нет, всё понятно, – мотнул головой Злобин.

– Так вот... – тут я прервался. В палатку забежал сержант, начальник поста охраны у въезда в лагерь, он сообщил, что прибыло не две, а три машины вместе со старшим лейтенантом Головиным.

Дежурный командир вышел отдать распоряжение готовить ужин, а я продолжил. Чуть позже к нам присоединился Головин и занял свободное место на одной из скамеек.

– Теперь по сражению между стрелковой дивизией и пехотным полком противника. Возьмём для примера встречный бой. Оба подразделения встретились лоб в лоб, что обычная ситуация на данный момент у границы. Действовать немцы будут так: передовая рота немедленно залёжет и приготовит пулемёты, пока командир батальона разворачивает другие роты, создавая оборону. Командир передового подразделения советской дивизии прикажет атаковать залёгшего противника широким строем, выставив вперёд штыки. Ничего другого не умеет. В училище-то учили, но использовать свои знания он не посмеет, могут наказать. Переисполненность пулемётами в немецких подразделениях такова, что атакующий батальон положат до того, как бойцы добегут до позиций немцев. Потом рота рывком уходит вперёд и снова залегает, ожидая следующего подразделения русских, пока тыловые подразделения обходят перебитых русских и добивают раненых.

– Но позвольте, – снова вскочил тот же политрук, – немецкие рабочие встанут стеной...

– Не стоит говорить о том, что вы не знаете. В простых пехотных подразделениях служат как раз обычные рабочие. Сейчас вам опишу ситуацию, типичную для немецких подразделений. Одна такая рота, сбив заслон наших войск, зашла в село и начала готовиться к ночлегу. Несколько солдат разных подразделений, схватив молодых девчат, изнасиловали их на сеновале. Возможно, после этого убили. Каково будет наказание?

– Трибунал? – неуверенно спросил политрук.

– Согласно приказу высшего командования вермахта, одобренному в Ставке Гитлера, в таком случае солдаты могут быть наказаны только дисциплинарно их командирами. То есть по желанию командира – может наказать, а может и нет. Пару нарядов даст на кухню, если крики девушки его разбудили, вот и всё. Этот приказ официальный, а немцы выполняют их в

точности. Теперь спросите себя, когда немцы будут входить в наши населённые пункты, будут ли они пользоваться своим правом победителя, зная, что им за это ничего не будете?

– Это ложь, такого просто не может быть!

– Какой умный политрук, – вздохнул я. – Вчера и сегодня я участвовал в схватках с немецкими диверсантами, допрашивать тоже пришлось. Эта тема меня заинтересовала. Я допрашивал диверсантов из трёх разных групп, и все трое говорили одно и то же. То, что вы сейчас услышали. Сговориться они, естественно, не могли, значит, это правда.

– Да мы их всех осудим, расстреляем!

– А за что? – с наигранным удивлением приподнял я брови. – Как раз простые немецкие солдаты себя виноватыми в совершённых воинских преступлениях не чувствуют. Для примера, вот вам, товарищ политрук, приказали расстрелять детей. Вывели их, построили в шеренгу, дали пулёмёт, сказали, что это дети врагов народа, и приказали расстрелять. Ваши действия?

– Я не буду стрелять, это же дети.

– Странно, остатки совести у вас всё же имеются. А вот немецкий солдат расстреляет. Причем особо не задумываясь и не колеблясь. Не думайте, что это бездушный человек или такая сволочь, просто он не считает, что именно он совершает преступление. По мнению солдата, преступник тот, кто отдал этот приказ, а он лишь исполнитель. Так что когда таких солдат будут судить, они действительно не будут считать себя виноватыми в тех преступлениях, в которых их обвиняют, и станут искренне недоумевать, почему на расстрел ведут их, а не командиров. Менталитет у них такой. Немцы другие. Не надо их равнять с нами. Именно поэтому и мы им кажемся странными. Насчёт восстания рабочих. Я согласен с вами, они могут восстать, но только когда наши войска окружают Берлин, и их семьям будет угрожать гибель. Тогда для их спасения, возможно, они восстанут. Но никогда раньше. Победители, а немцы считают себя победителями, на стороне проигравших никогда не будут.

– Но ведь не все такие подонки.

– Не все, – согласился я с политруком. – Есть действительно нормальные люди, но их единицы.

– А наши командиры? Встречаются же хорошие.

– Есть, я отрицать не буду. Более того, скажу, что сейчас их время. На данный момент в основном в частях командиры мирного времени. Это те, кто делает карьеру, мало интересуясь военным делом и задвигая в стороны тех, кто воевать умеет. Такие карьеристы, положив свои подразделения, бегут в тыл, а на первое место выходят те, кого они в мирное время задвигали в сторону. Пустив дурную кровь, Красная Армия возродится. Но ей для этого нужно пройти через горечь поражений, отступления и слезы гражданского населения, оставляемого на оккупированной территории на поругание противнику. Когда наша армия возродится, естественно, мы погоним немца в его логово, но до этого ещё очень далеко.

– Сколько? – прямо спросил политрук.

– Не месяцы. Годы. Эта война не на один год. Командир я кадровый, и для меня всё вокруг открытая книга, однако описывать то, что я вижу, вам уже не буду. И так вывалил на вас слишком много всего, боюсь, у вас предохранители в мозгах перегорят. Просто вы должны знать: шансов выкинуть немцев обратно на их территорию сейчас нет, некому воевать, так что уже сегодня вечером или завтра немцы будут тут и двинут дальше. Немедленно уходить в тыл приказывать я не буду, да и не получал я такого приказа, и чтобы бить немцев, мне он не нужен. Чтобы бить супостата, мне нужно превратить вас в некое подобие боевых подразделений. Не тех, которые я собираюсь активно использовать, в лагере, как я посмотрел, молодых нет, темп боя вам не выдержать, даже я с трудом его выдерживаю, значит, будем создавать из вас подразделения прикрытия. Это стрелковый батальон нового штатного состава, пара отдельных пулёмётных рот, миномётные подразделения, артиллерия, снайперы, сапёры, бронебойщики, зенитчики, авторота, ремрота, ну и хозрота, естественно. То есть я буду создавать из вас под-

разделения для защиты тыла, ну и прикрытия боевых подразделений, если где они получают плюху и им придётся отступить под вашу защиту.

– А боевые подразделения откуда возьмутся? – поинтересовался Злобин.

– Сформирую из бойцов и командиров, попавших в окружение. Немцы, разбив наши подразделения, двинут дальше, оставив отлов попавших в окружение разбитых частей советских войск дивизиям, что следуют за ними, так сказать, второй волне. Вот из них я и сформирую боевые моторизованные подразделения.

– Что-то вы слишком много знаете, – снова буркнул политрук.

– Я кадровый командир новой формации, – улыбнулся я. – Я должен всё знать. Ладно, прояснив ситуацию и спустив вас на землю, чтобы не тешили себя несбыточными иллюзиями, что война быстро закончится, приступим к делу. Скоро ужин, а нам нужно сделать многое. Первое, сменить месторасположение лагеря. С воздуха его хорошо видно, странно, что вас до сих пор не разбомбили. Второе, усилить охрану лагеря. Я спокойно прошёл в лагерь, и на меня никто не обратил внимания, значит, на случай проникновения на территории лагеря должны ходить патрули, проверяя всех неизвестных. Ну, и наконец, главное – оснащение. В этом лесу находится около десяти складов, точнее одиннадцать. Горюче-смазочные нас пока не интересуют, хотя взвод бойцов для охраны послать следуют, старая охрана наверняка уже сбежала. К вечеру нужно менять расположение лагеря. Выслать на склады подразделения, чтобы получили форму, амуницию, оружие, боеприпасы и продовольствие. Давайте приступать...

И мы приступили. Командиры ещё обсуждали мою речь, некоторые покурить наружу для этого вышли, а мы со Злобиным и его штабными стали переписывать штаты лагеря, я собрался из этих партизан создать нормальное подразделение, часть Красной Армии. Благодаря полному отсутствию представителей западных областей, шанс был немалый. Кстати, интересное подразделение. Первым делом я стал формировать стрелковый батальон по штатам сорок пятого года, но перед этим послал три роты пока местного формирования к складам, выдав им бланки на получение разных нарядов, на случай если охрана на месте. Бланков у меня хватало, получил их вместе с печатью от погибшего интенданта. Написать, что нужно, поставить печать и с этим нарядами направить роты к нужным складам, мне труда не составило.

Кстати, Головин долго в штабной палатке не просидел. Как машины были разгружены, с новыми нарядами, но уже от меня, он поехал обратно к складам, продовольствие нам ещё было нужно, у меня тут огромная куча народа, а их всех кормить нужно, причём не раз в день. Да, в лесу два склада с продовольствием, но пока их побережём, с окружных будем брать, как это Головин в пошлый раз сделал. Он уже доложил, как они ехали, мои подсказки пригодились, дважды удавалось уйти от обстрела с воздуха, и люди и техника целые. Заодно узнал, откуда третья машина, выяснилось, что прибудная. Водитель потерялся, вот Головин и прибрал его вместе с машиной. Молодец, не растерялся. Кстати, Головина я назначил на миномётную батарею, вернется, вступит в должность. С его знаниями в математике ничего лучше мне было не подобрать. Пусть учится и осваивает новое для себя дело.

Приятно было видеть работающий штаб, бойцы и командиры бегали, кричали, подзывая посыльных, командовали. Лагерь наполовину опустел, роты получали задания и уходили. Некоторые возвращались уже после ужина. Мы тоже поужинали, а я так даже и побриться успел. Горячую воду в тазике принесли. Пользоваться такой бритвой я умел, похожая была, когда жил в Москве сорок седьмого, руку набил. Так что не оплошал с новым инструментом, трофей был отлично заточен. Как выяснилось, ни у кого из старших командиров не было ординарцев. Приказал выделить их всем из бойцов. В лагере было всего пятеро старших командиров, три капитана и два майора. Себя я тоже посчитал, соответственно, получил ординарца – сорокалетнего степенного мужчину с усами, как у Сталина. Именно он принёс мне от кухни ужин в моём котелке и горячую воду для бритья. Вот спальное место готовить не стал, ночевать в лагере я не собирался, но и боец стал собираться со мной. Куда я, туда и он.

До наступления ужина три роты ушло к складам, часть приняли пищу после возвращения, а тем, кто остался в охране, отнесли сухпайки. Кстати, приходили бойцы Зацепина, быстро поужинали горячим, получили полные мешки пайков и ушли обратно, перегруженные, как мулы. Ладно, хоть на сто двадцать бойцов несли пайков, часть старлей всё же оставил из озвученных мной специалистов. Пока не формируя сапёрную роту, я отправил девятую роту местного формирования к месту нового лагеря. Там был родник, то есть вода имелась, задача у командира роты – расчистить от кустарника большую площадку для лагеря. Устанавливать засеки и копать окопы будут позже. Пусть пока место подготавливает. На всю роту шанцевого инструмента не было, учебного материала едва на два взвода набиралось, но и этого хватит, свободных на переносе и чистке территории можно использовать.

Другая рота, десятая, сворачивала палатки и подготавливала лагерь к передислокации. Ну, а мы со Злобиным и его штабными на бумагах писали новые штатные единицы подразделений. Я их уже перечислял, теперь командиры опрашивали бойцов по их гражданским специальностям, и мы по этим спискам и формировали подразделения. В общем, был поначалу сформирован штаб со всеми отделами. Начштаба я поставил Злобина, он эту ляжку вполне потянет. Старшим по политработе – старшего политрука Боброва. Перед назначением наметнул, что с ним будет, если он на мою стезю полезет. Его задача – мотивация людей, а командовать я сам буду. Вот пусть и занимается. Естественно, будь это кадровая часть, меня послали бы далеко и надолго, мол, так не делается, но эти бойцы и командиры безропотно выполняли все, что я приказывал, считая, что раз отдаю такие приказы, значит, так и надо. Да и то, что я обеспечил их пищей, показывало, что и на деле я неплохой командир.

Так вот, Злобину нужно было сформировать стрелковый батальон, штатные единицы его я описал. Роты не в сто пятьдесят человек, а в сто. Взводы по тридцать бойцов плюс отдельные подразделения в виде бронбойщиков и один зенитный крупнокалиберный пулемёт. Это ещё я не считаю санинструктора и снайпера, положенных в роте по штату. Всего в батальоне должно было насчитываться пятьсот шестьдесят бойцов и командиров. Туда входили все. И противотанковая батарея, и зенитная, и другие тыловые подразделения батальона, включая штаб. Три роты, миномётная батарея, пулемётная рота. Всё по штатам сорок пятого года. Разве что пулемётную роту я раздул да разведвзвод приказал сформировать. Сейчас в штатном составе советских батальонов разведвзводов не было, только в полках, они позже появятся.

Командиром батальона я поставил капитана Ткачёва, он мне показался самым толковым, штаб батальона формировал Злобин. Командиров вот ставил я после собеседования. Капитан Горкин стал командиром техроты. Как оказалось, он был начальником ремонтной базы на гражданке, сейчас подчинённых набирал. Единицы, но они стекались к нему. Капитан Иванов был мной назначен командиром сапёрной роты, он имел инженерные знания. Сейчас эти подразделения формировались. Старшие лейтенанты Ермолаев и Усланбеков встали во главе пулемётных рот. Потом назначал командиров миномётных, артиллерийских и зенитных батарей, тасуя людей и личный состав. Командиром хозроты вообще младший лейтенант стал. Мужу сорок лет, но я посчитал, что он будет на своём месте.

Частично лагерь уже начали переносить на новое место, на руках бойцы уже перекатили в новое расположение три полевые кухни, остальные готовили к передислокации, палатки уже все свёрнуты были, когда стали возвращаться первые ходоки к складам, их сразу направляли к кухням, повара ждали на ужин. Те, кто был на продовольственном складе, поужинали на месте, такое разрешение я им дал, но от горячего всё равно не отказались. Так вот, три роты побывали на четырёх складах. Первым был склад по стрелковому вооружению и боеприпасам, так что все три роты были вооружены и принесли с собой вооружения ещё на триста человек. Потом склад амуниции, соответственно, все четыреста пятьдесят бойцов переоделись в форму, фурнитуру пока не пришивали, времени не было, но она у них была. Форму, сапоги, ремни, скатки, каски, котелки и сидоры они получили в полной мере. Даже часть принесли

в лагерь, но на сто бойцов, не более. Нужно ещё несколько ходок сделать. И склад тяжёлого стрелкового вооружения, там же и миномёты были. В результате были принесены четыре ДШК на зенитных треногах, четыре батальонных миномёта, четыре «сорокапятки». Парни, что те мулы, всё несли на себе или катили на колёсах, например, пушки. Я сразу приказал передать по паре единиц тяжёлого вооружения в формирующиеся подразделения для изучения и освоения. До штата вооружением пополним позже. Пока пусть этот учебный материал изучают. На всех складах была оставлена охрана, а так только на складе тяжёлого вооружения была старая охрана, остальные действительно её покинули. Я даже удивился, что так рано. Конечно, командиры поругались со старой охраной, те пускать не хотели, но наши потрясли нарядами на получение и всё же смогли проникнуть на склад, ну и вынесли всё, что нужно. Даже продовольствие подкинули с другого склада, а то местные тоже на голодном пайке сидели.

Теперь мы формировали небольшие группы, которые направят к остальным складам для охраны, где мы ещё не бывали.

В общем, подразделения формировались, усиленные посты охраняли территорию обоих лагерей. Шла передислокация, роты снова ушли к складам, а я, убедившись, что дело идёт, Злобин с подчинёнными вполне справляются, сообщил, что отправляюсь на боевую операцию, к месту засады. Приказ командира закон, тут это понимали, так что, забрав пять посыльных из роты связи и своего ординарца, я направился в сторону месторасположения роты Зацепина. Кстати, из той формы, что принесли со складов, Злобин сразу одел штабных бойцов. Все посыльные со мной ходили в форме, с фурнитурой, всё как положено, даже мой ординарец щеголял в новенькой, ещё не обмявшейся форме с карабином за спиной. У посыльных тоже были карабины.

Покинув лагерь, я повёл бойцов за собой, дороги они не знали. Надеюсь, успеем. Пришлось задержаться в штабе, много работы было, которую следовало выполнить, однако теперь я свободен, и можно выходить на дело. Искоса посмотрев на политрука, что шёл слева от меня, я только вздохнул. Этот политработник был мной назначен на батальон, но решил сходить со мной, вызвался добровольцем. Причин отказать я не видел, поэтому нехотя дал согласие. Надеюсь, проблем от него не будет, а если он решил побывать в настоящем бою, что ж, это его решение.

Дошли мы нормально, без приключений. Одного посыльного я сразу отправил обратно, дорогу он запомнил. Думаю, к моменту его возвращения уже стемнеет, да и часть передислоцируется на новое место. Сейчас Злобин должен окружить новое расположение часовыми и секретами. Так же и у складов. Пока на этом всё. Полученное мной подразделение не обучено и нормально не сформировано, вот и будут завтра с утра продолжать пополнять подразделения бойцами, командирами и вооружением. А также составлять планы изучения нового, пока не известного вооружения, и тренировок на совместную работу. Это и в бою можно освоить, а вот оружие изучить нужно хорошо. Тренировать стрельбу тоже придётся в бою, тут другого выхода не было.

Как я уже сказал, дошли нормально. Нас на подходе окликнул часовой, опознались, и разводящий привёл в расположение роты. Отправив одного посыльного обратно, я приказал Зацепину докладывать по ситуации на дороге:

– Сначала наши отходили, было много санитарных машин, там дальше с воздуха немцы расстреляли санитарную колонну.

– Вмешивались?

– Они не одни шли, раненых собрали, а убитых сложили на обочине, хоронить было некому. Мы своё положение не выдавали.

– Дальше.

– Час назад пролетело несколько всадников. Наши кавалеристы. После этого тишина, полчаса дорога пуста была. Потом немцы показались. Шесть мотоциклов с колясками и пулемётами. Проехали в одну сторону, но не возвращались. Больше никого не было. Ждём. Бойцы отдыхают, наблюдатели бдят. Поднять роту и занять позиции – минутное дело. Окопы подготовлены, пулемётчики разметили сектора стрельбы. Позиция отличная для засады.

– Это да, – согласился я и, посмотрев на заходящее солнце, сказал: – Прикажете роте отдыхать, усильте посты охранения. Немцев сегодня не будет. Не успели они. А вот завтра с утра фрицев тут будет много.

– А почему фрицев, товарищ майор?

– В Испании у нас был случай, окружили роту противника, те сдались. Начали допрашивать, оказались немецкие добровольцы, и через второго – Фриц. С тех пор и повелось, где немец, там Фриц.

– Хорошо, товарищ майор, сейчас отдам распоряжения, и осмотрим позиции.

Подозвав второго посыльного, я быстро написал записку и передал ему с наказом вручить Злобину. Ничего особенного там не было. Просил выделить шесть бойцов с ручными пулемётами и запасом патронов, а также выделить одну из двух зенитных батарей. Обе уже были сформированы и получили по два ДШК, вот их я завтра и хотел использовать. В начале войны танки в основной своей массе у немцев лёгкие, и такая крупнокалиберная пуля бьёт их навывлет. Шанс такой упускать нельзя. Подумав, я дописал, чтобы обе батареи прислали. Уж получать опыт в практической стрельбе так получать. Посыльный убежал, начало темнеть, но я надеялся, что он найдёт лагерь, мне специально отобрали бойцов, умеющих ходить по лесу. Насчёт ночных прогулок не скажу, но бежал тот уверенно.

После этого я минут пятнадцать в сопровождении Зацепина и его взводных ходил по позициям, изучал их. Остался доволен, хотя и нашёл несколько недостатков, велел поправить маскировку и вырыть три дополнительных ячейки. После этого разметил позиции для крупнокалиберных пулемётов и для ручников. Один взвод был поднят и начал готовить новые позиции. Среди вооружения нашлись на ремнях погибших и малые пехотные лопатки, так что чем копать, в роте имелось. За пару часов позиции приготовят, а завтра встретим супостата со всей прелетарской яростью.

Когда стемнело, я подозвал красноармейца Бабочкина – несмотря на отданный приказ отбоя для двух других взводов, тот не спал – и сообщил бойцу, что ему выпала честь стать заряжающим, велел ему лезть за мной следом в танк. Политрук мне не мешал, хотя и ходил хвостиком, изучая все мои приказы и слушая, о чём говорят бойцы. Сам провёл небольшую политинформацию. Бойцы устали, поэтому и небольшую. Даже сейчас, когда я учил Бабочкина закидывать небольшие снарядики в патронник, показывая, где бронебойные, а где осколочные, он сверху заглядывал к нам в открытый люк. Благодаря освещению в боевом отсеке, работающему от аккумулятора, наблюдал за всеми нашими действиями.

Убедившись, что Бабочкин вполне толково перезаряжает, я немного потренировал его на скорость, приучая после перезарядки нужно орать: «Готово!» После чего отпустил отдыхать. Покинув боевой отсек танка, я выслушал ординарца. Он мне спальное место подготовил. Один из командиров отделений был дежурным. Он был осведомлён о скором подходе подкрепления с тяжёлым вооружением и ждал их. Часовые тоже были осведомлены. После этого я направился следом за ординарцем. Политруку приготовили спальное место рядом с моим. Необходимые распоряжения на утро были отданы, так что я скинул френч и сапоги и спокойно уснул на плащ-палатке, кинутой на лапник, прикрываясь шинелью ординарца.

Ночь прошла спокойно, хотя в полночь меня и разбудили команды и шум прибывшего пополнения, но те быстро уgomонились. Им показали место, где были приготовлены спальные места. Тот же нарубленный лапник, так что по прибытии те сразу завалились спать. Лишь часо-

вые похрустывали ветками, да пара пулеметных секретов бдили. На этом всё. Разбудили меня уже утром.

Пока ординарец поливал мне умыться, я слушал доклад Зацепина. Прибывших бойцов уже разместили на позиции, то есть показали им окопчики. Те установили пулемёты, подвигали стволами, держа дорогу на прицеле, и признали позиции годными. Ишь, привереды какие. Пополнение притягивало взгляд своей новой формой и вооружением, в отличие от расхристаных махновцев Зацепина. Завтрак, вокруг только и слышался стук ложек о стенки консервных банок и хруст галет. Под утро к нам доставили сухпай.

После завтрака я проверил позиции и, собрав полукругом зенитчиков, было почти шестьдесят человек, стал учить их обращаться с оружием, при мне они разобрали его и собрали, но это они уже и сами освоили, когда консервационную смазку убирали. Но главное, я пояснил им, каков должен быть темп стрельбы, и заметно расстроил тем, что стрелять можно только короткими очередями. Иначе ствол можно загубить. На это я упирал, поясняя командам расчетов, чтобы били по спинам наводчиков, если те увлекутся стрельбой длинными очередями.

Как раз когда заканчивалась учёба и те, вернув пулемёт на позицию, снаряжали в него ленту, прибежал наблюдатель от дороги. Едут. Шесть утра, нормально. Рота тут же заняла позиции, но всем известно – мой выстрел первый. Пулемётчикам я поставил свои задания, тем двум зениткам, что стояли на правом фланге, бить только по замыкающим машинам, если я сразу не смогу подбить их, чтобы закупорить дорогу. Первый выстрел будет по передовой машине. Это естественно. Остальные должны прочёсывать колонну от начала до конца. Я уже всё прикинул, от того места, где я подобью первую машину, и до поворота, где должна быть подбита замыкающая, длина дороги триста метров, все, что на ней, нужно уничтожить плотным огнём. Я уже объяснил роте стрелков, куда и почему они должны целиться. Были собраны все патроны с зажигательными пулями. Их выдали лучшим стрелкам. Целиться те должны в топливные баки автомашин, в канистры на броне танков и бронетранспортёров. Если будут мотоциклы, то и в их баки. В общем, подготовились.

Нырнув в башенный люк танка, устроился на месте наводчика. Бабочкин уже был на месте. Держал в руках два снаряда, бронебойный и осколочный. Он пока не знал, какой я прикажу зарядить. Сначала показалась пыль над дорогой. Вот в прицеле мелькнули мотоциклисты, пролетев участок, что мы держали под прицелом, потом передовой дозор из бронетранспортёра, ещё двух мотоциклов и танка, «двойки». Их мы тоже пропустили, и те, пыля по дороге, стали удаляться в сторону села Марьино. Гул всё приближался, и наконец, появилась колонна.

– Моторизованная колонна, не танковая, – пробормотал я и приказал: – Бронебойный.

– Готово, – почти мгновенно последовал ответ и удар по правому плечу – это дополнительное подтверждение, что зарядка произведена. Бывает временная глухота во время стрельбы. Хорошо вчера боец усвоил урок, не подвёл.

Колонна действительно была мотопехотная, с небольшим усилением из танков. Один был в передовом дозоре, и ещё три однотипные шли впереди колонны. Вполне возможно, эта техника приписана к той части, что шла к нам. Но честно говоря, я порадовался, что танки лёгкие, а не средние вроде «троек» и «четвёрок». Эти для моей пушечки серьёзные противники. Поворот дороги в этом месте скрывался за бугром. Когда первый танк повернулся бортом, прозвучал хлопок выстрела, и снаряд, мелькнув огненной линией, впился в борт у машинного отделения. Выстрел был удачным, «двойка» сразу вспыхнула и заадила, перекрыв дорогу. Можно было его объехать с двух сторон, ширина дорожного полотна это позволяла, но я не дал. Пушечка нашего танка хлопала не переставая.

– Готово! – крикнул Борисов.

Нас выстрелом действительно слегка оглушило, но по сравнению со стрельбой в башне «тридцатьчетвёрки» или КВ, особенно «двойки», это почти ничто. Однако стреляли не мы одни, ручные пулеметы полосовали пунктирами тенты грузовиков, из которых горохом сыпа-

лась пехота, некоторые падали и уже не вставали, где их настигли пули. Вспыхнуло три машины у поворота, тут зенитчики постарались. Колонна оказалась заперта, местность открытая, спрятаться можно только за техникой, но даже пули мосинок пробивали грузовики насквозь. После перезарядки я навёл прицел на второй танк, сдавший немного назад и поворачивающий башню в нашу сторону. Причём мехвод повернул к нам машину лобовой бронёй. Ничего, снаряд наш его взял. Танк дёрнулся и задом сполз в болото, задрал пушку в небо. Вот третий танк молотил по опушке из автоматической пушки, поэтому, почувствовав толчок в плечо, я сразу выстрелил. Потом второй, но лишь на третий раз из люков задымил, и пушка этой машины смолкла. Кстати, кто-то из зенитчиков тоже дал очередь по этому танку. Я видел искры рикошетов. Добив парой снарядов тот танк, что сполз в болото, чтобы он тоже задымил, стал выискивать новые цели.

Дальше шли осколочные, которыми я расстреливал грузовики, выводя один за другим из строя. Колонну почти всю затянуло дымом, что мешало вести прицельную стрельбу. Оттуда тоже активно отвечали, хотя огонь противника и стихал, но я всё равно выпускал снаряд за снарядом, где видел вспышки выстрелов. Вспомнив о сигнале, я выбросил из башни, чтобы та повисла за ней, белую тряпку. Это не был сигнал к сдаче, что было, тем и сигналил. Это был приказ на организованный отход. Рота с зенитчиками уходила. В прикрытии остались только пулемётчики и мы.

То, что приказ выполняется, я услышал быстро, между хлопками выстрелов пушек я различал только работу нескольких ручников. Ну, всё, пару минут дали, можно и нам уходить. Всего на бой с первого выстрела ушло у нас чуть больше десяти минут, но одно можно сказать точно: целой техники на дороге не имелось, умаются её чистить, да и потери у немцев были ошеломительными. За сто солдат и офицеров точно. Это по самим скромным подсчётам. Уверен, их больше было.

Тянуть действительно было нельзя, немцы уже оправались от неожиданности, в ловушку вошла не вся колонна, она была длинная, так что офицеры уже наверняка направили в обход пару рот. Встречаться с ними не хотелось, поэтому броском покинув танк через башенный люк – рядом свалился Бабочкин, чуть не попав мне стволом карабина в грудь, – мы побежали вглубь леса. Командирский свисток, которым я на ходу подавал сигналы пулемётчикам, выдавал пронзительные трели. Меня слышали, огонь стихал, и среди стволов замелькали отходящие пулемётчики. Ушли мы вовремя. Оказалось, вернулся передовой дозор, и несколькими очередями «двойка» подожгла БТ-2. Хороший был танк, многое сделал. Не каждая «тридцатьчетвёрка» могла таким уловом и добычей похвастаться.

Быстро догнав роту Зацепина и зенитчиков, мы провели переключку. Пулемётчики отошли все, это радовало. Потери были, вот это огорчало. У зенитчиков трое убитых, шесть раненых. В роте девять убитых и семь раненых. Немцы, оказывается, миномётами садить начали из-за косогора, я не заметил в танке. После более качественной перевязки построившись в колонну, всё же победители шли, выслав дозоры, мы направились в сторону лагеря. На полпути нам встретился посыльный, который передал приказ как можно быстрее вернуться в лагерь. От посыльного я узнал, что к нам прибыл комдив Котов, я даже переспросил, точно ли Котов. Оказалось, точно. Это был тот комдив, что впихнул меня в командование партизанами. Так вот, полковник принимал на себя командование частью, забирая всех, кто был в наличии, для пополнения побитой дивизии. Даже отозвал секреты от складов, мы одни остались.

Пришлось прибавить шаг, и через полчаса мы оказались в распоряжении. Там уже последние приготовления шли. Комдив с остатками своего штаба – начштаба погиб – также готовился к уходу. Обрадовавшись, что мы успели, полковник отправил роту Зацепина и зенитчиков дальше, за уже уходящими подразделениями, а мне велел докладывать. Описав, что стало с колонной после нашей засады, я вызывал неподдельную радость комдива.

– Ты извини, майор, что я твоих партизан забираю. Но дивизия понесла тяжелейшие потери, а ближайшее пополнение только из твоих людей. Ты с нами?

– Нет, я останусь, – покачал я головой.

– Товарищ полковник, – сказал вдруг мой ординарец. – Разрешите с товарищем майором остаться.

– Оставайся, – отмахнулся тот, после чего, быстро попрощавшись, запрыгнул в свою «эмку» и направился за тремя нашими полуторками, груженными до самого верха. Ко всем трём походные кухни были прицеплены. В одну машину раненых положили, в двух других, видимо, боеприпасы и продовольствие, судя по ящикам.

Покосившись на ординарца, я спросил:

– Зачем?

– С вами спокойнее, надёжный вы.

– Ясно.

Услышав треск веток, я резко повернулся, не знаю как, у меня в руке вдруг возник пистолет, но это оказался Бабочкин, всё ещё носивший комбез и шлемофон танкиста. Браво поправив ремень карабина на плече, он промаршировал ко мне, и сказал:

– Товарищ майор, разрешите с вами остаться.

– Разрешаю, – по-доброму улыбнулся я.

Всё же команда у меня начала формироваться. Жаль, что комдив всех партизан увёл, думаю, их быстро нагонят и рассеют, частично уничтожив, но я только желал парням удачи. Видимо, судьбой было начертано, что у них теперь своя война, а у меня своя.

– Уходим, – скомандовал я и, подхватив свой сидор, зашагал в лес, оба бойца направились следом за мной. Пока немцы не взяли склады под контроль, нужно к ним наведаться.

Честно говоря, такого облома я не ожидал, столько планов было реорганизации. Немцы бы в лес не полезли, и я бы за неделю довёл подразделение до кондиции. А если бы даже полезли, я бы легко показал, кто тут хозяин, дорога до лагеря узкая, засаду организовать легко, мины есть, правда, сапёров не было их устанавливать, но я немного разбирался, на полигоне мы их тоже использовали, проверяли опытные машины на подрывы. Схему повреждений писали, чтобы усилить днища или ходовые механизмы. Вот так планы строишь, строишь, хоп, и такой облом. Кто этого комдива к нам привёл, чего немцы так оплошали и упустили его? Мне вот этот Котов с первого взгляда показался как раз из тех командиров, которых я называл старой формации. Уверен, торопя свои части к границе, он даже зенитным прикрытием не озаботился, в пехотных колоннах я ни одной зенитки не видел, только у него в штабе было две штуки. Избываемые с воздуха колонны, деморализованные, с потерями, по соприкосновении с противником кидал с ходу на убой. Пока у него они не закончились. А тут вспомнил о моих ребятах, скотина. Нет, знал бы, что он появится, при приближении всего один выстрел, и проблема была бы снята, но прибыл я поздно, когда он уже отправил подразделения в дорогу. Мы самый хвост выходящей из лагеря колонны застали. Да и Злобин, начини я с ним ругаться и махаться на кулаках, меня бы не понял. По мнению местных командиров, у кого больше шпал, тот и прав. И что мне форма генерала не досталась, таких бы дел здесь натворил! Жаль, возраст не подходит её носить, майора еле-еле натянул, выше уже не получится. Действительно жаль.

На продовольственном складе никого не было. При нас было три сидора и мой чемодан. Вскрывая ящики, мы отобрали всё, что возьмём с собой. Я переложил всё, что мне пригодится в дороге, в сидор, включая бритвенный набор, частично заполнил свободное место банками с тушёнкой и пачками галет. В походе высококалорийная еда пригодится. В котелок, который убрал туда же в сидор, сложил пачку заварки и пачку сахара. Вытряхнув из чемодана всё ненужное, я отдал его ординарцу. Тот использовал чемодан для переноски остального продовольствия. Набрал круп, чтобы похлёбки варить, разбавил банками с консервами, сухарями и галетами. Всё в разных пропорциях, но много не брал, чтобы не перегрузить, ручка-то одна,

нести тяжело будет. В свои сидоры они с Бабочкиным тоже покидали консервов, галет. Ну, и крупы.

Помимо этого они вынесли шесть ящиков с тушёнкой и спрятали их в лесу. Это НЗ, вдруг придётся вернуться, а тут будут немцы. Унесли метров на триста и спрятали в кустарнике. Я сам место искал для схрона. Очень удобное, не каждый туда залезет, шипов побоятся. Тут же мы плотно поели, хотя до обеда ещё часа три было. Вот со складом вооружения был откровенный облом, там уже немцы хозяйничали. Шустро они склады под себя подгребают. Отдельно были сложены штабеля с гранатами, поэтому, проинструктиввав Бабочкина, я отправил его по-пластунски к ним, выдав гранату. Тот должен был пролезть под колючей проволокой ограждения, зажать это ребристое яйцо между ящиками и вытащить предохранительное кольцо. Кто-нибудь ящики потревожит, чека освободится, и бум. Возможно, другие гранаты и не сработают, скорее всего, так и будет, но надежда имелась. И чего комдив не приказал всё тут уничтожить перед уходом? Так торопился в тыл свалить, что про всё забыл? Помню, как его глаза испуганно бегали во время нашего общения, он встряхнулся, только когда я рассказал, как мы немцев кровью умыли. Ладно, чёрт с этим комдивом. Перевёрнутая страница, а вот нам нужно было торопиться.

Как только Бабочкин вернулся, я приказал:

– Уходим. У нас дел на сегодня немерено.

В этот раз на опушку мы вышли в полукилометре от места засады, дорогу ещё не освободили, что меня откровенно порадовало, там только-только бульдозер какой-то инженерной части начал сталкивать горелые перекрученные куски металла, ранее бывшие автомобилями, с дороги в болото. Дозорная группа, которая опоздала с возвращением к месту засады, стояла всё там же, у места боя. На опушке были секреты, я видел пулемётную позицию.

Опустив бинокль, я сказал двум своим подчинённым:

– Значит, слушаем приказ. Видите ту низину в поле? Она не просматривается со стороны немцев. Наша задача: по ней дойти вот до той группы тяжелых танков. В данном случае нас интересует тот, что на вид не повреждён, а не тот, у которого башня на корму сползла. Там по ситуации определимся. Вперёд.

Мы обошли кустарник и пригнулись, чтобы нас не заметили, но дальше уже шли в полный рост, когда вышли за пределы наблюдения противником. Но у дороги шестьдесят метров ползли по-пластунски. Я не хотел, чтобы нас увидели. Добрались нормально, Михалыч, то есть красноармеец Лосев, мой ординарец, по очереди с Бабочкиным перетаскивали чемодан. Тут его волоком тянули, не заботясь, что станет с его внешним видом. Я от чемодана отказался, и мне было всё равно, что с ним сделают.

Вот с танком был облом. На вид, не считая свежих осколочных царапин на броне, он был целым, ствол пушки тоже, но люки закрыты, а ключа у меня не имелось. Оставив обоих бойцов у кормы танка, я пополз к следующему. До него было сто пятьдесят метров. Там мне повезло, в забрызганном кровью боевом отсеке я в сумке командира нашёл всё, что требовалось. Более того, проверил боезапас в танке. Он был полон, и в случае нужды его можно будет тут позаимствовать. Хороший склад. Прихватив также пару снаряжённых дисков к пулемётам – как я видел по стволам, в запёртом танке всё было на месте, а вот в повреждённом пулеметы частично демонтировали. Подумав, взял ещё свёрток с запасным комбезом, второй был кровью залит, и запасной шлемофон. Интересно, куда похоронная команда эти ДТ дела, что-то я в куче собранного вооружения их не видел? Или танкисты забрали? Не знаю.

Вернувшись, я передал диски, после чего развернул комбез. К сожалению, не мой размер. А вот Лосеву подходит. Велел ему переодеться и сменить пилотку на шлемофон. После этого велел бойцам пока ждать, сам быстро забрался на броню и укрылся за башней. Не хотел, чтобы меня заметили. После чего на миг выглянул, сунул ключ в скважину и снова спрятался, но,

дотянувшись рукой, повернул. Всё, командирский люк открыт. Убрав ключ в карман, я быстро открыл люк и вниз головой скользнул внутрь и прикрыл крышку люка. Фуражка упала с моей головы, но не страшно. Страшнее было то, что внутри дышать было невозможно, по всему телу сразу выступил пот, пропитав форму. Жара и духота внутри царили жуткие. Пришлось люк оставить полуоткрытым, чтобы хоть какая-то вентиляция была.

К счастью, экипажа не было, а то я уж думал, что он погиб и остался внутри. Нет, лишь смазанный след крови на одном из снарядов, и всё, пусто. Проверив оружие – оно было в порядке, прицел и замок на месте, – повернул маховики наводки в сторону колонны, там уже закончили с расчисткой и пустили вперёд танки. Ухотаться можно, чешские «тридцать пятые» где-то нашли. Хотя вот ещё пара «тридцать восьмых» идёт, следом грузовики с пехотой.

Приоткрыв люк, я скомандовал:

– Бойцы, ко мне.

Сперва внутрь неловко протиснулся Бабочкин, стукнув мне по колену прикладом карабина, свой и мой сидоры он держал в руках. Отобрав их, я кинул на место мехвода – нет времени, нужно поторопиться. Потом ординарец полез. Этот вообще в люке умудрился застрять. И ведь чемодан хотел взять, ладно, я заметил, велел у кормы оставить. Наконец Лосев протиснулся в люк и стал с интересом осматриваться в очень тесном для нас боевом отсеке. В ребристом шлеме, он теперь ничем не отличался от современных советских танкистов. Ремень с подсумками он надел поверх комбеза, им и зацепился в люке. Отправив его сидор к нашим, я показал, куда поставить оружие и разместиться самому. Лосев должен с места командира наблюдать за окрестностями, чтобы к нам не подкрались, и сообщать мне, где самые жирные цели. То есть он у нас будет наблюдателем.

– Значит, так, бойцы. Немецкая колонна идёт к нам, следовательно, нужно её остановить. Красноармеец Бабочкин, вы снова становитесь заряжающим, только в этот раз снаряды потяжелее, и бухает пушка куда громче. Это осколочные, перед тем как уложить снаряд в приёмник, нужно открутить колпачок. Вот это бронебойный, показываю, как снаряжать...

Немного изогнувшись, с места наводчика я зарядил пушку, указав, где бронебойные снаряды, а где осколочные. Других тут не было. Осколочных, к счастью, больше всего, танков у немцев не так и много. Всего одиннадцать штук общим числом. Тут я считаю и «двойку» из передового дозора. Кстати, ей до нас метров сто осталось. Близко мы передовой дозор подпустили. Подключить шлемофоны я не успел, хотя и нашёл в этой машине запасной, который сменил на свою фуражку. Но начался бой. Первый выстрел, естественно, был мой.

Бронебойный снаряд, пройдя тонкую лобовую броню «двойки», как мне кажется, даже выбил через корму двигатель, что-то за ним такое массивное закрутилось по дороге. Потом осколочным выстрелом я поразил грузовик с солдатами, что шёл за танком. В кабину попал. Третьим в передовом дозоре был бронетранспортёр. В этот раз, как было видно, он немного видоизменился, грузовик с солдатами добавился. В кратких промежутках, пока Бабочкин перезаряжал пушку, я успевал пострелять из спаренного с орудием пулемёта, именно так уничтожил двух мотоциклистов. Тут пистолетная дистанция, у них не было шансов. А также проредил уцелевшую пехоту, залёгшую у машины. Их немного уцелело, выстрел я сделал по кабине, но досталось и кузову, так что часть пассажиров там превратились в фарш, вторым выстрелом развалил машину, а вот следующим и бронетранспортёр достал. Болванка пробилла двигатель, и тот зачал. Всё, с передовым дозором покончено, хотя оттуда и доносится редкая стрельба. Звон пуль по броне был хорошо слышен. Однако я не отвлекался, так как перенёс огонь на основную группу. Бабочкин заметно освоился и кидал в приёмник снаряд за снарядом. В танке было душно, вентиляторы не работали, поэтому я велел Лосеву открыть люк и выкидывать гильзы наружу, что тот, изредка отвлекаясь от наблюдения в перископы, и делал.

Дальше я стрелял в основном только из бронебойных, поражая чешские танки один за другим. Те по мне тоже стреляли, грохотали по броне их снаряды. Меткие гады, на редких оста-

новках успевали выпустить по снаряду. Танки немцев уже вышли из бутылочного горлышка, где я устроил их мотопехоте утром засаду, и, растекаясь по полю в линию, пошли в атаку, прикрывая колонну на дороге. Зря, я двумя выстрелами, выпустив осколочные снаряды, снова закрыл проезд, подбив бронетранспортёр и грузовик в самом узком месте. Потом занялся танками. С каждым выстрелом очередная чешская машина замирала, когда мёртвой горой, а когда выкидывая из люков дымы, изредка с языками огня. Последние два я поразил чуть ли не в упор, шустрые. Быстро до меня добрались. После этого открыл огонь по стоявшей колонне. Было видно, что командиры этой части решили отвести её обратно, в конце машины сдавали назад и начали уходить за поворот, там дальше я уже не видел. Тут я действительно немного просчитался, нужно было снова подбить машину в конце колонны, чтобы остальные запереть на дороге, которая передо мной как на ладони лежала. Грузовики и два бронетранспортёра мне бока подставили. В принципе, немцы успели отвести всех солдат и вывести пока только пять или шесть грузовиков. Вот остальные я не упустил. Подбил всё же крайний, который не успел уйти за поворот, после чего прицельно стал уничтожать осколочными снарядами остальные грузовики, превращая их в груды металла. Шестнадцать грузовиков огнём и металлом снёс с дороги. Жаль, потерь в живой силе я им значительных не нанёс, успели они свою мотопехоту отвести в укрытие, пока я танки выбивал. Кстати, на десять танков – тот из передового дозора я не считаю – у меня ушло шестнадцать снарядов. Обычно по одному на танк, но тут болванка, пробивая броню, улетала дальше, а «чех» двигается и продолжает стрелять, приходилось по нему бить ещё раз. Да один раз болванка в рикошет ушла, а так лёгкая броня немецкой техники наши снаряды не держала. Один хитрый «чех» ушёл в сторону и укрылся за лежавшей на боку «тридцатьчетвёркой» – пытался спрятаться от губительного огня. Но весь корпус спрятать не смог, корма торчала. Вот я в корму и засандалил снаряд. Теперь танк красиво дымит.

– Шабаш, сдулись немцы, – громко сказал я и закашлялся от сухого, раздражающего горло порохового дыма. – Помогли мы нашим уйти, немцы их теперь не скоро догонят.

Бабочкин, что подхватил очередной снаряд, выпустил его из рук и без сил привалился плечом к боеукладке, устало и счастливо улыбаясь. Его закопчённое лицо так и светилось радостью.

– Как мы их, командир, хорошо сделали?

– На нас троих можно записать одиннадцать танков, четыре бронетранспортёра, два десятка грузовиков и два мотоцикла с колясками и пулемётами, – устало привалившись на спинку сиденья наводчика, стал перечислять я. – Это всё наше. В живой силе не скажу, но с сотню точно должно быть. Я пулемётами по грузовику прошёлся, танкистов расстреливал, когда они, как тараканы, из танков выпрыгивали, да и на дороге тоже зацепить должен был. Есть у немцев потери, и не только в технике. Будь уверен.

– Командир, – стукнул меня Лосев в левое плечо. – Немцы.

Они с Борисовым оба плеча мне отбили. Один подтверждал, когда перезаряжал, второй привлекал внимание к цели. Бывало, действительно выводил на жирную и интересную цель.

– Где? – насторожился я.

– Сзади, мотоциклисты.

Быстро посмотрев в приборы, я зло усмехнулся. Два мотоцикла неслись к нам. Седоки, что находились за водителями, держали в руках связки гранат. Ага, лихим наскоком решили нас взять. Связками – это бесполезно. Я даже башню разворачивать не стал, только чуть подправил и ударил из кормового пулемёта. Срезал сперва одну пару – коляски были пустыми, даже пулемёты сняли, потом и вторую. Один мотоцикл кувыркнулся, а второй, замедлив ход, задёргался и заглох. Я специально так стрелял, чтобы не повредить технику, свалим на ней, когда будет такая возможность. Мотоциклы вездеходные, и по полю без проблем пройдут.

Всё же башню разворачивать пришлось, дальше на дороге стояли ещё мотоциклисты, наблюдавшие за результатом лихого наскока. Увидев, что тот не получился, а башня начала

поворачиваться к ним, мотоциклисты развернулись и рванули назад. Три успели уйти за холм, а вот четвёртого я перехватил. Осколочный снаряд рванул рядом, вторым я добил мотоцикл, детали и куски тел экипажа полетели в разные стороны. Удачно попал, несмотря на расстояние в полтора километра.

– Так, бойцы, у нас отличный шанс занять рабочую технику. Сейчас оба покидаете танк и бегом к мотоциклу, своё оружие можете не брать, там трофеи будут. Мотоцикл угоните в низину, по которой мы шли, оставите в ней. После этого бегом к подбитому танку, второму КВ, нужно пополнить боезапас. А я вас прикрою.

Объяснив Бабочкину, как переключать на мотоцикле скорости, чтобы на нейтральную поставил, а то оба бойца дел с мотоциклами не имели, я тут же дёрнул Лосева на место, он собирался покинуть машину через командирский люк. Сделал я это вовремя. В двадцати метрах от правого борта вырос куст миномётного разрыва. Дальше немцы стали сыпать мины градом, поэтому покидать танк смысла не было, а люки закрыли, оставив у одного щель, я показал красноармейцам, как надо держать люк не запёртым, на одном ремне. Делать было нечего, калибр у мины мелковат, хотя после одного случайного попадания звон в ушах долго стоял. Я перезарядил пулемёты, перебрался на место стрелка-радиста и, подобрав тук с запасным комбезом, расстелил его. Почти мой размер. Медлить не стал, стянул сапоги, надел комбез прямо на форму, после чего вернул сапоги, поправил шлемофон. Ремень я застегнул поверх комбеза, поправив кобуру с пистолетом. Жара в машине стояла страшная, вода из фляжек утекала стремительно, но мы крепились, хорошее дело делаем.

Пока я занимался комбезом, Лосев продолжал наблюдать в приборы, мало ли что, Бабочкин перебирал снаряды, чтобы были под рукой. За этот бой мы выпустили более пятидесяти снарядов, почти полбоекомплекта. Требовалось пополнить.

Наконец миномётный обстрел стих, мы внимательно осмотрелись, немцев не было видно, после чего бойцы выскользнули наружу и, пригибаясь, побежали ко второму танку. В двухстах метрах за ним и находились мотоциклы. Причём Лосев волоком тащил чемодан, видимо, вместе с мотоциклом решил оставить его в безопасном месте. Тот вроде не пострадал.

Миномётный обстрел до мотоциклов не докатился, на вид целые. Немного помучившись с выбранной машиной и сбросив лежавшего на руле водителя на землю, красноармейцы стали толкать тяжёлый мотоцикл в сторону низины. У них на это ушло с полчаса. После этого бегом пробежали к соседнему танку, Лосев так и второй мотоцикл обыскал и унёс к нашему трофею чем-то плотно набитый ранец и вооружение. Бабочкин же приготовил снаряды к переноске. Он нашёл внутри сидор и набил его дисками. После чего взял по два снаряда, и они побежали обратно. Открыв люк, я по одному принимал снаряды. Потом принял и сидор с дисками, и трофейный немецкий автомат с подсумками под длинные запасные магазины. Это был МП-40, я сразу его узнал. Он даже внешне отличался от своего прототипа МП-38.

Пока я раскладывал диски, бойцы сделали вторую ходку. Так что снова пришлось принимать снаряды. Ничего, дело нужное. Поглядывать по сторонам я не забывал, и когда заметил, что в том месте, где скрылись мотоциклисты, наметилось движение, положил там два осколочных снаряда. Больше бойцами рисковать я не стал. Когда они вернулись с очередной партией из четырёх снарядов, загнал их внутрь. Нам удалось пополнить боезапас на двадцать четыре снаряда минус два, выпущенных мной. Пока неплохо.

После этого мы занялись машиной. Лосев, вскрыв цинк с патронами, который находился в танке, стал набивать пустые диски к пулемётам, опустошённые мной во время боя. Бабочкин открыл нижний люк и проверил, насколько там свободно, взял лопатку и стал копать ямку – на случай, если кому срочно захочется в туалет. Они-то сходить успели, когда покидали машину, а вот я нет. Туда же он раскидал и россыпь гильз от стрельбы из пулемётов. Я же проверил сеть и подключил все шлемофоны. Аккумулятор был свежий, рабочий, так у нас появилась

бортовая сеть, и мы могли в бою переговариваться, пока же я её выключил, чтобы заряд не тратить, рация все равно не работала.

Когда все работы были сделаны, я велел бойцам отдыхать, используя краткие минуты затишья. В то, что нас оставят в покое, я не верил, тут была прямая и при этом неплохая дорога к Минску, немцы её не оставят и попытаются нас сковырнуть. Интересно, что они предпримут, авиацию вызовут или тяжёлую зенитку подтащат? Им известно, что для «ахт-ахт» наша броня проблем не создаёт? Посмотрим по ситуации.

Сам я отдыхать не стал, перебрался на место Лосева и, изредка поглядывая в приборы наблюдения, занимался МП, что мне подарили бойцы. На ремне с подсумками ещё был парабеллум, что показывало, что снято это оружие с унтера. Пистолет я отдал Лосеву, тот снял свой ремень и повесил на него кобуру. Так вот, сняв с ремня подсумки, я расстегнул свой и надел их, подогнав по бокам. Было два подсумка по четыре магазина в каждом. После этого проверил сам автомат, отстегнул магазин и подсчитал, сколько в нём патронов. Полный, значит, немец собирался пострелять. Обычно солдаты держат в магазинах по двадцать пять патронов, чтобы пружина не подвела, снаряжают полностью, если только собираются вступать в бою в ближайшие сутки. Проверив остальные магазины, я выщелкнул лишние патроны и убрал их в свой сидор. Будет запас для маузера.

После этого делать было нечего, время тянулось медленно. Почистив, наконец, свой ТТ, я сидел и лишь поглядывал по сторонам, стараясь не клевать сонно носом. Жара и духота, что стояли в машине, убивали, поэтому приходилось бодриться. Хорошо, что бойцы принесли трофеи, немецкие фляги со свежей водой, а то мы свои уже допили, а это какой-никакой, но запас. Это ещё не всё, Борисов в соседнем танке обнаружил двухлитровый термос с водой, в этом танке его не было. Видимо, экипаж забрал. Этот термос наш НЗ, флягами пока пользуемся.

Бойцы заснуть не смогли, просто отдыхали, лениво переговариваясь. Небольшой доступ воздуха шел через открытый нижний люк, а благодаря приоткрытому верхнему, создавалась и тяга, а то совсем бы мы утомились. Так получить тепловой удар – нечего делать.

– Бойцы, к бою, – скомандовал я, и мы тут же зашевелились, меняясь местами, подключая шлемофоны к выходам сети и проверяя, как она работает.

Когда я в очередной раз выглянул, то обнаружил столб пыли, что приближался к нам с тыла. Колонна техники шла, к гадалке не ходи. Не думаю, что это наши войска. Скорее всего, немцы обошли. Я же одну дорогу перекрыл, другие свободные, вот противник и выслал помощь для деблокирования дороги. Думаю, это танки. Со стороны побитых немцев всё было затянуто дымом, никакого шевеления я не замечал, но я был уверен, что они знали о приближающейся помощи.

Плохо было то, что к противнику танк был развёрнут кормой, а тут можно найти слабые места, но пушка был повернута в нужную сторону, так что мы ждали. Разглядев на дороге приближающиеся знакомые угловатые силуэты «четвёрок» с их кургузыми пушечными стволами, я усмехнулся. Помощь серьёзную прислали, у немцев эти танки считались тяжёлыми. Если танкисты противника лоханутся и попрут в атаку, это хорошо, наши снаряды брали их лобовую броню, хоть и с полукилометра. Но на это не стоило рассчитывать, это опытные черти. Скорее всего, укрываясь за складками местности, они постараются поразить нас в корму, чтобы поджечь танк. Я бы так и поступил. Это в их ситуации самое правильное для выполнения поставленной задачи. Что ж, будем ловить показывающиеся на холме башни в прицел. Другого ничего не остаётся, тут мы в патовой ситуации. Кстати, точно не скажу, но танков вроде было пять. От нас до приближающейся колонны было два километра, и до того момента, как они свернут за холм, чтобы уйти из нашего прицела, я решил их прищучить. Дальность великовата, конечно, полтора километра будет, но постараемся. Тем более я там мотоцикл накрыл и вторым выстрелом добил. Пушка тут не расстреляна, как я уже убедился, бьёт довольно точно, прицел слабоват, но ничего, поборемся.

- Бронебойный, – последовала моя команда.
- Готово, – и удар по плечу.

Честно говоря, нас спасло то, что немцы не вызвали авиацию. Тут один заход штурмовика – и факел. Танк лишён подвижности, как я уже успел убедиться, заглянув в технические лючки, двигатель от близкого разрыва бомбы сошёл с фундамента. С учётом профессионализма немецких лётчиков, опыта у них ого-го, проштурмовать танк им как нечего делать. Это в двигающуюся машину сложно попасть, тем более если та постоянно меняет направление, а в неподвижную промахнуться птенчикам люфтваффе сложно.

В планах у меня было на случай бомбардировки покинуть машину и отлежаться в низине. Тут метров сто до неё бежать, должны успеть. Если заранее, конечно, авиацию засечём. Однако у немецких лётчиков были дела поважнее, чем наш одиночный танк, пробкой блокирующий дорогу. Артиллерию они тоже не использовали, видимо, тяжёлые стволы не подошли, а вот ушедшую дальше по параллельной дороге колонну, видимо, тормознули и попросили командира выделить танки. Не то чтобы я планировал продержаться до темноты, но надежда была, всё же не единичный случай, однако нам шансов не давали. Немцы тут густо шли, так что было, откуда направить помощь.

Подправив прицел, я нажал на педаль спуска, и пушка грохнула. Почти сразу зазвенела гильза по полу, ее подхватил Лосев и выкинул наружу, а Бабочкин уже закидывал следующий бронебойный снаряд. Выстрел был удачен. Снаряд попал в корму и нанёс серьёзные повреждения. Полетели обломки траков и ведущее колесо. Вторым выстрелом я добил танк, и тот вспыхнул. Из башенного люка выскочили два танкиста, после чего из люков показалось пламя, больше из подбитой машины никого не было. Это была моя единичная победа, остальные прибавили скорость и скрылись за холмом. Болванки бессильно врезались в землю неподалёку, но попаданий больше не было. Хотя вроде у одного вспыхнули искры рикошета на башне, но мне могло показаться. Как я уже говорил, оптика тут была так себе, больше по интуиции стрелял. Да и опыт стрельбы на полигоне делал своё дело. Больше тысячи снарядов из разных стволов всё же выпустил, да и учили меня не инструкторы, а фронтовики, у которых опыта стрельбы хоть жопой ешь. Показали мне такой мастер-класс, что моё самомнение упало ниже плинтуса. Ладно, хоть основы дали, так что дальше я сам займусь наработкой опыта высококласной стрельбы. В принципе, сейчас этим и занимался. А так правильно ругали эти танковые пушки. Ствол коротковат для дальней прицельной стрельбы. Кучность падает. Кстати, один из фронтовиков, когда пробовал Т-46, как был прозван наш прототип «пятьдесят пятого», даже прицелом не пользовался. Я заряжающим у него был, всё видел. Он стрельнул, нацарапал гвоздём на смотровом стеклышке командирской башенки полоску – я его чуть не убил, танк новый был, я за него отвечаю, – а дальше, не смотря в прицел, на ходу, используя только эту полоску, выполнил все нормативы по стрельбе. Все, даже на дальних расстояниях разил цели. Вот таким наводчиком я и хотел стать. Этот капитан у нас на полигоне пробыл две недели, от него я тоже получил уроки, не за просто так, конечно, я дал ему возможность пострелять из всего, что у нас было. Ис-3 его больше всего в восторг привёл. Ну, а о том, что его уроки были в тему, свидетельствовало, что стрелял я на очень приличном уровне, хотя и был середнячком, но как тот капитан и говорил, а я был с ним согласен, мне требовался только опыт. Нарбатывать его я начал на полигоне, продолжил здесь.

– Бойцы, слушаем мою команду. Оставляете карабины, снимаете с крепления два ДТ, не забудьте сидор с запасными дисками. Он полный. Затем хватаете наши вещи, и бегом к мотоциклу. Ждёте меня там. Бегом!

Бойцы, которые, пытаясь, снимали пулемёты, не мешали мне развернуть башню и, самостоятельно перезаряжая пушку, открыть огонь по подбитым «чехам». Тем более после третьего выстрела они уже покинули боевой отсек танка. Я говорю про тех «чехов», что стояли подбитые, но не горели, а мне требовалось, чтобы сгорели, тогда их только в утиль. У немцев

отличная техническая поддержка, восстановят быстро, а так я гарантированно выводил танки из строя. Даже в корму лежавшей на боку «тридцатьчетвёрки» болванку послал, правда, танк зачадил только после второго выстрела. До тех двух, что находились в воронке, мне было не дотянуться, один подбитый «чех» перекрывал обзор.

Сняв прицел и достав из кармана трофейную зажигалку – с диверсантов снял, – собрал в кучу тряпье и поджег его. Всё, скоро танк рванёт. Выскочив наружу с трофейным автоматом в руке, я побежал ко второму КВ. Там проделал ту же операцию. Обе машины сильно дымили из люков, жаль, до «тридцатьчетвёрок» в воронке не добраться, я бы и их привёл в негодность. Закончив с поджогом второго КВ, пригибаясь, подбежал к мотоциклу, у которого находились бойцы. Лосев верёвкой привязывал сидоры и чемодан к коляске.

Со стороны расстрелянной авто- и бронеколонны строчили два пулемёта. Видимо, там сообразили, в чём дело, и открыли беспокоящий огонь. Ишь, как осмелели. Когда я запустил мотор мотоцикла, Лосев в люльку не залез – полная, сверху устроился, воткнув между сидорами свой пулемёт и карабин, который всё же прихватил. Неподалёку появился куст первого миномётного разрыва. Это нас подстегнуло. Бабочкин сел позади меня с пулемётом под мышкой. Ремня у него не было, хотя сошки оба красноармейца прихватить не забыли, но не прикручивали их пока, времени на это не было.

Мотоцикл, завывая мотором, пополз по пашне в сторону леса, скорость развить не получалось, и так темп неторопливо бегущего человека. Выезжать на дорогу смерти подобно. Они сейчас все заняты немцами. Двигаться за своими войсками, так там у холма четыре из пяти немецких танков и слегка прореженные мотоциклы, со стороны границы – злые гранадёры. Так что у нас был один выход – вернуться в лес. Из-под обстрела мы удачно ушли, никого не зацепило. Главное, в лес уйти и ночи дожждаться, а там в потёмках и уйдём.

Пришлось дальше по низине ехать. В том месте, где мы спустились в неё, в лес не уйти, пулемётчики не дадут, однако проехав полтора километра, я свернул к опушке и углубился метров на пятьдесят, пока не уткнулся в кустарник. О немецких танках я помнил, да и они о себе напомнили, засекли. Когда я покинул низину и выехал на опушку, они меня рассмотрели, а когда уже крутился между деревьями, два снаряда разорвались, выпущенные танковыми пушками. Больше не стреляли. Ничего другого немецкие танкисты сделать не могли и хоть так «обматерили» нас. Два с половиной километра для короткоствольных пушек – кучно легли, я оценил мастерство наводчиков.

Когда мы ушли в лес на пятьдесят метров, я остановил мотоцикл, не глуша его, и приказал бойцам покинуть машину.

– Бабочкин, вы двигаетесь метрах в пятидесяти вдоль опушки, проводите разведку. Будете передовым дозором. Идём до лесной дороги, что вела в ваш бывший лагерь, переходим её, ещё метров двести, и встаём лагерем у берега ручья. Поищите нормальное тихое место. От опушки дальше чем на сто-двести метров не удаляйтесь.

– Есть, – козырнул тот, закинув пулемёт на плечо.

– Лосев, на вас непосредственное охранение, будете двигаться, отстав метров на двадцать. Немцы сейчас злые, могут и погоню послать, приглядывайте за нашим тылом.

– Есть, – зеркально повторил тот действия Бабочкина. Карабин свой он не трогал, пулемёт в руках держал.

– Действуйте.

Бойцы прикрутили к пулемётам сошки, после чего занялись выполнением приказа. Бабочкин шёл ходко, я за ним на скорости быстро идущего человека. Лосев иногда замирал, вслушиваясь в лес, и скользил следом. Хм, хорошо шёл, с лесом он явно знаком не понаслышке. Видимо, из лесной деревни, он сам говорил, что деревенский. Так и двигались, пока не пересекли дорогу, и, не углубляясь дальше в лес, встали лагерем. Кстати, Лосев довольно грамотно замаскировал наши следы на дороге. И примятую траву поправил, и дорогу подмёл. Молодец.

Заглушив двигатель, я не отдал приказа отдыхать, хотя мы все и устали – такой тяжёлый день! Нет, я отправил Бабочкина в охранение, и тот наворачивал круги вокруг лагеря, не пропадая из виду. Лосев развёл костерок, повесил над ним три котелка и готовил поздний обед, а то мы и обед пропустили. Место для стоянки я выбрал не просто так. От лагеря в нашу сторону тек ручеёк, именно из него брали воду повара, вот и наш Лосев сбегал за свежей водой. Между прочим, и фляги наполнил, а то пить очень хотелось.

Сам я занимался мотоциклом. Самолично разгрузил его, сложив вещи в одну стопку, Лосев там что-то брал нужное для приготовления обеда, а так не вмешивался, у него своё дело. Я сменил шлемофон на фуражку, убрав тот в свой сидор. Хороший шлемофон, по размеру как раз мне подходит, а вот комбез я пока снимать не торопился. Пусть будет. Кстати, у нас с Бабочкиным были обычные синие комбезы танкистов, а Лосеву достался чёрный, технического персонала. Почему-то именно такой лежал в боевом отсеке танка. В принципе, танкисты и чёрными пользуются, но в основном используют синие.

Так вот, разгрузив мотоцикл, я осмотрел, что там было по штату. Хм, Лосев даже обе связки гранат подобрал. Нашёл их в куче вооружения. Так вот, достав из багажника на коляске два мотоциклетных плаща, я довольно улыбнулся. Касок не было, ну да ладно, но зато были очки. Как раз на троих. Тоже Лосева работа. Постараемся ночью за своих сойти. Осмотр мотоцикла показал, что тот в норме, лишь бак наполовину пуст. Отстегнув от коляски полную канистру, я залил бак. Проверил масло. В норме. На этом я закончил подготавливать технику к ночной работе и уже нетерпеливо поглядывал на священнодействующего у костра Лосева. Запах от котелков шёл умопомрачительный, готовить боец явно умел, да и горяченького хотелось.

– Стой, кто идёт? – услышал я глуховатый окрик Бабочкина.

Похоже, кто-то явился на запах готовящегося обеда. Я этого кого-то хорошо понимал, самого аромат с ума сводил. С Лосевым мы среагировали вполне похвально. Я встал на одно колено и, откинув проволочный приклад автомата, упер его в плечо и целился в сторону источника шума. Лосев залёг у костра, выставив в ту же сторону ствол пулемёта.

– За обедом присмотри, а я схожу, узнаю, в чём там дело, – велел я и, придерживая автомат, чтобы в секунду открыть огонь от живота всеоружем, как это показывалось в фильмах про войну, поспешил в сторону часового.

Кстати, ничего общего с реальностью, немцы так не стреляли, а предпочитали целиться прижимая приклад к плечу. Так оно как-то надёжнее. От живота, может, и стреляли, но это по пьяни, или когда массовый загон или прочесывание идёт. В бою никогда.

Особо я не тревожился, мне хорошо было видно Бабочкина. Тот спокойно с кем-то разговаривал, а вот его собеседника видно было плохо, только силуэт фиксировался за стволами деревьев. Что-то светлое было.

– Что там, боец? – спросил я, подходя.

– Девушки из медсанбата, товарищ майор, – ответил тот.

В принципе, я это и сам видел, неподалёку от нашего часового действительно стояла молодая девица лет двадцати в форме сержанта медицинской службы РККА, с заметно уставшим лицом, но живыми глазами, которые с большой надеждой смотрели на меня. Она была в тёмно-синей юбке и светлой, как будто выцветшей гимнастёрке. Пилотки не было, вместо нее берет.

– Продолжай вести охранение, – велел я красноармейцу, и когда тот продолжил неторопливое патрулирование вокруг лагеря, посмотрел на девушку: – Представьтесь, сержант. Сообщите, как вы тут оказались?

– Мы за грузом медикаментов поехали на станцию, там заночевали, а утром война началась. Мы быстро обратно... – заторопилась та, глотая некоторые буквы в словах.

– Сначала начните со своего звания и должности, – прервав девушку, велел я. – И застегните верхнюю пуговицу, всё же вы разговариваете со старшим по званию.

Та на меня недовольно взглянула, но всё же застегнула пуговицу и, сообщив, что она медсестра отдельного армейского медсанбата, продолжила рассказ, что вчера с военфельдшером, водителем и бойцом из комендантского взвода, выделенного для охраны, выехала к железнодорожной станции. Они должны были забрать медикаменты согласно присланным заявкам. Прибыли они поздно, и после загрузки остались ночевать на территории станции. Дальше понятно, война, налёт, гибель людей вокруг. Медиков на станции хватало, поэтому военфельдшер приказала возвращаться, и они поехали обратно. Почти добрались, но по пути попали под обстрел с воздуха, одиночный истребитель их обстрелял и, не добивая, после первого захода полетел дальше. Немецкого лётчика нисколько не смутили красные кресты на машине. Боец был убит, машина горела, остальные не пострадали, кроме военфельдшера. Та когда из машины выпрыгивала, ногу умудрилась вывихнуть. Машина в хлам, начала гореть. Отошли в лес, решили дальше идти, а тут немцы на мотоциклах, стрельба вокруг. Водитель весь день нёс старшего машины. Той ногу вправили, наложили фиксирующую повязку, но идти сама она не могла. Вывих стопы, причем, похоже, серьёзный. Шли всю ночь, с частыми остановками, ночь провели в этом лесу. Потом снова пошли, слышали орудейную стрельбу – это, видимо, нас, – пока не наткнулись на Бабочкина. За эти дни больше никого не видели, только наши войска, но те быстро проскальзывали или были слишком далеко, чтобы привлечь к себе внимание. Одиночных или больших групп не замечали, да и вообще старались держаться подальше от любых источников шума. Немцы дважды встречались, оба раза на мотоциклах. Не ели со вчерашнего дня. Ещё в обед у водителя закончилась немногочисленная провизия, так что голодны были все трое. Где остальные, понятно, рассмотрели издали Бабочкина, вот и выслали разведку. Он в своём синем комбезе и чёрном шлемофоне бросался в глаза, поэтому на разведку пошла Анюта, сержант Анна Забегалова. Водитель, что нёс военфельдшера, на ладан дышал и сейчас отдыхал, так что сил на разведку у него просто не было.

– Хм. Вы не сказали, кто у вас командир. Хотя попытаюсь угадать. У неё фамилия случайно не Смирнова? – закинул я удочку, поэтому не особо удивился ответу:

– Смирнова, – изумилась девушка. – Вы с ней знакомы?

– Позавчера познакомились, и надо сказать, не в то время и не в том месте. Ведите их сюда. У нас как раз поздний обед, так что поснедаем вместе. Бабочкин! Помоги медикам до лагеря дойти.

– Есть!

Красноармеец, хрустя листвою и мелкими ветками, пробежал мимо, придерживая пулемёт, и заспешил за сержантом, а я развернулся обратно в лагерь.

– Михалыч, у нас гости, и эти гости не ели уже сутки, так что потроши закрома.

– Наши?

– Наши. Два медика и водитель. Медики – девушки. Военфельдшер мне знакома, я ей вместе с отцом генерал-лейтенантом Смирновым помог отбиться от диверсантов. Мне генерал за это свой наградной маузер подарил. В сидоре лежит. В субботу это дело было... Скажем так, с девушкой я себя вёл немного грубо, поэтому вполне возможно, она меня узнает и всё же попытается расцарапать лицо.

– Это что же вы ей сказали, товарищ майор?

– Дурой назвал, тупой овцой. Несколько раз, причём при отце.

– И генерал не заступился за дочь?

– Ну, там сложная ситуация была, я её так в чувство приводил, у девушки истерика случилось, так что не заступился... Ах да, я тогда по гражданке был, под сельского маскировался.

– По службе?

– По бабам, – усмехнулся я.

– То дело, – одобительно хмыкнул тот. – Вон они, уже идут.

Бабочкин и неизвестный мне боец лет сорока на сцепленных руках несли Смирнову, которая держалась за их плечи. Сержант, семеня, спешила следом. На плече у неё висела винтовка, видимо водителя, у него на ремне были подсумки, а в руках она несла пулемёт Бабочкина. Вот он был для неё тяжеловат, дивчина заметно устала.

– Ты?! – ахнула Смирнова, сразу меня узнав.

– Невежливо тыкать незнакомым людям, – менторским тоном заметил я, после чего добавил с широкой улыбкой: – А в одежде вы тоже ничего.

В ответ в меня полетел шлемофон, сорванный с головы красноармейца. До чего дотянулась взбешённая военфельдшер, то и кинула. Хорошо, в кобуру не догадалась залезть.

– Вон оно как, – глубокомысленно хмыкнул Лосев и разрядил обстановку: – Обед готов, рассаживайтесь, товарищи.

Против обеда гости не возражали, голодными глазами смотрели, как Лосев снял котелки с костра и расставил их на плаще с подготовленной остальной снедью. Расселись мы группками по двое. Ложек на всех не хватило, например, у девушек их совсем не было, у водителя нашлась, завернутая в тряпицу, а у нас были. Пришлось бы делиться и использовать по ложке на двоих, но на счастье, в трофейном ранце нашлись столь необходимые столовые приборы, и красноармеец торжественно их подарил девочкам. Так что уплетали мы так, что за ушами трещало. Даже вприкуску со свежим хлебом, спасибо немцам. Отдельно была тонкими кружочками нарезана сырокопчёная колбаса. Её тоже расхватывали на бутерброды. Девушки ели из одного котелка на пару, мы с Лосевым из второго, Бабочкин с водителем медсанбата, ефрейтором Жаровым, из третьего.

После обеда, когда вода для чая закипала в тех же отмытых котелках, а я заканчивал более подробно расспрашивать, как медики тут оказались, сержант вдруг подпрыгнула, что-то вспоминая.

– Товарищи танкисты, мы ведь танк брошенный видели. Юрий Михайлович сказал, что в нём топлива нет. Огромный танк, в три моих роста.

– «Двойка», что ли? – удивился я.

– КВ, – кивнул водитель. – Огромная башня у него и пушка в сто пятьдесят миллиметров, не меньше.

– Точно «двойка». Далеко?

– Да нет, тут рядом. Минут пять идти, – снова вклинилась в разговор сержант.

– Интересно. Надо бы посмотреть. Сейчас чаю попьем, я, Бабочкин и Жаров прогуляемся до него. Ефрейтор, танк открыт?

– Нет, все люки закрыты, товарищ майор. Открыть без ключа не смог.

– А как определил, что баки сухие?

– Открыл горловину и веткой проверил, товарищ майор. Сухая.

Несмотря на то что часовой обедал вместе с нами, сидели мы так, чтобы контролировать окрестности, поэтому заметив движение краем глаза, я сказал:

– Молодец вы, красноармеец Лосев, ваши поварские таланты таковы, что все окрестные бойцы и командиры, попавшие в окружение, слетаются к нам, как... очень голодные орлы.

Бабочкин сразу среагировал, он просто из положения сидя завалился за стоявший рядом на сошках ДТ и, прижав приклад к плечу, ухватил оружие за пистолетную рукоятку и стал целиться в ту сторону, где я заметил движение. Мне такая реакция очень нравилась, оба бойца умели пользоваться головой и часто это демонстрировали, опыта бы им. Интересно, кого к нам ещё принесло? Как оказалось, сборную солянку из шести пограничников и десятка бойцов и командиров разных родов войск. Кстати, у двоих в петлицах были эмблемы танкистов.

Вода для чая только-только начала закипать, и Лосев сообразив, что и новеньких нужно кормить, снова закопался в своих запасах, готовя крупу и пару банок тушёнки. Кстати, готовил он действительно восхитительно. Все успели отдать должное его кулинарным способностям.

Возможно, мы так оголодали на свежем воздухе, что бросались на любую еду, как на пищу богов, или это поварские данные бойца действительно неплохи, но мы съели всё, что он приготавливал, и честно говоря, я бы ещё добавки попросил. Так вот, пока красноармеец готовил крупу, на глаз прикидывая, сколько потребуется, чтобы прокормить такую ораву, я уже общался с двумя лейтенантами, командирами в этой группе. Один был старлеем из комендатуры Гродно, другой лейтенант, обычный пехотинец. Комроты, кстати. Быстро узнав, кто они и откуда, я скомандовал:

– Построиться!

Несмотря на то что в группе было двое раненых, построились все. Один из раненых был тяжёл, его на самодельных носилках положили на землю, тут же закрутилась Забегалова. Второй был ранен легко и вполне мог стоять сам, хотя его и пошатывало. Пришлые выполнили мой приказ без нареканий. Возможно, как приказ старшего по званию, возможно, по той причине, что Бабочкин не переставал в них целиться, отбой я ему не давал.

Документы при себе были только у двенадцати из семнадцати человек. У обоих лейтенантов, у всех пограничников, естественно, у одного сержанта-артиллериста, у одного старшего сержанта – танкиста, у водителя транспортной колонны, расстрелянной авиацией, и у двух красноармейцев. У других красноармейских книжек не было, ответ был один: не выдали, обещали, но не успели, не хватило бланков. А вот двойка, у которой документы были, как раз и привлекла моё внимание. Если немцы и снабжают своих агентов, то по полной, им и в голову не может прийти, что в Красной Армии бланков красноармейских книжек попросту на всех не хватало, и их выдавали с очень большой задержкой. В большинстве своём бойцы ходили в сопровождении командиров, а те всех своих подчинённых знали в лицо. Вот такая схема. Причём эта двойка смотрелась вполне органично, форма немного грязная и засаленная, но сидела как влитая. Стрижки армейские, уставные, оружие, винтовки в порядке. Подсумки тоже, сидоры за спиной, пилотки. Касок вот не было, остальное смотрелось вполне обычно. Подворотнички тоже грязные. Однако от обоих бойцов немного, но пахло каким-то цветочным ароматом. Они мылись, причем недавно, ещё не успели пропотеть. А вот от меня, от моих бойцов и от других пришлых небольшой духан был.

Изучив, я вернул всем документы, которые изучал. Как и ожидалось, у двоих подозрительных бойцов не было даже намёка на след скрепки. Не ввали мемуары, всё так и было. Меня очень заинтересовала цель появления в лесу этих «бойцов» – стандартная группа по выдаче немцам окруженцев, или они целенаправленно кого-то искали, например, того, кто дважды очень сильно обидел их, перекрыв дорогу почти на целый день? Нужно выяснить.

Дав отбой, я велел бойцам топтать к костру и поесть, Лосев уже приготовил открытые банки с тушёнкой и сухари с галетами. Всё же он решил похлёбки не варить и сыпанул в котелки заварки. Чаю горячего попьём, это тоже неплохо.

Бойцы направились к костру, Бабочкин встал на часы, прогуливаясь вокруг, а вот лейтенантов я попросил задержаться, якобы по вопросам командования. С ними остался сержант-пограничник, по виду из старослужащих.

– Вы тех двух бойцов давно знаете? Того, что с прорехой на правом колене, и у которого грязный след-мазок на сидоре?

– Около часа, товарищ майор, – удивлённо ответил комроты, а вот старлей-пограничник посмотрел на бойцов с подозрением. Мой вопрос ему не понравился.

– Вместе пришли?

– Сперва один, через полчаса второй. Делают вид, что друг с другом не знакомы, – ответил пограничник.

– Возможно, их прислали найти меня, – вздохнув, сказал я. – Мы сегодня на ближайшей дороге дважды танковую засаду организовывали. В первый раз побили много техники, людей тоже. Полбатальона они там потеряли, с два десятка грузовиков, пару бронетранспортёров и

три танка. Ближе к обеду дорогу расчистили, но мы заняли эту же дорогу чуть дальше. Снова расстреляли колонну на том же месте. Ещё штук пятнадцать грузовиков, с десятков танков, но пришлось отойти, уничтожив танк, они подкрепление из нашего тыла вызвали, обошли по параллельной дороге. В общем, мы почти до полудня держали немцев на этой дороге, заставив кровью умыться. Разозлили серьёзно. Думаю, чтобы найти нас – а что мы в лес ушли, немцы видели, – агентов послать могли. А эти двое подозрительны. Внешний вид в порядке, но два момента настораживают. Оба с ваших слов говорят, что от границы идут, а от обоих мылом пахнет, мылись недавно. Запах свежий, утренний, да и не наш. Дальше, документы у обоих есть, абвер своих людей хорошо снабжает. А у наших, как вы видели, не у всех удостоверения имеются. Вот и подозрительно это. Значит, так, берём обоих и допросим. Только аккуратно, парни резкие, может кто-нибудь пострадать. Старлей, справишься?

– Сделаем, товарищ майор. Допрос тоже на нас?

– Конечно. Результаты доложите. И поторопитесь, они вполне могли выдать маршрут вашего движения. Как бы загонщики тут не появились. Вопросы есть?

– А что такое абвер? – спросил пехотинец.

– Немецкая военная разведка. Старлей, действуйте.

– Есть, – козырнул тот, и оба лейтенанта направились к расстеленному плащу, вокруг которого кругом сидели пришедшие бойцы и в охотку уминали продовольствие.

Для обоих лейтенантов и сержанта Лосев приготовил отдельный стол. Лейтенант сел за него, взял галету, приготовившись ложкой подковырнуть кусок мяса из банки с тушёнкой, а вот пограничники действовали. Оба. И сержант, и старлей. Приблизился каждый к своему бойцу, они ещё на ходу распределили, кому какой, и можно сказать, атаковали. Присели у них за спинами и, зафиксировав, просто завалили на спину, командуя своими пограничниками. Те сперва слегка растерялись, всё же неожиданно это было, но среагировали оперативно, оба подозрительных красноармейца мгновенно были избавлены от ремней с подсумками, сидоров и сапогов, даже петлицы прощупали. На этом всё, обоих агентов – а в своём предположении я был убеждён – под их возмущение унесли в сторону, где начали колоть.

Естественно, это вызвало неоднозначную реакцию у остальных. Ладно бы мы напали, а тут свои. Пришлось разъяснить ситуацию:

– Товарищи, продолжайте приём пищи. Всё в порядке, была обнаружена и обезврежена диверсионная группа противника. Оба бойца – переодетые солдаты противника. Поясню, мне они уже в третий раз встречаются. Их задача – вывести нас на боевые группы для уничтожения или пленения.

Моё пояснение немного разрядило обстановку. Да ещё три погранца вернулись к столу и как ни в чём не бывало продолжили еду, как те хомяки, быстро уничтожая всё, до чего дотянутся руки. Так что остальным волей-неволей пришлось последовать примеру бойцов в зелёных фуражках, а то ничего не осталось бы. Для тех, кто в этот момент работал, Лосев отложил продовольствия. Бабочкин продолжал прогуливаться, поглядывая, что происходит на месте допроса. Оттуда, где он патрулировал, было их хорошо видно, от лагеря же погранцы были скрыты деревьями.

Обе медички занимались ранеными. Тяжёлого осмотрели и даже сменили повязку. У моей группы перевязочный материал был из трофеев, да и в танке нашли, к рукам прибрали, так что поделились. Приняв от Лосева кружку чая, пока пришедшие обедали, у них тоже со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было, я сделал глоток и, помакав в напиток каменный как на вид, так и на деле сухарь, задумчиво посмотрел в сторону, где проводился допрос. Что-то бумкающие удары и вскрики стихли. Потом сделал ещё один глоток. Хорошо, горяченький, я люблю свежесваренный чай.

Когда я допил, заев тремя сухарями, на огне уже котелки со свежей водой закипали, из наших и медиков все чаю попили. Я заметил идущего в нашу сторону старлея. Вернув кружку

Лосеву, кстати, это была моя, из личного сидора, я встал из-за стола и направился навстречу пограничнику. Пока нужно узнать без свидетелей, что удалось выяснить.

– Они действительно работают на немецкую разведку, с этим вы не ошиблись. Более того, ваше предположение верно, основной приказ – найти группу танкистов, что дважды атаковала сегодня колонну моторизованной дивизии, нанеся ей довольно серьёзные потери в людях и технике. Известно, что танкистов трое и они на мотоцикле. Увидев в лагере трофейный мотоцикл, засланные поняли, что им повезло. За обнаружение и удачно проведённый захват им обещали награды. Похоже, серьёзно вы им досадили, раз они так задёргались.

– Средства для связи?

– У одного в сидоре ракетница, нужно выстрелить красной ракетой, но это совсем на крайний случай. А так они должны были узнать, куда мы идём, или пока задержимся тут. В обоих случаях один должен был отойти якобы по нужде и, добравшись до своих, привести к нам солдат противника. Второй продолжил бы контролировать нас, чтобы передать, куда мы пошли. Они собирались договориться, где на месте оставленного лагеря устроить тайник с запиской о нашем дальнейшем маршруте на ней.

– Это всё или ещё что есть?

– Вас живым приказали брать, командир дивизии распорядился. Генерал очень злой был.

– Ясно. Диверсантов допросите, выясните штатную единицу их подразделения, всё о военной разведке немцев, после чего ликвидируйте. Только по-тихому. После этого возвращайтесь обедать, вам там оставили.

– Есть, разрешите выполнять? – козырнул старлей.

У него на лице не дрогнул ни один мускул, как будто так и нужно было, только живые глаза ощупывали меня, будто прикидывая, чего еще можно ждать. Оставив погранцов заниматься делами, лейтенанта за старшего в лагере, я заменил Бабочкина на часах одним из бойцов и, прихватив Жаркова, направился к танку. Осмотреть его я не передумал, да и ключ прихватить не забыл. Если люки закрыты, как говорил ефрейтор, то действительно без него в танк мы не попадём.

Ручей пришлось пересекать вброд там, где это делали медики. Метров через сорок действительно обнаружили проложенный танком туннель. Подмятые и раздавленные деревья, разруха на том месте, где прошёл танк. Уже отсюда я видел его тёмную махину кормой к нам и слегка повернутую вправо башню. Пришлые вышли на нас в другом месте, так что танк не заметили. Кстати, действительно был КВ-2.

Я сразу открыл люки, и Бабочкин осмотрел боевое отделение и подавал стоявшему у командирского люка ефрейтору диски к пулемётам – танкисты пулемёты сняли, но боезапас забрали не весь, а нам пригодится. Кстати, танк в бою не бывал. Новенький на вид, хоть и сильно запылённый, да и боекомплект полный, кроме патронов для пулемётов. Так вот, пока Бабочкин осматривал боевое отделение, я осмотрел танк, открыв нужные люки. Мне хватило получаса, чтобы разобраться с машиной.

– Шабаш, забираем трофеи и уходим, – вытирая руки подвернувшейся ветошью, командовал я.

– Сломан, товарищ майор? – поинтересовался Баранов, набивая два найденных пустых сидора дисками к пулемётам и патронами рассыпью, Жарков стоял рядом и держал два цинка для патронов, а также гранатную сумку, тоже не пустую.

– Скорее, доведён до такого состояния. Не знаю, что у этой машины был за мехвод, но называть его кроме как рукожопым у меня язык не повернётся. Это кем же надо быть, чтобы довести вверенную технику до такого состояния! В общем, танк добрался до этого места чудом. По-другому не скажешь. Баки совершенно сухие, но это и понятно. Прежде чем уйти, мехвод сделал одно дело – слил из танка всю жидкость и оставил мотор работать. По скукожившимся над моторным отделением листьям это видно, даже почернели. Двигатель без воды перегрелся

и, естественно, вышел из строя. Так что не танк это, груда металлолома. Для нас, к сожалению, совершенно бесполезная. Кроме разве что той мелочи, что вы обнаружили. Кстати, вы закончили?

– Тут два запасных комбеза и два шлемофона. Будем брать, товарищ майор?

– Обязательно. Я с пришлыми танкистами ещё не говорил, а сейчас самое время. Им и пригодится.

Бойцы загрузились. С танка мы сняли приличное количество боеприпасов и другого имущества, я даже пехотную лопатку, что нашли внутри, велел прихватить. В штатный комплект она не входила, видимо танкисты где-то подобрали. Шанцевый инструмент нам всяко пригодится. Вернувшись в лагерь, я занялся пришлыми танкистами, а Бабочкин начал вскрывать цинки с патронами, чтобы раздать остальным пришлым. У тех с боеприпасами совсем худо было, едва по три-пять патронов на человека. Жёсткий лимит на отстрел зарвавшихся немцев был. В основном у бойцов были винтовки, кроме двух самозарядок пограничников, но у одного красноармейца имелся пехотный ДП с двумя запасными дисками. Он принялся снаряжать диски.

Пока нас не было, лейтенант более-менее организовал в лагере порядок и усилил охранение, но это по приказу старлея Иванова, пограничника. Тот всё ещё продолжал допрос, один из погранцов вёл запись, вот и приказал усилить охранение. Видимо, что-то новое узнал от агентов противника. Кстати, один прибалт, а второй из наших, из детей дворян, что уехали жить в Германию. Добровольцы, мать их.

– Кто такие, где служили и на чём воевали? – отведя обоих танкистов в сторону, велел я рассказать о себе. Начал, естественно, старший по званию.

– Старший сержант Егоров, товарищ майор, – вытянувшись, представился он. – Командир танка Т-26. Двадцать девятая танковая дивизия третьей армии. Потерян танк не в бою, была повреждена ходовая после налёта немецких бомбардировщиков. Со своим экипажем вёл бой в пехотных цепях. Попал в окружение у границы, прорывался ночью в составе остатков стрелкового полка, потеряв обоих членов экипажа. Они были убиты. Долго шёл, пока не обнаружил, что остался один. Случайно наткнулся на пограничников, дальше двигался вместе с ними. Оружие не моё, забрал у убитого стрелка. Револьвер в кобуре – личное оружие, но к нему нет патронов, к винтовке теперь есть, получил пятьдесят штук и гранату. Готов и дальше воевать против немецких захватчиков.

– Ясно. А вы что скажете, сержант?

– Четвертая танковая дивизия десятой армии, товарищ майор. Механик-водитель танка Т-34, сержант Анисимов. В бою, при атаке позиций противника тяжёлый снаряд попал в башню, сбив её с погона. Погибли командир танка и заряжающий, стрелка-радиста тяжело ранило. Я был оглушён, но смог развернуть машину и на максимальной скорости уйти в наш тыл. Сдал танк ремонтникам. Передал радиста врачам. Был задержан представителями особого отдела как дезертир, бежавший с поля боя. Через час, разобравшись, отпустили, включив в ремонтную команду. Потом при прорыве немцев был вынужден отступать пешком, целой техники, которая могла бы передвигаться, не имелось. Ночью отбился от своих, когда нас на дороге вдруг начали расстреливать из пулемётов. Под утро встретился с группой пограничников. Присоединился к ним. Это всё, товарищ майор.

– Ясно. Значит, так, сержанты, не приказываю, а предлагаю вам пойти под моё командование. Подумайте.

– Мы согласны, товарищ майор, – очень быстро ответили танкисты.

Как я узнал чуть позже, они о наших сегодняшних подвигах уже от Лосева всё узнали, тот, собрав вокруг себя группу слушателей, пока мы ходили к танку, успел всё рассказать в подробностях, так что не сомневались, принимая решение. Не то чтобы мой ординарец был таким болтуном, просто его попросили девушки, и он ничего не стал скрывать.

– Хорошо. У красноармейца Бабочкина заберёте запасные комбезы и шлемофоны. Вы танкисты, а не простые стрелки, значит, будем использовать вас по специальности. Тем более мне танкисты очень нужны. Кроме меня, профессиональных танкистов тут нет, оба моих бойца – призванные из запаса. Энтузиазм имеется, желание бить противника тоже, вот опыта не хватает, приходится учить на ходу. Ну, так как?

– Мы с вами, товарищ майор.

– Вот и отлично. Сейчас подойдёте к Лосеву, это тот, что постарше и с усами, как у товарища Сталина, он вас поставит на довольствие, выдаст комбезы с шлемофонами и выдаст сухпай на сутки, включая сидоры, а то, я смотрю, у вас их нет. Должны быть, нужно же в чём-то переносить личные вещи, у меня вот их теперь уже два. Всё, свободны.

Танкисты, кажется, были рады, что их бессмысленные метания закончились, видимо, я им показался тем человеком, который знает, что нужно делать. Что ж, если так, то они не ошиблись, действительно знаю. Закончив с ними, я посмотрел на погранцов. Те последними пили чай, завершив дела с засланными казачками противника. Я кивнул старлею, чтобы тот подошёл. Допрос закончен, и, согласно приказу, обоих диверсантов перевели в неживой вид. Выслушав, я отдал ему новый приказ. Понимаю, что погранцы также были уставшие, но время не ждало. Первым делом, выдав свой бинокль, направил старлея к дороге, тот должен был попластунски добраться до крайних деревьев и посмотреть, что на ней происходит там, где мы так хорошо повеселились. Потом доложит. После этого, сбив по двое три группы из пограничников, отправил их в разные стороны с наказом искать и записывать местоположение подбитой или брошенной советской техники. Любой.

Стрелков во главе с лейтенантом отправил к продовольственному складу. Если там немцы, то, себя не обнаруживая, забрать припрятанные ящики с тушёнкой в лагерь. С этой группой я отправил Бабочкина проводником. Не совсем уверенно, но тот подтвердил, что сможет найти дорогу к нужному складу. Лосев, взявший на себя обязанности старшины, творил в лагере, ну а я, когда выдалось свободное время, приспособил чемодан вместо стола, достал из планшета трофейный блокнот и карандаш, после чего, задумавшись на миг, стал писать письмо товарищу Сталину. Предупреждать о военных катастрофах я не передумал.

Лишь пару раз прерывался. В первый раз припрыгала Смирнова, доложила насчёт раненых и осмотра остальных бойцов и пограничников, а чуть позже Лосев подходил. Пытался жаловаться на двух новых бойцов нашей группы. Те насчёт довольствия восприняли всё буквально. Даже иголки с нитками запросили, чтобы привести форму в порядок. Они сейчас у ручья, моются и стираются. Кстати, свою форму, включая бельё, я тоже отдал. Сейчас сидел в одном комбезе. Его потом стирают, а то после прошлого боя в жарком нутре танка, стоявшего на солнцепёке, комбез пропах порохов и моим потом.

Успел написать один лист из того десятка, что планировал, когда вернулся Иванов от дороги. Быстро он, пять минут туда, полчаса на месте и пять минут обратно. По его докладу удалось узнать, что немцы сплошным потоком идут в сторону отходящих советских войск. У подбитой нами техники ведутся ленивые работы, ещё в поле установлены пулемётные посты, все они контролируют лес. Вот это неприятная новость, если посты и на ночь останутся, покинуть лес будет сложно. Только в секторе своего наблюдения Иванов заметил три таких поста. Странно, что прочёсывание леса не организуют, но видимо, не было свободных подразделений, да и куда мы денемся из заблокированного леса?

– Тягач, говоришь, имеется? – заинтересовался я.

– Да, – тот показал на бумаге обстановку на дороге, где тот стоит, и где обустроились немецкие специалисты, которые, видимо, должны были озаботиться эвакуацией своей подбитой техники.

– Так это же отлично! Если немцы останутся на ночь, это просто великолепная новость.

– Я чего-то не знаю, товарищ майор?

– Есть такое. Вот тут в воронку скатились два наших танка.

– Да, немцы их как раз осматривали, когда я наблюдение вёл.

– Они в порядке. Как мне доложил старшина, командир похоронной команды, танки целые, вполне на ходу. От близкого взрыва мехводы замешкались, и оба сползли в воронку. Экипажи покинули машины и или погибли, или были ранены осколками. Так вот, чтобы их вытащить, должны были пригнать тягач – «Ворошиловец», а также экипажи на замену, но ни то, ни другое не прислали. Вот я и думаю, как бы эту технику и приспособить к делу. Это вполне реально.

– Товарищ майор, разрешите вопрос?

– Задавайте.

– Мы с вами? – прямо спросил старлей.

Я уже успел над этим хорошо подумать, поэтому ответил сразу и честно:

– Нет, старлей. Вы не с нами. У нас свой путь, у вас свой. Ночью дам машину, заберём её у техников, и вы с ранеными и медиками двинете догонять наших под видом немцев. Замаскируетесь. А мы тут немного повоюем, отвлечём внимание. Это всё пока. Вернитесь к наблюдению за дорогой. Я хочу знать всё, что происходит вокруг наших танков. Прикиньте, есть ли возможность подобраться к пулемётчикам, чтобы их взять в ножи. Эта работа на вас, так что наблюдайте тщательно.

– Есть, разрешите выполнять? – козырнул тот.

– Действуйте, – кивнул я и, когда старлей отошёл, взял протянутую Лосевым кисточку с мылом для бритья. Рядом парил котелок с горячей водой и ждал ординарец с полотенцем на плече, зеркальцем в правой руке и подготовленной бритвой в левой. Я видел, как он её о ремень правил.

После бритья я отправил Лосева, пусть искупается, а сам снова сел писать. Пока было свободное время, нужно было заняться делом. Да и подумать, что дальше. Погранцов нужно отправить так, чтобы на них не обратили внимания, и те, проскочив за ночь километров сто, то есть обогнав немцев, смогли бы догнать своих. К утру, если ничего не случится, в Минске будут. Шучу, конечно, но в каждой шутке... А вот медлить не стоит, шансы прорваться тают с каждым днём. Пока немцы не ушли далеко, обогнать их за ночь вполне реально. Раненый будет сковывать нас, поэтому решено, отправляем. Тут главное – проинструктировать Иванова так, чтобы не думал действовать по-своему и не проявлял инициативы, кроме, конечно, разумной. Они должны проследовать по дорогам, не обращая внимания на стоящие на ночёвке немецкие части, как можно дальше, стараясь себя не обнаруживать. Их, конечно, попытаются тормознуть на постах, да наверняка тормознут. Так вот, уничтожать их огнестрельным оружием можно только в крайнем случае, а сначала надо стараться действовать ножами. Как я уже говорил, немцы ушли недалеко, максимум на пятьдесят километров, возможно даже меньше, поэтому один или два поста на дорогах. Вряд ли больше. Ещё группе нужно найти толкового бойца, знающего немецкий язык. Хотя бы чтобы понимал, что спрашивают при остановке. Если хорошо говорит, можно ответить, и если язык подвешен, отбрехаться. Например, представиться спецгруппой из полка «Бранденбург», готовившего заброс диверсантов в тылы противника. Для опознавания можно использовать те жетоны, что были найдены у диверсантов, конченных пограничниками. Да, похоже, так и придётся действовать.

Об этом всё я раздумывал, изредка отрываясь от изложения будущего на листах бумаги. Два дела одновременно я всё же делать не умел, однако работа по обоим медленно, но двигалась. Как раз я закончил, шесть листов исписал мелким убористым почерком, когда вернулась первая партия – бойцы с лейтенантом. Всё фамилию его никак не мог запомнить, хотя на языке крутится – Климкин. Бойцы принесли все шесть ящиков с тушёнкой и даже несколько мешков с крупой, ящика два с макаронами, полкоробки со сгущёнкой и один мешок с горохом. Это всё откуда? Неужто немцы склад не захватили? Однако доклад Климкина прояснил ситуацию.

Немцы на складе были, более того, успели включить его в снабжение ближайших частей. Так как на склад время от времени прибывали грузовики, и их загружали солдаты взвода охраны. Вот когда и был такой аврал, бойцы приподняли проволоку и утащили из ближайших штабелей, крытых брезентом, всё, что попало под руку. Из добытого я был разве что банкам со сгущёнкой, сладкого захотелось.

Отобрал всё, что нам пригодится, и тут прибежал мокрый Лосев, завершавший омовение, он продолжил. Всё, что берем, оставили, остальное отнесли подальше и спрятали в густом кустарнике. В ближайшее время я покидать эти угодья не собирался. Нужно будет совершить налёты на склады продовольствия и вооружения и утащить в лес как можно больше. Хотя можно попробовать, как это провернул Клишкин, без шума и пыли, по-тихому.

Пока бойцы занимались маскировкой небольшого продовольственного склада, стараясь оставлять как можно меньше следов, по одному стали возвращаться группки пограничников. С их слов я наносил на карту местоположение разной техники. Танков хватало, с опушки, залезая на высокие деревья, посланные обнаружили больше двадцати единиц, грузовиков под сотню, но большая часть была повреждена или уничтожена. Хотя целые на вид тоже встретились. Даже артсистемы заметили. Поставил жирный знак вопроса над одной из меток, там бойцы обнаружили в низине трубы миномётов с ящиками боезапаса, оружие нужное. Одного из пограничников я отправил сменить Иванова.

Тот появился минут через десять и доложил об изменениях, произошедших на дороге за это время. Когда вернулся старлей, я как раз переоделся в выстиранную и успевшую высохнуть форму и осматривал фуражку. А вернее, не отстиравшуюся кровь прошлого владельца. Боец, что занимался стиркой, виновато пожал плечами. Похвалив его за отлично выполненную работу, я передал ему комбез для стирки и выслушал Иванова.

Информация была интересной, оказалось, немцы уже вытащили обе «тридцатьчетвёрки» из воронки. Одну запустили и своим ходом отогнали в сторону, но попытки запустить другую не увенчались успехом. Хотя Иванов видел, как вспухали дымы над её кормой после пробных запусков. Теперь, краном тягача подняв кормовой люк, два техника возились с мотором.

– Наши они, точно говорю. Немцы для ремонта наших пленных техников используют.

– Были замечены попытки покинуть место работы? – поинтересовался я.

– Точно нет, они там навес сооружают, похоже, ночевать собрались. Им в термосах на мотоцикле горячего привезли. Видно, кухня неподалёку.

– Похоже, так, – согласился я. – Что там вы говорили насчёт боекомплекта? Повторите.

– Они вытащили из обоих танков боекомплект и сложили его в кузов нашего ЗИСа. Причём тот объехал все подбитые танки на поле и у дороги. Разве что они к КВ не подходят, те ещё дымят. Тот, из которого вы стреляли, башни лишился. Я видел, что она лежала неподалёку от корпуса.

– Странно, боекомплекта оставалось не так много, чтобы снести башню, – удивился я. – Ладно, сейчас не до этого. Значит, одна «тридцатьчетвёрка» всё ещё стоит у воронки, и её пытаются привести в порядок техники из военнопленных, вторая в порядке и стоит у лагеря, организованного ремонтниками?

– Именно так, товарищ майор. Очень шустро работают, не видел, чтобы сидели. Тягач стаскивает всю битую технику в одно место. Похоже, эвакуировать собираются.

– Так и есть, думаю, трейлер ждут. Однако раз, по вашим словам, дорога плотно забита двигающейся техникой, проехать ему будет не так и просто.

– Это точно, товарищ майор.

– Старлей, отдыхайте пока. Даю вам три часа личного времени, можете сходить к ручью, окунуться. Там воды по колено, но некоторые умудряются искупаться. Остальные тоже отдыхают и отсыпаются перед ночной работой. Вам же и вашим людям нужно привести себя в поряд-

док, побриться и помыться. Немцы педанты, не нужно их пугать щетиной, это может навести на подозрения.

– Спасибо, товарищ майор, обязательно воспользуюсь вашим советом. Жарко, пропотел весь. Ещё бы хотелось всех моих людей сводить к дороге, чтобы они запомнили ориентиры для работы ночью, это нам поможет.

– Добро. Действуйте, – кивнул я и стал изучать карту, где были нанесены новые значки.

В моих планах Клишкин со своими бойцами отправится вместе с Ивановым. Обуза они мне пока, пусть дальше двигают. Я лишь двух бойцов собирался оставить. Водителя, младшего сержанта Горелова, тот хорошо знаком с разнообразной техникой и может её ремонтировать всем, что под руку попадётся. Посмотрим, каков этот Горелов в деле, действительно ли такой мастер или брехло. Второй был миномётчиком, между прочим, участник Финской войны. Имеется боевой опыт, как и применения миномётов. Он мне был нужен, опытный командир расчёта, пригодится. Кстати, проблема насчёт знающего немецкий язык полиглота разрешилась, и Иванов им владел, но не особо хорошо, и его сержант. Вот тот в совершенстве знал, всё же был штатным переводчиком комендатуры. На польском и немецком говорил. Я протестировал, оба действительно знали этот язык. Просто отлично, можно будет использовать две машины.

Убедившись, что в лагере всё нормально, два часовых бдят, я устроился на месте лежанки, мне её Лосев подготовил, и, накрыв лицо шлемофоном, прикрыл глаза. Через четыре часа начинаем, нужно хоть немного поспать, это даст сил для бессонной ночи.

Комбез был слегка влажноват, не успел полностью высохнуть до наступления темноты, но я всё равно надел его поверх формы, сменил фуражку на шлемофон и двигался следом за бойцами. Перебегали мы бросками от места к месту. Два ближайших пулемётных поста уже были сняты пограничниками. Те удачно взяли их в ножи, никто не пикнул. Сейчас два тяжёлых МГ-08 были повернуты в сторону стоянки немецких технарей. Те действительно остались на ночь. Движение на дороге шло только в одну сторону, именно так прибыл к ремонтникам трейлер, но вот обратно – увы. Думаю, они собрались отправить гружёный трейлер, а на его длинную платформу погрузили сразу два сгоревших «чеха» рано утром, пока дорога ещё была пустая. А сейчас все спали.

В данный момент эта тихая битва была не на нас, пограничники работали где-то вдали. Их задача – уничтожить посты, чтобы мы покинули лес, и также ликвидировать ремонтников. За время наблюдения их успели пересчитать. Было восемь немецких ремонтников, один фельдфебель и два наших пленных. Их охранял часовой. Проблемой для пограничников было то, что неподалёку встала на ночёвку артиллерийская часть немцев. Дивизион лёгких гаубиц. Любой случайный выстрел, и под две сотни гавриков тут же проснутся и наведут хай. У них и бронетранспортёры были, два точно, как доложили наблюдатели. Тем более время от времени с постов пускали осветительные ракеты, видимо на услышанные шорохи или другие шумы реагировали. Но пускали не по времени, бывало, что час тишина, ни одного пуска. Так что подозрения это не вызвало. Кстати, у ремонтников было две машины плюс наш ЗИС и тягач с краном на корме. Трейлер я не считаю. Он отдельно стоял и, честно говоря, интереса для нас не представлял. В другой ситуации я бы мимо этой ценной машины не прошёл, однако сейчас он будет только тормозить. Одна из приятных новостей, что принесли от наблюдателей, была в том, что вторую «тридцатьчетвёрку» всё же привели в порядок, и её поставили рядом с первой для каких-то мелких работ.

Подбежав к корпусу сгоревшей полуторки, я укрылся за рамой и поглядывал вокруг. Пока ракеты никто не пускал, видимо погранцы отработали немцев. Было тихо. Остальные сосредотачивались рядом, держа оружие на предохранителях и без патронов в патронниках. Не дай бог у кого случайно выстрел произойдёт, вся операция насмарку. Иванов, когда мы согласовывали наши действия – тут он играл первую скрипку, – велел нам ждать именно у

этого остова. Сюда он в случае нормально проведённой операции пришлёт посыльного, чтобы тот сопровождал нас в лагерь ремонтников.

Ждать пришлось с полчаса, пока, наконец, рядом не возник силуэт одного из погранцов.

– Товарищ майор, всё сделано. Прошу следовать за мной.

– Бойцы, за мной, – продублировал я приказ, и мы последовали за погранцом уже в полный рост, не пригибаясь. Просто ни к чему было.

Когда подошли к лагерю, то ко мне направился один из силуэтов. Их много суетилось вокруг. От постов красноармейцы, что сменили там пограничников, катили станковые пулемёты, прихватив и боезапас. Их предполагалось забрать с собой, тяжёлое вооружение всегда пригодится. Силуэт голосом Иванова доложил:

– Товарищ майор, немецкие ремонтники уничтожены, захвачено три грузовика, тягач, трейлер и два танка. Один грузовик и танки наши. Освобождены четыре наших пленных.

– Их же двое было? – удивился я.

– Оказалось, четверо, один танкист, лейтенант, командовал взводом «тридцатьчетвёрок». Избит сильно, пока недееспособен, поэтому немцы его и не использовали. Ещё два техника и один водитель, это он ЗИСом управлял.

– Ясно. Лейтенанта и обоих техников я забираю. Всё как и договаривались. Обе машины и лишний водитель ваши. Грузитесь, припасы берите, людей, и можете выдвигаться. Форму немецкую приготовили?

– Севастьянов уже переодевается. Ему форма фельдфебеля подошла, мне – обер-ефрейтора. Сейчас переоденусь. Форма для водителей тоже подготавливается. Остальные будут скрыты в кузовах машин. Идея выдать себя за диверсантов полка «Бранденбург» отличная, товарищ майор, надеюсь, не пригодится. Но если потребуется, будем знать, что говорить.

– Сумку с письмами бойцов забрали, что со мной остаются?

– Забрали, товарищ майор, окажемся у наших, отправим по адресатам.

– Вот что, старлей. Если возникнет такая ситуация, постарайся все письма уничтожить. Всё же бойцы могут невольно выдать, если те попадут в руки немцам, что мы будем делать, а мне этого не хочется. Держи сумку поближе к себе, а если всё пройдет нормально, отправляй уже почтой.

– Хорошо, товарищ майор.

Осмотревшись, я громко спросил:

– Почему в темноте работаем? Разрешаю использовать фонарики. На немцев под боком не обращайтесь внимания, они подумают, что это немецкие ремонтники работают. Только не мельтешите, а работайте спокойно и с достоинством. Тогда в глаза бросаться не будете.

Иванов пытался было возразить, типа немцы всё поймут, но как он позже убедился, всё сработало, часовые стоявшей рядом части на нас не обращали внимания. Ну, проснулись ремонтники, что-то делают. Это их проблемы, если спать не хотят, то пусть работают. Главное, чтобы им не мешали. Через полчаса всё было готово к отправке двух грузовиков в сторону Минска.

Обняв Иванова и Климкина, я подошёл к Смирновой, она уже сидела на лавке у заднего борта второй машины.

– Удачно вам добраться до расположения наших войск, товарищ военфельдшер, – достаточно официальным, но всё же усталым голом сказал я. – Удача – это птица счастья. Помните это.

– Спасибо вам, товарищ майор. За всё, – вздохнула та и, дотянувшись до меня, ухватила крепкими и цепкими пальцами и поцеловала в губы. Под хмыканье Жаркова, стоявшего у открытого борта, – он был водителем на второй машине. Кстати, в немецкой военной форме, с оружием и ремнём.

– До следующей встречи, Оля, – сказал я.

– Думаете, она будет? – грустно спросила та.

– Поверьте, мы с вами уже дважды встретились при необычной ситуации, а бог, как известно, троицу любит. Счастливо.

Иванов скомандовал, бойцы запустили остывшие двигатели и, неторопливо выведя машины на дорогу, покатали на восток. Никто не обращал на это внимания, и на небольшой скорости, не выше сорока километров в час, те удалялись, пока звук моторов совсем не стих. Вздохнув, я вернулся к основной работе. Пока двигатели машин шумели, бойцы завели тягач и прицепили его к моей «тридцатьчетвёрке». Бросать такой ценный девайс я не собирался. Водителя для него не было, но буксиром утянем. У меня были планы по модернизации двигателей танков, чтобы поднять их ресурс. Масляные и воздушные фильтры среди запчастей нашлись в «Опелях», тут главное, их приспособить. Поэтому и нужен тягач с краном. У танков капотов нет, чтобы на двигатель взглянуть, нужно поднять бронеплиту в восемьсот кило. В общем, воспользовавшись шумовым эффектом отъезжающих грузовиков, бойцы и прицепили тягач к моему танку. Двигатель запускали тягача, а не танка. Тот слишком громкий.

По остальному работал старший сержант Егоров. Они с Анисимовым подготавливали танки к бою и движению. Возвращали в них прицелы и боезапас, устанавливали на место пулемёты. Снаряды по одному отправляли в люки механиков-водителей и распределяли по боеукладкам. Тот танк, что немцы завели сразу, уже осваивали Бабочкин с Лосевым, это будет моя машина, второй я отдал Егорову с Анисимовым. Первый командир танка, второй мехвод. Пока за стрелка и заряжающего у них будут наши освобождённые техники, я с ними уже познакомился и поговорил. Узнав, что это именно мы навели тут шороху, те сразу согласились остаться. Кстати, лейтенанта повезём в кабине машины, Смирнова его уже осмотрела, сказала, тяжёл, но транспортабелен. Просто сильно избит, сам придёт в норму, главное, кормить хорошо. Вот лейтенанту сегодня досталось за наши грехи, его приняли за участника расстрела колонн немцев, ладно хоть не забили.

Машины, что забрал Иванов, я уже осмотрел, это были простые грузовые «Опели», без технической начинки. Ящики с инструментами, конечно, были, мы их в ЗИС перегрузили, но сами машины интереса не представляли, и я охотно их отдал. Разве что одну полную бочку с дизельным топливом перекинул в тот же ЗИС. Сами танки имели полные баки, и это хорошо. Освобождённые техники и Анисимов проводили последний осмотр машин, скоро нам двигать в путь. Ну, как скоро, за два часа до рассвета. Нужно дать возможность уйти Иванову как можно дальше. После чего можно и нам повеселиться. Ведь тут такая симпатичная цель, как целый артдивизион немцев. Ох, развернись, плечо, замахнись, рука! ЗИС мы отправим к лесу, и пока тот двигается к дороге к нашему бывшему лагерю, мы закончим чморить немецких артиллеристов, уничтожив всю их технику и вооружение, догоним грузовик. Заберём припасы и мотоцикл, после чего двинем вокруг леса. Нужно сменить место дислокации. Лес я пока покидать не планирую, но перебраться поближе к складам сам бог велел. Пограбить их я не передумал, да и вооружения вокруг много брошено, до которого у немецких трофейщиков пока руки не дошли.

Времени у нас было вагон и маленькая тележка, я бойцам это непрестанно говорил, так что работали те не торопясь. Мы даже навес свернули и убрали его в грузовик. Пригодится. Хороший навес, непромокаемый.

Когда всё было готово, а до начала операции ещё оставалось два с половиной часа, я приказал выставить двух часовых, остальным спать. Сам устроился на сиденье механика-водителя, Лосев наводчиком, а Бабочкин как был заряжающим, так и сел, на новом месте осваивался. Кстати, везёт мужику, третий танк, и тоже не тот тип. Каждый бой с новым танком, каждый раз заново привыкать. Ладно хоть снаряды те же, что и в КВ были, знакомые.

Когда я уже подрёмывал, к открытому люку подошёл Егоров и тихо зашептал:

– Товарищ майор, не спите?

– Что случилось? – насторожился я.

– Один из техников водит танки, «три-четыре» тоже.

– Что же он молчал-то?! – тут же вскинулся я.

– Он в бою никогда не был, двадцать второго июня весь день управлял «три-четыре» без башни, его использовали как тягач для эвакуации битой техники.

– Не Анисимова ли машина? – зевнув, пробормотал я. – Давай сюда этого молодца. Кстати, кто из двоих?

– Красноармеец Салов. Моторист.

Оба техника специализировались на ремонте танков, один моторист – это как раз Салов, второй, старший сержант Бирюков, специалист по вооружению, ремонтирует он пушки, но и по остальному дока. К ремонту приставить можно.

– Пусть будет Салов.

Салова я посадил на место механика. Лосева согнал на сиденье стрелка, а сам занял его, командира и, по совместительству, наводчика. Подключив ПУ и проверив связь – всех членов экипажа я отчётливо слышал, – отключил его и, устроившись поудобнее на сиденье, продолжил дремать, пока не провалился в сон. Теперь у меня была под рукой какая-никакая команда, и я надеялся, что всё же смогу провернуть большие дела. Задел, по крайней мере, был неплохой. Вон как немцев пропесочил на этой дороге, и заканчивать не собирался, если вспомнить артдивизион.

Проснулся я, когда меня затрясли за ногу. Дёрнувшись и стукнувшись плечом о какую-то выступающую железку, я ответил шипящим голосом, потирая отбитое место, всё же башни «тридцатьчетвёрок» первых годов выпуска очень тесные:

– Что?

– Время, товарищ майор, – расслышал я голос дежурного по лагерю старшего сержанта Егорова. Кстати, будил меня Салов.

Подсветив фонариком наручные часы, я убедился, что действительно до наступления рассвета осталось два часа.

– Отлично. Начинаем. Будите Горелова, пусть перегоняет ЗИС к лесу, всё как и планировали. Напомни ему о скоростном режиме. Чем быстрее едет, тем быстрее привлечёт к себе внимание, а мы никуда не торопимся.

– Хорошо, товарищ майор, сейчас отправлю.

Открыв башенный люк, я сел на край и осмотрелся, ёжась от лёгкой прохлады. Темновато, но подсветить можно. Мой экипаж уже просыпался и потягивался, так что в боевом отсеке стоял шорох, отчётливо слышались зевки и бормотание. В соседней машине, как я видел, происходило то же самое. Егоров, передав приказ Горелову, уже сидел в башне своей машины, ожидая моего жеста, чтобы продолжить операцию. Отправка грузовика с топливом и боеприпасами куда подальше – это первый этап. Просто подстраховка. Тем более в лесном лагере нас ждал миномётчик, младший сержант Курлыкин. Он должен был помочь с погрузкой машины, и он умел управлять мотоциклом. Кстати, именно он изредка пускал осветительные ракеты с постов, бегая от одного к другому. Не часто, главное, показать, что посты живы и всё в норме. Так что все при деле. Кстати, лейтенант более-менее пришёл в себя, чтобы связно отвечать на вопросы, сейчас он спал в кабине грузовика.

– Товарищ майор, немцы посты ещё не проверяли? – потягиваясь, показался в люке Бабочкин.

В это время, наконец, неожиданно громко взревел двигатель грузовика, и машина, включив подфарники, неторопливо выехала на дорогу, пересекла её и так же неторопливо направилась по полю в сторону леса. У соседей наметилось беспокойство, которое я внимательно отслеживал. Замелькали фонарики.

– До утра и не должны, их поэтому и было по четверо на посту. Двое спят – двое бдят.

– Пограничники молодцы, я до сих пор не понимаю, как они так всё тихо сделали. Я заглядывал в палатку ремонтников, ужас, что там творится, немцы вповалку лежат, у всех резанные раны.

– Опыт большой ходить тихо, а вот где они так ножами научились пользоваться, это действительно интересно. Тем более я мог бы ещё поверить, что пограничники с застав, которые находятся на передовой и несут на себе всю тяжесть работы, ещё могли бы такое сотворить, но из комендатуры?.. Хм, сомневаюсь.

– Но всё же сделали, товарищ майор.

– Это и настораживает. О чем-то нам Иванов умолчал.

– Сигнал, товарищ майор.

Посмотрел в сторону леса, где действительно трижды мигнул фонарик. Сам я поглядывал в сторону немецких артиллеристов, где заметно успокоилось движение часовых и дежурного по лагерю, поэтому и пропустил первый сигнал. Кстати, от немцев в нашу сторону, подсвечивая путь фонариком, шли двое. Видимо, их отправили узнать, что ремонтникам не спится.

– Осколочный, – скомандовал я Бабочкину и в переговорное устройство передал Салову: – Запускай двигатель. Машина к бою!

Подняв руку, я выпустил световую ракету, после чего скользнул внутрь. Салов уже проделал все необходимые процедуры, и дизель танка взревел, отчего корпус задрожал. Рядом ревел двигателем второй танк. Повернув башню, я короткой очередью срезал двух любопытных немцев и, подведя пушку точно в кузов грузовика, заставленного бочками, нажал на педаль спуска. Рядом мелькнул силуэт разгоняющейся в сторону немецких артиллеристов «тридцатьчетвёрки» Егорова, но всё же мой выстрел в этом бою был первым. От снаряда бочки в кузове взорвались, и всё вокруг озарилось огненным облаком, поднятым в небо. Вспышка ослепила, но огонь не погас. Метались объятые огнём человеческие фигуры, брызги разлетались во все стороны, поджигая лагерь, начало гореть несколько машин с боеприпасами, но сами мы как стояли на месте, так и стояли. В моих планах гонять по немецкому лагерю, как это сейчас делал Егоров, и крушить гаубицы, подминая их под тяжёлую машину, не было. Тем более на прицепе тягач. Я в прикрытии находился и сейчас методично осколочными снарядами и пулемётами – тут метров триста всего до лагеря немцев было – расстреливал группы выживших артиллеристов. Многие бегали в одном белье.

Самое сложное было не попасть в грузовики, забитые боеприпасами, поэтому приходилось целиться тщательно. К счастью, пожар только разгорался, и цели были видны хорошо. Особого смысла, на первый взгляд, в том, чтобы Егоров развлёкся у артиллеристов, не было, любая железка попадёт в гусеницу и порвёт её, танк встанет, а в лагере у немцев починить подобную машину не представлялось возможным. Так что эпопея Егорова, считай, не просто опасная, а фактически лишена логики. Однако в действительности та была. Можно было нам обоим просто расстрелять лагерь из пушек, эффект был не менее значимым, но ведь нужно помнить и о психологической составляющей. А я хотел, чтобы немцы нас боялись. Одно дело, когда неизвестные расстреливают издали лагерь, а другое, когда пугающая до усёру боевая машина, ревя дизелем и оглушая лязгом гусениц, гоняет по лагерю и давит всё, что попадётся на глаза мехводу и командиру танка. Психология – великая вещь, теперь выжившие немцы заикаться начнут, думая о советских танках. А то победителями они себя почувствовали, арийцы недоделанные.

В действительности хаотичное движение машины Егорова, со стороны казавшееся лишённым логики, таковым не было. Танк давил гаубицы, а стояли те не в линию и были рассредоточены побатарейно. Вот так последовательно уничтожая пушки, Анисимов не отказывал себе в удовольствии погонять немцев, перемещаясь между батареями. Причём мехводом Анисимов действительно оказался отличным, пушки к грузовикам прицеплены, нужно так

аккуратно раздавить их, чтобы не повредить грузовики-тягачи. Причина банальна, они набиты боезапасом. Рванёт, танк сдует нафиг. Именно поэтому я туда и не стрелял.

Последняя гаубица раздавлена, и машина Егорова, набирая скорость с объётой огнём гусеницей – это они в бензиновую лужу влетели, – рванула в темень в сторону леса, где скрылся ЗИС. Я облегчённо вздохнул – гусеница погасла на влажной пашне, не разулись всё-таки. Ещё я собирался помочь сержанту пулемётным огнём, если артиллеристы попытаются забраться на броню и закрыть, например, смотровые щели, однако таких храбрецов не нашлось, да и вообще я не заметил, чтобы в лагере кто-то пытался командовать, на инстинктах объятые ужасом носились. Значит, идея с врывающимся на территорию стоянки советским танком себя оправдала, что не могло не радовать. В будущем я от таких кавалерийских наскоков собирался отойти. Проще издалека расстреливать. По ситуации посмотрим.

За время, пока Егоров работал, я успел прицельно выпустить не больше десятка осколочных снарядов. Тремя поразил оба бронетранспортёра. Один сейчас разгорался. Когда Егоров ушёл в темень – он свою задачу выполнил, – я навёл перекрестья прицела на одну из машин с боеприпасами. Странно, что те, что горят, не взрываются, пора бы уже. И выстрелил. Грузовик, к которому ранее была прицеплена гаубица, а сейчас железный блин, буквально взорвалась изнутри огненным шаром. Даже нас тряхнуло, а Салов испуганно спросил:

– Что такое, подбили?!

– Машина со снарядами взорвалась. Не мешай, сейчас ещё взрываться будут, – вместо меня ответил Лосев. Он тоже стрелял из своего пулемёта, сектор обстрела это позволял. По моим прикидкам, уже третий диск менял.

Этот грузовик разметал другие машины батареи, поэтому двумя выстрелами я заставил детонировать снаряды у других батарей. Расстреливать машины по одной не требовалось, грузовики побатарейно стояли так, что одной детонацией их уничтожало. Вот во время обстрела второй батареи сдетонировали снаряды, после одного выстрела – сразу у двух грузовиков, близко они стояли. Убедившись, что лагерь артиллеристов уничтожен, я скомандовал в переговорное устройство:

– Полный ход вперёд.

Развернув нос в сторону леса, Салов начал разгонять наш средний танк, выжимая из него всё, что можно, но не забывая о буксируемом тягаче. Поле, конечно, не дорога, но до двадцати километров в час он смог разогнать тяжёлую машину. Вполне неплохо, я оценил.

Когда мы ушли в низину, наконец взорвался один из горевших грузовиков, вот второй только ярче полыхал, видимо, там не боеприпасы были складированы. Кажется, этот грузовик стоял у полевой кухни, вполне возможно, там продовольствие.

Открыв люк, я осмотрелся и продолжил помогать Салову в движении. Мы объехали остов сгоревшего грузовика, немецкие лётчики тут хорошо погоняли грузовики и танки одной из наших бронеколонн, и помчали дальше, изредка покачиваясь, когда влетали в небольшие воронки. Главное, гусеницы целы, мотор ревёт, выберемся. Когда я подъехал к месту встречи, танк Егорова уже был там, а на лесной дороге виднелись подфарники ЗИСа, приближающегося к опушке. Это значит, дело сделано. За грузовиком ехал на мотоцикле наш миномётчик. Кстати, именно в мотоцикле лежали личные вещи моего экипажа, кроме Салова, тот пока ими не обзавёлся. Я бы не вспомнил. Лосев всё бормотал, как там его пожитки.

Как только наш танк встал у второго, от того метнулась тёмная фигура, и к нам на броню взобрался возбуждённый Егоров. Срывающимся от волнения голосом он докладывал:

– Товарищ майор, ваш приказ выполнен, все гаубицы дивизиона противника подавлены. Нанесены большие потери в живой силе противника.

– Видел, сержант. Всё видел. Молодец. Передай экипажу мою благодарность. Когда выйдем к своим, весь экипаж за уничтожение вражеского гаубичного дивизиона будет представлен к наградам.

– Служу трудовому народу! – вытянулся тот.

– К машине, грузовик подъехал, – велел я сержанту и, пока тот перебирался в свой танк, велел Салову трогаться. Мы возглавляли колонну.

Я оставался в открытом люке на башне своей машины, пока танк двигался вдоль опушки, возглавляя колонну. За нами шёл танк Егорова, за ним – гружённый боеприпасами и продовольствием ЗИС с прицепленной ротной полевой кухней. В лагере Злобина их много осталось, уходя, забрали только три, вот я и решил одну прибрать. Чего им стоять? Тем более время, чтобы забрать кухню и загрузиться припасами, было, пока мы артиллеристами занимались. Конечно, народу у меня не так много, чтобы использовать кухню, но это всё на будущее. Планировать его надо, что я и делал.

Подсвечивая фонариком карту, я определялся на местности и командовал Салову, куда двигаться, зорко поглядывая в темноту ночи. За зону уничтоженных постов мы уже ушли, тут посты не тронутые. Башня развёрнута в их сторону, чуть что, жажнем осколочным на вспышки выстрелов, но посты молчали, видимо, сообразили, что идёт бронетехника. Жить хотят, это они молодцы. Перед нами метрах в тридцати, осматривая дорогу, катился мотоцикл. Это на случай, чтобы мы в какую яму не свалились сослепу-то. Дистанция между техникой была метров пятьдесят, чтобы успеть встать и не врезаться друг в друга.

– Поворот на одиннадцать часов... Так держать. Сбрось скорость до малой... Всё, стоп. Приехали. Глуши двигатель.

Мы встали метрах в тридцати от края низины, где находилась миномётная батарея, именно так её определили пограничники, обнаружив боевые позиции. Правда, оставленные. Остальная техника подошла ближе и встала за кормой моего танка. Отсоединив штекер ПУ, я перекинул ноги наружу и стёк, как вода, на землю. Это высший шик танкистов, только опытные кадровые так могут делать. Когда вокруг наступила тишина, все заглушили двигатели, я велел подбежавшему Егорову:

– Выстави наблюдателей. Чтобы во все стороны смотрели, а мы пока прогуляемся до миномётов. – Продолжая двигаться к позиции миномётчиков с фонариком, я не выдержал и крикнул: – Курлыкин, где ты там? Мне тебя долго ждать?

– Бегу, товарищ майор. Я тут в ямку какую-то упал.

Сержант действительно быстро возник рядом, придерживая висевшую на плече винтовку, и тут же с криком ужаса отпрянул в сторону, когда в лучах света блеснуло несколько испуганных глаз. Да я сам моментом упал, где стоял, приглатывая автомат к бою, а Лосев, который должен был остаться в машине, но всё же догнал меня, стал целиться из своего карабина в сторону неизвестных.

– Кто такие? – громко спросил я. – Лосев, ну-ка приготовь гранату.

– Есть гранату, – откликнулся тот. Гранаты у него не было, в танке оставил, так что мы оба играли.

– Свои, что ли? – услышал я вопрос неизвестных.

– Кому свои, а кому и нет, – буркнул я и громко скомандовал: – Командир, ко мне, остальные на месте!

Со стороны неизвестных послышалось шевеление. Я осветил фонариком низину, чтобы определить, кто там и сколько их. Оказалось с два десятка бойцов и командиров, что укрывались у миномётов. Раненых вроде не было. Выдав свою позицию кратковременным включением фонарика, я сместился в сторону, но неизвестные всё же прислали командира. Услышав приближающийся шорох травы под чьими-то шагами, я скомандовал:

– Подойдите ближе. Доложитесь, кто вы, и что делаете возле наших миномётов?

– Ваших?! – явно возмутился неизвестный командир. – Эти миномёты нашей батареи.

– Да ну, и где вы были целый день, пока мы их себе присматривали? – в моём голосе звучала откровенная усмешка.

Я уже понял, что это действительно свои, встал с земли и отряхивал комбинезон, поправляя висевший у бока автомат. Силуэт неизвестного в командирской фуражке нехотя ответил:

– Мы были вынуждены отступить, когда появились немцы. При отступлении нас встретил неизвестный полковник, наорал, чуть не расстрелял меня и приказал вернуться на боевую позицию. Мы вернулись. Что делать, пока не знаем.

– Зато я знаю, – откровенно радуясь такому пополнению, ответил я. – Командир манёвренной группы майор Корнев. Представьтесь.

– Командир миномётной батареи двадцать седьмой стрелковой дивизии лейтенант Погорелов.

– Двадцать седьмая... – припомнил я. – Это ведь вроде третья армия?

– Так, товарищ майор.

– Предъявите документы, лейтенант.

Изучив предоставленные документы – они были настоящие, – я осветил морщившегося лейтенанта. Молодой совсем, похоже, только из училища. Приняв решение, я протянул документы обратно.

– Лейтенант, с этой минуты ваше подразделение поступает под моё командование. Вы вольётесь в мою группу. Доложитесь о личном составе, вооружении и припасах.

– Личный состав батареи имеет потери. Попали под пулемётный огонь неизвестных. Трое убитых, четверо раненых. Раненых передали встреченной санитарной колонне. В батарее четыре батальонных восьмидесятидвухмиллиметровых миномёта. Боекомплект полуторный. Когда я отдал приказ отходить, боекомплекта не было, видимо после нашего ухода подходили машины с обеспечением и провели разгрузку. Другого объяснения, как тут оказались ящики с минами, у меня нет. С продовольствием всё плохо, закончилось вчера вечером.

– С этим у нас пока проблем нет, – задумчиво ответил я. – У вас есть водители? Хотя бы те, кто умеет водить?

Лосев и Курлыкин уже шёпотом переговаривались рядом. От колонны прибегал посыльный, узнать, в чём дело, и, получив сведения от Лосева, убежал обратно.

– Вместе со мной двое умеют водить, – сразу ответил лейтенант, видимо знал всё о своих бойцах.

– Хорошо. Повар?

– По штату положен, он есть, но кухни нет.

– Хм, кухня у нас имеется, но как раз повара нет. Постройте батарею, хочу пообщаться с бойцами и командирами.

Погорелов быстро построил батарею, представил меня и сообщил, что подразделение полным составом переходит под мою руку. Обойдя шеренгу и осмотрев бойцов и командиров – многие морщились от лучей света, сверху ещё и подбежавший Егоров подсвечивал, да и у Лосева фонарик был, – я закончил с осмотром, главное, бойцы меня тоже запомнили, и скоординировал:

– Повар, два шага из строя.

Один из бойцов сделал два шага. Подойдя к нему, я осмотрел его и приказал:

– На поле стоит колонна, к грузовику прицеплена кухня. Принимай командование. В кузове машины продовольствие... Лосев!

– Я, товарищ майор.

– Передашь всё продовольствие повару. Проверь его на уровень знаний и умений. Теперь он в твоём подчинении. Пробы первым снимать будешь.

– Есть. За мной, боец.

Лосев повёл миномётчика-повара за собой, а я скоординировал Погорелову:

– Вызовите бойцов, что умеют водить машину. Они мне скоро понадобятся. Батарею сворачивайте, подготовив к погрузке, мы уходим.

– Есть, разрешите выполнять?

– Не торопись, лейтенант. Со мной боец, младший сержант Курлыкин. Он, правда, из тяжёлых миномётчиков, но поступает под твоё командование. Военная специальность – командир расчёта и наводчик.

– Товарищ майор, у меня все эти специальности заняты. В запас на случай потерь?

– Нет, поставишь его на должность корректировщика. Курлыкин, справишься?

– Справлюсь, товарищ майор. Опыт с Финской имеется, уже корректировал.

– Отлично, осталось решить насчёт второй переносной рации. Одна у нас уже есть, трофейная с ремонтников. Погорелов, у тебя случайно радистов нет?

– По штату нет, а радиолюбитель имеется. Красноармеец Фомин из Москвы.

– О, земляк. Хорошо. Сейчас вам принесут радиостанцию и запасные батареи. Курлыкин постоянно будет с нами, связь через танковую радиостанцию. На машине Егорова она работает, на моей вышла из строя. Кстати, Фомин не посмотрит, что с ней, а то у нас специалистов в этом вопросе пока нет?

– Сейчас распоряжусь, товарищ майор.

– Действуйте.

На миномётной позиции сразу воцарился переполох. Фомина отвели к колонне, он осмотрел нашу радиостанцию и сообщил, что побиты лампы. Нужна замена. Запчастей не было, так что пока оставим так. Также Фомин осмотрел радиостанцию в танке Егорова и настроил её на связь с трофейной рацией. Ту он тоже изучил и опробовал. Связь была. Это хорошо. Обоих водителей, выдав две канистры топлива – у нас их шесть стояло в кузове ЗИСа, – в сопровождении Курлыкина – он один мог водить этот агрегат, кроме Погорелова, но тот был занят на позиции, сворачивая её – я отправил к дороге, сообщив, где и какая техника стоит. Нам нужны были грузовики, в идеале четыре, но хватит и трёх. Задача у бойцов – осмотр техники, нужно найти исправную, но без топлива, и, заправив, перегнать грузовики к позиции, чтобы забрать не только миномёты и личный состав, но и весь боекомплект к миномётам. У меня на них очень большие планы.

Шум, учинённый нами при уничтожении материальной части и частично личного состава дивизиона, думаю, поднял немецкие части, стоявшие на отдыхе в округе километров на пять. Поэтому когда отправлял мотоциклистов к дороге, просил быть внимательными. Немцы обычно вставали лагерем на ночёвку у дороги, так что наткнуться на них было легко. Сейчас, когда они растревожены, их можно заметить издалека по кострам, что жгут часовые, и мельтешению фонариков. В случае если дорога, до которой два километра, занята войсками и нет возможности добраться до техники, то пусть лучше возвращаются без неё. Для меня люди важнее. Так что проинструктированный Курлыкин, ставший старшим в этой группе, должен был сам принимать решения в связи с обстановкой. Ах да, на вопрос о немецких постах лейтенант удивился. Они вернулись вчера вечером и никого не видели, никаких постов рядом не было. Похоже, постов было несколько и защищали они ту дорогу, где мы учиняли безобразие, не нашлось столько народу, чтобы перекрыть весь лес.

Когда мотоцикл с седоками уехал, я посмотрел, как Лосев протискивает наши сидоры в танк, и прошёл к тягачу, его отцепляли от моего танка. Дальше я сам поведу машину, а на тягач посажу пока Салова. Временно, эту должность я оставил за Гореловым, который сейчас сидел за рулём ЗИСа. Он действительно оказался мастером золотые руки. Так что тягач пойдёт в ремонтный взвод, который я собирался создать. Трое кандидатов в этот взвод у меня уже были. Это Горелов на должность водителя тягача, Салов на должность моториста, скоро у него будет много работы, и старший сержант Бирюков в должности оружейника. Временно он займёт должность командира взвода, но думаю, останется им постоянно. Можно обойтись и без специалиста с инженерными знаниями. Я вполне потяну эту должность при модернизации танков, а я собирался их модернизировать.

Убедившись, что все работы ведутся, я прошёл к ЗИСу, где шумел крышками котлов повар. Он уже докладывал, что для приготовления пищи нужна вода, а её пока не было. Готовить было не на чем. Даже дров не было запасено. Выделив повару двух бойцов – тот сразу отправил их в сторону леса за сухостоем, – я стал прикидывать, где взять воду. До ручья километра три, пока этот вопрос оставим на потом. Проверив, как идёт работа к подготовке перемещения миномётной батареи, я услышал далёкое урчание мотора, причём тут или эхо, или моторов работало несколько.

– К бою, по машинам! – скомандовал я и рванул к своему танку.

Устроившись на своём сиденье, я ногой недовольно отпихнул сидор – мешал. Что-то много барахла мы накопили, складировать некуда, а в танке и так тесно. Я предполагал, что это, возможно, были наши, но всё же предпочёл подготовиться. Однако при приближении нам помогали фонариком, как и договорились, и две полуторки, сопровождаемые нашим трофейным мотоциклом, подъехали к низине.

– Отбой, – скомандовал я и, покинув башню, поспешил к Курлыкину, нужно узнать обстановку на дороге. Если они увели два грузовика, значит, есть шанс ещё что-то подобрать. То, что плохо лежит. А с помощью тягача и танк уволочь не проблема.

Сержант сам подбежал мне навстречу и быстро доложил. Немцев у дороги он не видел. Вдали действительно кто-то жёг костры, и вроде виднелись силуэты техники, но до них было слишком далёко, чтобы брать в расчёт.

– Отлично, – пробормотал я и, посветив на карту в планшете, прикинул, что ещё можно сделать.

Кстати, обе полуторки были гружёные, бойцы не стали их разгружать и пригнали так. В одной машине оказался шанцевый инструмент. Я приказал оставить часть, он нам понадобится. В другой машине – ящики с минами, к двадцатимиллиметровому миномёту. Курлыкин их сразу узнал, он в батарее служил с такими же миномётами. Мины я приказал разгрузить, но место приметить, пригодятся и без миномёта. А если найдём, то вообще хорошо.

– Егоров! – крикнул я своего зама.

– Товарищ майор? – подбежал тот ко мне.

– Значит, так, остаёшься за старшего. Сейчас двинешь вдоль опушки, миномётчики с тобой пойдут, через километр будет полевая дорога. Не пропустишь, там на развилке сгоревший БТ стоит. Пограничники не уточнили, какой модели. По дороге свернёшь в лес и, углубившись на шестьсот метров, увидишь поляну. Свернёшь влево и поищешь там въезд на полузаброшенную дорогу, года три ею не пользовались, немного заросла, но погранцы говорили, проходимая. Двинешь по ней, пустив вперёд танки, чтобы прокладывали дорогу. Перед первым пусть боец идёт, фонариком подсвечивает. Углубившись в лес метров на триста, встанете и будете ждать нас. Часовых не забудьте выставить. Это всё. Сейчас все запасы бензина и бочку с дизельным топливом перекинут на тягач, и можете выдвигаться. Миномётчики закончили грузиться. Большую часть на броню танков возмёшь. Все в машины не уместились. Я кроме тягача заберу ещё мотоцикл. Всё, выдвигайся.

Оба танка взревели моторами, двигатели грузовиков работали куда тише, и колонна, ведомая танком Егорова, направилась вдоль лесной опушки дальше, пока не скрылась в ночи. Со мной остались Лосев, Курлыкин, он мотоцикл поведёт, и один из водителей-миномётчиков, его место Погорелов занял. Этого нам вполне хватало. Вот Бабочкина не было, он в танке остался, чтобы помогать Салову вести ночью танк.

– Время, – сказал я, когда колонна Егорова только-только отошла.

До рассвета осталось не так и много времени, а планы у меня на ночь очень большие. Хотелось бы успеть их выполнить. Курлыкин с миномётчиком поехали перед нами, а мы с Лосевым на тягаче за ними по тем следам, что они проложили полуторками. Минут через десять колонна Егорова следовала параллельно нам, но чуть раньше свернула в лес, обнаружив

развилку, а мы чуть дальше выехали на накатанную дорогу. Уверен, те танки, что подошли к нам с тыла, чтобы расстрелять КВ с кормы, именно тут свободно и прошли. Обозначения с брошенной на этой дороге техникой у меня были, поэтому я сразу направил машину к БА-10. При всех своих недостатках, эти броневики всё же отлично справлялись со своими задачами. Как лёгкий разведчик он нам подходил. Тем более эта машина как раз была модернизирована и вполне свежая. Судя по рации, командирская. В моих планах передать её или Погорелову, или Курлыкину как корректировщику.

Как я сразу убедился, баки были пустыми. Пока красноармеец Сабиров, тот самый водитель из миномётчиков, заливал бензин из канистры в бак бронеавтомобиля, мы проехали дальше. Сабиров, запустив мотор, должен был перегнать броневик к развилке, откуда его заберёт Курлыкин и привезёт обратно. Такой вот был план. Проехав мимо десятка грузовиков и одной легковой машины, стоявшей с открытыми дверцами, я остановил тягач у КВ-2 на обочине с открытыми люками. Судя по направлению движения, встал он, когда уходил в свой тыл. Да и по виду стало ясно, что танк бывал в бою. На маске пушки с десятков отметок от мелкокалиберных противотанковых пушек немцев. Осмотрев танк, я убедился, что несмотря на то что ему явно нужно техобслуживание, он на ходу. Топлива не было, поэтому и бросили. Правда, боезапаса тоже не имелось. Всё до железки расстреляли. Я даже в дуло заглянул и сунул руку. Ну да, слой копоти, из этой «игрушки» не так давно очень хорошо постреляли.

Залив в баки около десяти литров дизтоплива, я подкачал и попытался запустить двигатель. Аккумулятор дохлый был, но воздуха в баллонах хватило, чтобы сделать несколько пусков. Тот схватился со второго раза и сыто заурчал на малых оборотах. Норма. Так, его точно забираем, тем более боезапас к нему есть. Можно забрать из собрата, брошенного в лесу. Заглушив двигатель, я стал помогать бойцам ворочать бочку. Мы залили масла из канистры. У нас их было три, использовали половину объёма одной и около сорока литров дизтоплива. Главное, чтобы до места стоянки дошёл, а там и профилактика и обслуживание будут.

Сабиров с Курлыкиным уже вернулись, пока мы возились с танком. Они отогнали броневик и теперь подготавливали стоявший неподалёку ЗИС, тот тоже был брошен, завёлся с пол-оборота, но несмотря на то что в баке было топливо, его бросили на обочине. Не совсем понятно. В общем, Лосев остался охранять тягач, а мы с Сабировым отогнали технику к развилке. Причём там на месте прицепили броневик к «двойке». На буксире его потащим. Вернувшись на мотоцикле, мы отправились дальше. Следующей находкой была новенькая, сверкающая краской полуторка. Ею Сабиров занялся, а мы проехали метров на сто дальше и встали у «тридцатьчетвёрки». Понять, что с ней, я не мог, на вид целая, хотя топлива полбака. Люки были закрыты, но мой ключ их легко открыл. Боекомплект полный, по ходу движения понятно, что шла к границе. Значит, дня два тут стоит. Хм, заберём. Не сможем починить, на запчасти пойдёт. Запустить движок для пробы не удалось – и баллоны пустые, и в аккумуляторе заряда не было, а запитывать от тягача я не стал, времени не было.

Рядом с танком метрах в сорока, даже не на дороге, а в поле стояла в походном положении восьмидесятипятимиллиметровая зенитка, но тягача поблизости не было. Рядом штабелем аккуратно сложены четыре ящика со снарядами к ней. Мне это оружие тоже было нужно, поэтому тягачом подтащив её к танку, прицепили к нему ящики со снарядами на корму танка, а саму «тридцатьчетвёрку» взяли на буксир и поползли к развилке. Сабиров следовал позади на полуторке, приглядывая, чтобы ничего не отцепилось. Кстати, насчёт того, что дальше по дороге стоит какая-то немецкая часть, Курлыкин сказал правильно, я тоже видел силуэты, а в бинокль рассмотрел квадраты грузовиков.

Дальше мы действовали тандемом. Оставив Лосева охранять тягач, танк, зенитку и полуторку, мы пересели кто в ЗИС, а кто в «двойку», и направили технику к поляне. Оттуда вернулись на мотоцикле, и уже с оставшейся техникой снова добрались до поляны. Как раз светать начало. Потом вызвали от колонны дополнительных водителей и мехводов и всё пере-

гнали к колонне. Только после этого, я разрешил всем отдыхать. Самыми отдохнувшими были миномётчики, они всю ночь проспали, пока мы немцев давить не начали и небо не озарилось пожарами. Выспяся, а утром Погорелов должен сформировать из своих подчинённых четыре группы по два красноармейца и отправить их на поиски более или менее нормальной стоянки. Небольшая полянка нас бы устроила, главное, чтобы источник воды был рядом. Про склады, что находятся не так далеко, я предупредил, пусть обходят их пока. Потом отобьём. Ещё одного бойца Погорелов, который с утра дежурит по лагерю, пошлёт с трофейным биноклем к опушке, пусть за дорогой присмотрит и записывает, кто там двигается и куда. Ах да, время пробудки я назначил на двенадцать часов. Миномётчиков это не касалось, они встанут в восемь утра, а пока вставало солнце, трое часовых прогуливались у растянувшейся на заброшенной лесной дороге колонны.

Проснулся я от ругани. Потянулся, зевая, открыл глаза и посмотрел на часы. До пробудки ещё час, а я в принципе уже выспался, да и по малому хотелось. Открыв дверь тягача, я выбрался на улицу и, осмотревшись, сбегал сначала в кусты, а потом направился в сторону Погорелова. Это он сотрясал воздух.

– В чём дело, лейтенант? – я с интересом осмотрел миномётчика. При свете дня видел его впервые.

Кстати, тот тоже быстро окинул меня взглядом, явно удивившись моей молодости. Набрав воздуха в лёгкие и сразу выпустив, как будто сдувшись, он ответил:

– У меня два бойца пропали. Направились на север и не вернулись. Срок возвращения вышел час назад.

– Что за бойцы, проблемные?

– Да нет, отличники боевой и политической, комсомолцы. Надёжные. Да у меня все такие.

– Хм, вряд ли они дёру дали, скорее всего, немцам в руки попали. Значит, времени у нас не так и много... Поднимай всех, боевая тревога. Занять оборону вокруг колонны, экипажи по машинам, развернуть пушки, подготовиться открыть огонь.

– Мои не сдадут.

– Все сдадут при правильном подходе. Даже я или ты. Сломать любого можно, – отмахнулся я. – Выполнять приказ.

– Есть, – козырнул тот и стал поднимать спавших бойцов. Его-то как раз не спали, службу несли, своими делами занимались, а вот остальные дрыхли без задних ног – это те, кто участвовал в ночном рейде.

Едва мы успели подготовиться и шум стих, с левого фланга у головного танка, как раз Егорова, раздался окрик часового, на который почти сразу ответили огнём. Стреляли из трёх винтовок, немецкого я ничего не слышал, наши винтовки палили. Почти сразу в ответ ухнула пушка Егорова, потом ещё раз, и всё стихло. Погорелов с дежурной группой, усиленной двумя ручными пулемётами, побежал туда. А я не торопясь последовал за ними. Схватка стихла. Если противник был, то отошёл.

Когда я приблизился к месту боя и встал на краю небольшой воронки от осколочного снаряда, которая ещё дымилась и воняла сгоревшим тротилом, то осмотрелся вокруг и громко спросил:

– Что тут происходит?

Громко говорил я вынужденно, так как Погорелов и какой-то неизвестный старлей в кожаной куртке чуть за грудки друг друга не хватили, ор стоял знатный. Оказалось, часового ранило обстрелом, зацепило серьёзно, а боец был с батареи, но и ответный огонь не прошёл зря. Двое убитых и трое раненых. Это наши оказались, окруженцы. Старлей танкист, по петлицам было видно, а фуражка не его, вообще пехотная была.

Погорелов, обнаружив меня рядом, тут же радостно кинулся ко мне жаловаться на ранение бойца и на пришлых недоумков, которые стреляют на окрик.

– Разберёмся, – успокоил я того. – Старлей, у меня тут два бойца, посланных на разведку, пропали. Не твоя работа?

– Миномётчики, товарищ майор?

– Именно.

– У нас они. Оружие сдавать не захотели. Помяли немного, но живые.

– Давайте их сюда. Верните всё, что забрали. А сейчас объясните, почему вы так неадекватно себя ведёте.

– Вы с диверсантами встречались, товарищ майор?

– И не раз.

– Нам тоже довелось разок, но запомнили на всю жизнь. Про ложных регулировщиков слышали?

– Да, и не раз. Отправляли в ловушку целые батальоны, расстреливали их из засады из пулемётов.

– В нашем случае ещё и пушки были, так что нам и танки не помогли. Из тысячной группировки отходившей танковой дивизии уцелело едва сорок человек. А тут ещё вы, потери от своих.

– Не по нашей вине, сами вызывали огонь на себя. Если бы моих людей положили, я бы вас тоже гусеницами раскатал, не посмотрел бы, что вы якобы свои. Без обид, война.

– Вас тоже можно понять, – вздохнул тот.

Посмотрев, как Погорелов проверяет своих заметно побитых бойцов – не давались, как пояснил старлей, – я кивнул, предлагая отойти в сторону поговорить. Раненым уже оказывали помощь.

– Рассказывай, – по-простому велел я ему, когда мы устроились на поваленном стволе.

Рассказ старшего лейтенанта Михайлова, командира роты тяжёлых танков тридцать третьей танковой дивизии, действительно был тяжёлым. Снова окунаясь в те события, он в подробностях выкладывал всё, что ему удалось пережить за эти три военных дня. От участников боёв на границе я слышал подобные рассказы. Так что особо он меня не шокировал, хотя я слушал очень внимательно. Основным было для меня то, что в группе Михайлова были в основном танкисты приданных подразделений, и даже три механика ремонтного взвода. В принципе, для меня ценный приз, можно сказать, удачный. Я на танкистов и нужных военспецов собирался колонны пленных потрошить, уничтожая конвойных, а тут они сами вышли. Хотя мне этого маловато будет, так что на колонны планы менять я не буду.

– Вот что, старлей. У меня маневренная группа, собираю я её. Скажу честно, вы для меня, с одной стороны, ценная находка. С другой, взять я вас не могу. Злые вы, увидите немца, будете бросаться на них или бой вести до конца. В моих планах устраивать немцам аналогичные засады, бить их в походных колоннах. Отряд летучий: ударил, убежал. В вашем случае танкисты будут продолжать бой, несмотря на приказы на отход, что может привести группу к гибели. Не стабильные вы, это и плохо. Я не могу положиться на бойцов и командиров, которым не могу доверять. У тебя есть минут десять, пообщайся с подчинёнными. Я могу вас взять только с безоговорочным подчинением. Примете решение, сообщите часовым, я подойду.

Оставив Михайлова, я вернулся к колонне. Пришлых к ней не подпускали, они видели только головной танк. За ним ещё один и одну из машин, не более. Остальные были скрыты деревьями, стоявшими вплотную к узкой дороге. Поэтому о силе и мощности группы ничего они не знали. Кстати, Михайлов командовал ротой КВ. Ирония судьбы, все танки в его взводе были «двойками». Получив бесценный опыт боёв у границы, он отступал со своим поредевшим до взвода подразделением, пока их не заманили в ловушку. Специально подготовленную

для танков: минированная дорога и противотанковые пушки, что били в борта. Дольше всех продержались КВ, но и для них подготовили «открывалку» – две «ахт-ахт» выбивали КВ один за другим. Танкистам деваться было не куда. С одной стороны болото, один Т-28 прямо так и нырнул вместе с башней. С другой – высокий косогор с лесом наверху, по которому танкам никак не подняться. Классическая ловушка. Подбили первую машину и замыкающую, после чего, как в тире, выбивали танки один за другим. Михайлов больше всего печалился, что в боекомплекте оставалось всего два снаряда, оба выстрела были прицельными, и у немцев точно были потери. Но считай, мизер, по сравнению с уничтоженной на дороге колонной. Они на эту дорогу ни в жизнь бы не свернули, если бы не регулировщик в нашей форме. Когда выжившие смогли уйти в лес, то потом вернулись, чтобы понаблюдать. А там немцы в форме вермахта и в нашей добивали на дороге раненых. Вот такая история. Злые были танкисты, очень злые.

Я направился к кабине ЗИСа, у открытой дверцы сидел лейтенант, освобождённый нами во время захвата техники. Я протянул ему фляжку. Вода была недалеко, повар уже готовил обед.

– Как самочувствие, лейтенант?

– Спасибо, товарищ майор, хреново, – немного сипло ответил тот.

– Бывает. Значит, тебя за нас приняли? Немцы, как я смотрю, злые. Это ещё ничего, после дальнейших засад вообще бешеными станут. У меня вопрос к тебе, у тебя старший брат есть? Артёмом зовут?

– Да. Он тоже танкист. Вы знакомы с ним, товарищ майор?

– Знакомы. Приходилось встречаться, – кивнул я, задумчиво разглядывая лейтенанта.

С подполковником Артёмом Сергеевым я действительно был знаком, он один из тех фронтовиков, что воевал с первых дней. Старлеем начал, командиром роты лёгких плавающих танков. А закончил командиром тяжёлого танкового полка. На «исах» воевал. Он мне рассказывал много о начале войны, в каких боях участвовал, и о своём брате упомянул. Тот сгинул в первые дни войны и числился пропавшим без вести. Брата по архивам искал, где тот вёл последний бой, очевидцев опрашивал. Ничего. Хм, а мне вот повезло встретиться с его братом.

– Подлечим тебя, Иван, не волнуйся. Кстати, вот твои документы, включая комсомольский билет, у командира ремонтников нашли. У меня вопрос к тебе появился. С нами будешь или, подлечившись, к фронту двинешь? Немцы на полпути к Минску. Скоро возьмут его, будь уверен. В нашем случае у тебя есть отличный шанс погулять по тылам противника, бить под брюхо.

– Я с вами, товарищ майор.

– Это ты молодец, правильное решение.

В это время подбежал посыльный, Михайлов со мной желал пообщаться, поэтому я закруглил разговор и, пожелав лейтенанту побыстрее выздоравливать, танк мы ему подберём, направился к голове колонны, где и находились пришлые. Сами танкисты расположились метрах в сорока от «тридцатьчетвёрки» Егорова, кстати, сам сержант машину не покидал и ненавязчиво присматривал за пришлыми. Мало ли ещё что учудят. Старлей встретил меня метрах в десяти от танка, с интересом разглядывая «тридцатьчетвёрку». Когда я подошёл, он вытянулся и, кинув ладонь к виску, сказал:

– Товарищ майор, разрешите мне вместе с моими бойцами вступить к вам в группу. – Заметив, что я вопросительно смотрю на него, пояснил: – Поговорил я с парнями, норма всё, будут себя сдерживать. Проблем не будет. Обещали твёрдо.

– В бою посмотрим, – был мой ответ. – Сколько у вас танковых экипажей сохранилось?

– Из моего взвода полный только мой экипаж, я приказал покинуть машину, как только нам гусеницу сбили, все уцелели и смогли отойти. Если перетасовать остальных, то ещё четыре экипажа, но для КВ, у «три-четыре» экипаж поменьше.

– Хорошо. Новенькие в вашей группе есть?

– Не приживались, все свои.

– Тоже неплохо. Сейчас идёте дальше вдоль колонны, за ЗИСом стоит походная кухня, обед почти готов. Вижу, что уже учуяли. Поешьте горячего. Там запас мисок и ложек имеется. Немного, но разберетесь. Пока бойцы первой партии обедают, для вас у меня приказ: составить список всех бойцов, что вы вывели, обязательно с воинскими специальностями и гражданскими умениями. Кто где служил, не забудьте. Это пока всё. Присмотрите за своими бойцами, пусть от кухни не отходят.

Дав Михайлову блокнот и карандаш – у него не было, – я направился в конец колонны, отдав необходимые распоряжения Погорелову, чтобы присмотрел за пришлыми, пусть не разбредаются. Придерживая автомат, чтобы не покачивался, подошёл к «тридцатьчетвёрке», продолжавшей стоять на буксире у тягача – наша ночная находка. Оба механика, Салов и Бирюков, уже были тут. Более того, и Иван приковылял от грузовика. Всего шатало, но пришёл. Посмотрев на его лиловое в жёлтых пятнах лицо, я только покачал головой, надеюсь, за неделю-другую пройдёт. Пока определяю его к ремонтникам. Пусть помогает да учится.

– Удалось узнать, что с машиной?

– Похоже, коробка передач полетела, – вытирая руки, ответил Бирюков. – Пока не поднимем надмоторную бронеплиту, что с двигателем, точно не скажем.

– Действуйте. Отцепите тягач и поднимите броню. На деревья особо не обращайтесь внимания, тут у края дороги молодой пролесок, отвал тягача легко их подомнёт и освободит пространство, чтобы подойти к корме танка. Потом осмотрите БА и КВ. Их тоже нужно привести в порядок. Грузовики тоже на вас.

Отойдя в сторону, я присел на подножку одной из полуторок миномётной батареи и стал писать её штатную структуру с пополнением техники, на это у меня ушло минут пять. Подозвав Погорелова, я вручил ему лист:

– Вот что, лейтенант. С пополнением группы техникой я решил пополнить вашу батарею, а то на двух машинах кроме самих миномётов и ящиков с минами больше ничего нет, почти всем бойцам пришлось тесниться на броне танков и в ЗИСе. С этой минуты у каждого расчёта должен быть свой грузовик. Та новенькая полуторка в конце колонны переходит в ваш штат, как и ЗИС, что мы вчера пригнали. Разгружайте их, кажется, в кузовах что-то есть, и рассредоточивайте среди расчётов, кому какая машина достанется, решите сами. Дальше как командиру батареи передаю вам радиофицированный броневик, чтобы держать связь с Курлыкиным, вашим штатным корректировщиком. Мотоцикл также переходит в штат батареи, для корректировщика самое то. Пусть Фомин посмотрит рацию в броневику и проведёт обучение Курлыкина использованию немецкого трофея. Тот в принципе рацией пользоваться может, но с немецкой теряется. Ещё вам по штату положено три грузовика. Два для перевозки боеприпасов, один для кухни. Кухня тоже переходит вам, но столоваться будут все в группе, а пока будем перевозить её на прицепе нашего ЗИСа с боеприпасами. Это пока всё, экипаж для броневика и водителей для новых машин пришлю чуть позже. Осваивайте пополнение в технике.

– Есть, разрешите выполнять? – лейтенанту пришлось надрывать горло, так как тягач ревел мотором, уже подминая молодые деревца, чтобы освободить место для работы.

– Действуйте. Не забудьте чуть позже доложить, что было в кузовах переданных машин. Может, что интересное попадётся.

В одной из машин оказались ящики с боеприпасами, причём для авиационных пушек. Для нас он бесполезен, разгрузили, а вот во второй машине, закреплённый со всех сторон, стоял двигатель. Салов аж рот разинул, когда я послал его определить, что это за двигатель, а то миномётчики не знали. Это оказался классический В-2, наш танковый. Свеженький, видно, только с завода на замену какой-то машине. Ресурс этих движков летел просто на ура. Мои планы использовать найденную «тридцатьчетвёрку» разово в какой-нибудь операции, сняв с неё всё, что можно, включая двигатель для брошенного в лесу КВ, сразу изменились. Коробку

можно снять и в другом месте, вернув танк в строй, а вот для КВ в лесу этот новенький движок самое то.

В общем, миномётчикам полуторку я отдал, её уже разгрузили, и там устраивался один из расчётов, а вот с ЗИСом велел погодить. Двигатель нужно доставить к месту стоянки брошенной «двойки». Кстати, к этому танку я уже отправил двух бойцов для охраны. Всё, пора обзаводиться мотострелковым взводом, они нужны, а то всё миномётчиков по этим делам гоняю, а у меня насчёт них и так большие планы.

Мимо тягача – надмоторную бронеплиту уже подняли и осматривали двигатель – я прошёл к грузовику, к которому была прицеплена кухня. К счастью, повар приготовил с изрядным запасом по моему приказу, так что хватило на всех, первая партия пришлых и миномётчиков уже поела, вторая только приступила. Кстати, Лосев принёс к нашему танку котелки с едой, он с Бабочкиным уже обедали, я разрешил не дожидаться меня, а когда закончу, сам подойду.

– Написали? – поинтересовался я у Михайлова.

– Сделал, товарищ майор.

– Хорошо. Я пока изучу списки и составляю по ним новые штаты, а вы обедайте.

Отойдя к корме своего танка – он тут же у морды ЗИСа стоял, – я одновременно быстро ел и изучал списки. Мой экипаж растравил котелки на левой надгусеничной полке, используя её как стол. Проголодаться успели все, так что обед не затягивался.

Быстро просматривая списки, я раскидывал бойцов и командиров по боевой технике и танкам. К счастью, экипаж для двух «двоек» подбирался. Даже запас имелся. Так что Михайлова я собирался ставить на должность командира тяжёлого взвода. Пока двумя КВ покомандует, ну а чуть позже, восстановив, передадим ещё, а пока пусть для следующих машин экипажи подготавливает. Подобрал двух танкистов для сломанной пока «тридцатьчетвёрки», командира-наводчика и заряжающего. Егорову нашёл стрелка-радиста и заряжающего, для своего танка – мехвода и стрелка-радиста, так как Лосева планировал сделать ротным старшиной. Но в списках нашлась и такая специальность. Ладно, Лосев пока остаётся моим ординарцем, но будет передвигаться отдельно со всеми нашими вещами, а то в танке реально не развернуться. Надо будет найти для себя штабную машину, обязательно радиофицированную. А насчёт танка подумаем, может, оставлю его своим командирским, а может, передам в формирующийся взвод из «тридцатьчетвёрок».

В принципе, мне теперь можно не водить самому боевую машину в бой, экипажи имеются, можно и из штаба руководить. Тем более вести бой и стрелять в очень тесной башне «тридцатьчетвёрки» мне не сильно понравилось. Нужно подумать насчёт создания самоходки, идея стоящая. А командовать взводом Т-34 может один из командиров Михайлова, у него три лейтенанта, один командовал до этого взводом КВ, остальные командиры танков. Ничего, и на них освоится.

Покивав своим мыслям, я некоторые решения изменил. Попивая чай, ещё раз осмотрел список, прикидывая, ничего ли не забыл.

– Собираемся, машину передаём танкистам. Нам нужно штабную подобрать. Кстати, Бабочкин, плохо, что ты не умеешь водить. В общем, будете с Лосевым учиться. Найдём брошенную штабную машину, будем на ней передвигаться. Это пока всё. Тот ЗИС, что с мотором в кузове, пока себе заберём, ограбим временно миномётчиков, а чуть позже вернём. Перегружайте пожитки в ЗИС.

Оставив бойцов возиться в танке, я прошёл к Михайлову, тот уже тоже пообедал и немного сонно клевал носом, от сытости разморило. Правда, когда я подошел, встряхнулся, явно ожидая, куда я назначу его самого и танкистов.

– Значит, так, старлей. Я поначалу решил тебя на взвод из КВ поставить, тем более две «двойки» у меня есть, их осталось в порядок привести, у одной – двигатель на новый заменить, подготовка к этому идёт, но решил, что поставлю тебя командовать всей танковой ротой.

Пока из пяти танков. Три на данный момент на ходу, и два требуют ремонта. Я накидал, как распределить танкистов по машинам, но тут смотри сам, твои люди, и тебе вести их в бой. Далее. Шесть водителей и всех техников я у тебя забираю, они всё равно не танкисты, а у меня недостаток в этих специалистах.

– Ясно, товарищ майор, – быстро пробегая список, кивнул тот. – В моё подразделение, значит, входит только сама боевая техника и люди. А остальное? Ремонтники нужны, боевые машины ещё сырые, ломаются часто, нужен ремонтно-восстановительный взвод. Тыловики нужны.

– Это всё будет, но не в вашем подчинении, а в моём. Не забивайте себе голову ненужными делами. На вас боевая техника, люди и сражения. Я по должности хоть и командир танкового полка, но имею знания инженера, поэтому ремонт, а также модернизация будут на мне. Мы так приведём технику в порядок, что ресурс неслабо повысится. Ладно, занимаетесь штатным комплектованием экипажей, весь резерв пока используйте как мотострелков, сажая десантом на танки. Чуть позже на броню мы приварим скобы, чтобы было, за что держаться. Сейчас нужно сменить место стоянки. Тут не совсем удобная, и до воды почти километр бегать приходится. Отправленные мной сегодня утром в разведку миномётчики нашли очень симпатичную полянку, и эта дорога ведёт как раз к ней. Так что двигаемся дальше и через пятьсот метров разбиваем постоянный лагерь уже на поляне. Кстати, пошлите одного из своих командиров по этой дороге, пусть посмотрит. Там небольшой овражек и разрушенный деревянный мостик. Бойцы, что проводили разведку, говорят, что танки пройдут, но всё же нужно убедиться. Всё, действуйте.

На комплектование экипажей у Михайлова ушло минут пять, он построил своих бойцов и, выкрикивая фамилии, сообщал, на какую машину их назначили, таким образом сформировал экипажи. Он даже для сломанной «тридцатьчетвёрки» подобрал мехвода и стрелка-радиста. Последнего ещё ладно, но зачем водителя, если машина не на ходу и неизвестно, удастся ли её вообще поставить? Отдельно мне выделили двух бойцов на БА и шесть водителей. Экипаж для БА был собран фактически из случайных людей. Командир раньше командовал Т-26, а водитель как раз служил на БА, но был заряжающим. Однако водить умел. Сам Погорелов, кроме того что командир батареи, при использовании броневика в бою должен был заряжать пушку, ну а Фомин уже радист-стрелок. Из оставшихся безлошадных пока танкистов собрали едва стрелковое отделение. Но и это неплохо. Всех техников я отправил к Бирюкову, причём один из новеньких вообще был техник-старшина, его я взводом и поставил командовать. Ну, и остальных перекидал. Тот же Горелов теперь стал постоянным водителем тягача. Из шести водителей четверо сели в кабины грузовиков, двое в резерве. Почти полчаса ушло на то, чтобы экипажи приняли машины, освоились в них, и только после этого я отдал приказ к движению.

Как оказалось, проехать через овражек действительно не составляло труда. Через двадцать минут мы были на поляне, где, громко командуя, совместно с Михайловым распределили технику на опушке, по подразделениям расставили. Отцепив от тягача сломанную «тридцатьчетвёрку», я оставил в лагере Михайлова за старшего, приказав ему продолжать обслуживание и ремонт техники силами экипажа, забрал экипаж для второй «двойки», весь ремонтный взвод, тягач и ЗИС с дизелем, после чего поехал к брошенному танку. Пора заняться его восстановлением.

Добрались нормально, по своим же следам выехали из леса к развилке, где всё так же стоял сгоревший БТ, кстати, «семёрка» не модернизированная, доехали до пролома, проложенного «двойкой», и по нему добрались до танка. Там нас встретила охрана, опознались и почти сразу приступили к ремонту. Танк облепили как ремонтники, так и танкисты. Мы за час извлекли сгоревший мотор, после чего подогнали грузовик – тент и дуги для удобства сняли – и, осмотрев движок, тот имел при себе всё, что нужно, подготовили площадку и опустили его на станину. Потом ещё два часа возились с установкой и подключением. Возникали мел-

кие проблемы. Когда установка прошла, залили воды в охлаждающую систему, масла и топлива. Запустить танк сразу не смогли, баллоны с воздухом пусты, а аккумулятор разряжен. Но ничего, от тягача запитали, и с третьей попытки, взревев и выпустив в небо облако чёрного дыма, тот заурчал на малых оборотах. Сам экипаж, пока мы возились с мотором, успел привести танк в полный порядок, даже поставили один ДТ, что принесли с собой, больше не было, и два гнезда для них оставались пока пустыми.

Пока техники извлекали старый движок, мы с техником-старшиной Верешковым осмотрели новенький двигатель в кузове грузовика и, используя немецкие инструменты и немецкие же масляные и воздушные фильтры, установили его. Так что эта «двойка» первая, у которой прошла модернизация сердца. Думаю, ресурс двигателя в этом случае скакнёт с пятидесяти часов мотоработы до ста и выше. Старшина должен был это отслеживать и вести график расхода ресурса. Мужик опытный, почти двадцать лет с техникой работает, разберётся, тем более он знал, что делать. Следующие дизели он уже сам будет модернизировать, видел и понял, что нужно делать. Жаль, фильтров у нас осталось на модернизацию ещё двух машин, не более. Что ж, раз инструмента почти нет, запчастей тоже, значит, будем грабить немецких ремонтников, они тут должны быть, осталось только поискать.

Вернулись так же. Только в сопровождении громко порывающего дизелем танка. Никто нас не остановил, на дороге пыль виднелась, но немцам было не до нас. Вот когда мы вернулись в лагерь и «двойка» замерла рядом с собратом – из неё тут же стали доставать часть боекомплекта и погружать в соседнюю машину, – мне сообщили неприятную новость. Разведка, которую я послал к складам, наткнулась на полпути на немцев, прочёсывающих лес. Удалось уйти без стрельбы незамеченными, да и шли те в другую сторону, но напрягало. Была и приятная новость, я бы даже сказал, отличная. На обратном пути, потыкавшись и везде встречая немцев, те обнаружили стоянку наших. Причём там была фактически в полном составе застава погранцов. Вот и мотострелки, а также разведка. Отлично, вот их я как раз не упущу. Иванова отправил, незаметно всучив ему письмо Сталину среди других. Правда, с этими пограничниками было с два десятка гражданских, а также пришлых бойцов, но разберёмся. Первым делом проверим на подставных. В общем, дел невпроворот. Ремонтники занимаются обслуживанием и параллельно модернизацией моторов, начали со второй «двойки». Ну что такое поставить масляный и воздушный фильтры? Танкисты осваивали машины, чисткой пушек занимались, обслуживанием, а я был загружен больше всех. Но это и понятно, такова командирская доля. Осталось сформировать хозвзвод и зенитный взвод, а в остальном всё, что нужно, у меня было. Разве что особистов завести, тоже нужные специалисты.

Хозвзвод уже начал формироваться. Ротный старшина Авдеев уже заступил в должность и получил первую единицу вместе с водителем в штат подразделения. Это я про наш ЗИС с боеприпасами и остатками топлива. Насчёт зенитчиков ещё думаю, пока формировать не из кого и не из чего. Нужно посетить склад тяжёлого вооружения, где мы уже добывали зенитные ДШК, но это всё в планах, а сейчас нужно знакомиться с новичками.

У нас остро стоял вопрос с продовольствием, чтобы прокормить такую ораву. Сегодняшний обед махом слизнул треть запасов, причём повар ещё и экономил. В принципе, чувство голода погасили. Но тогда и людей было не так много, а сейчас без малого к нашему лагерю подошло ещё восемь десятков человек, причём не кормленых. Тоже со вчерашнего дня не ели, причём то, чем им пришлось питаться, и едой не назовёшь. Наткнулись на овощной склад на окраине какого-то села, среди гнили нашли немного вполне приличных клубней брюквы, ими и питались весь вчерашний день. Это разве пища? А я-то думал, откуда немцы брюкву брали, чтобы наших кормить. Таких складов немало, это пограницам повезло на полупустой нарваться.

Вторая треть продуктов тоже была использована, только повар, кстати, красноармеец Лапшин, готовил на мой отряд по списочному составу плюс ещё на двадцать едоков по моему приказу – вдруг снова на нас окруженцы выйдут, чтобы было, чем их кормить. Однако я такую

большую группу никак не ожидал, и, естественно, кормить мне их было просто нечем, а ужин был почти готов. Что ж, тем, кому не хватит, придётся или подождать следующей партии горячего, или удовольствоваться сухпаем. Главное, чтобы хватило, проблема с продовольствием у меня в отряде уже вставала остро, да и новенькие ещё неизвестно, пойдут под мою руку или нет, всё же погранцы это другое ведомство. Хотя до этого я уже общался с этими парнями, и никаких конфликтов у нас не возникало.

Всё это промелькнуло у меня в голове, пока Михайлов докладывал обо всём, что происходило в лагере за время моего отсутствия. Также он сообщил, где встали гости. В лагерь их не пустили, я такой приказ отдал. Если будут состоять в нашей группе, то пожалуйста, если нет, идите вы на три буквы. Пришлые встали в ста метрах от границы лагеря, причем хочется отметить, с той стороны, где была кухня, и где священнодействовал повар с двумя бойцами, назначенными к нему в наряд.

– Мне нужна вся информация по пограничникам, присоединившимся к ним бойцам и гражданским. Количество, состав, данные командиров.

Задумчиво кивая, я выслушал Михайлова, после чего крикнул старшину группы, фактически интенданта, и велел ему:

– Разгрузи все машины, заправь их остатками топлива, броневик идёт в качестве сопровождения. А то мы сюда на последних каплях доехали. Готовь колонну к выдвижению. Всё, действуй.

Козырнув, тот убежал выполнять приказ. Мне нужна вся техника, когда же я автозвод сформирую хотя бы из десятка грузовиков? Постоянно приходится использовать то, что есть. Так вот, пока старшина гонял водителей, выдавая им последние канистры топлива, миномётчики снова разгружали свои машины.

У Михайлова была вся нужная информация, и бегать дополнять её не потребовалось. Оказывается, он уже поговорил с командиром заставы, тот пояснил, как они здесь оказались, и почему с ними гражданские. Застава в прямом бою на границе не участвовала, так как числилась резервной при штабе пограничного отряда. В бою ей пришлось принять участие, командир отряда направил к одной из комендатур, близко расположенной к границе, где внезапно появились немцы, и комендатура вела бой в полуокружении. Их отбили, откинув немцев, после чего вместе отошли. Тут подошёл стрелковый батальон, и дальше уже он занялся немцами, а из отряда посыльным пришёл приказ отойти и, встав лагерем в небольшом лесу, заняться чисткой тылов – что-то много диверсантов развелось, посыльные пропадают только так, на командиров участились нападения. Вот пограничники и занялись тем, к чему их готовили и в чём они имели немалый опыт. Резервная застава как раз и использовалась для организации постов на дорогах, ну и прочёсывания и поиска диверсантов. То есть парни были подготовлены, отлично вооружены, самозарядками в основном, и знали, что делать. В дело они включились сразу, почти сутки непрерывной работы, когда на один из постов вдруг вышли немецкие танки. Парни без потерь отошли в лес и соединились с основной группой. Получив информацию о немецких танках, командир заставы старший лейтенант Волохов вернул другие группы и направил посыльного в отряд. Потыкавшись в разные стороны, он вернулся, на всех дорогах были немцы. Волохов решил прорываться к своим, тем более у него не было приказа оставаться на месте. К вечеру на них вышло три бойца из того стрелкового батальона, что сменил их у комендатуры, с ними было два погранца из её состава. Это все, кто уцелел и смог выйти на Волохова. Может, ещё кто был, поодиночке или вот такими мелкими группами выходя из окружения, но на заставу вышла только одна группа. С наступлением темноты застава двинула в сторону нашего тыла, догоняя откатывающийся фронт. У городка, где стоял отряд, они также встретили немцев, но на счастье в лесном массиве рядом были жёны и дети командира, его зама и политрука заставы. Оказалось, Волохов, перед тем как покинуть квартиру, когда его вместе с заставой подняли по тревоге, успел крикнуть жене, чтобы та забрала все документы и продо-

вольствие и шла вместе с детьми и жёнами других командиров в лес. Всё же погранцы знали больше, чем стоявшие тут же армейцы. Та выполнила приказ мужа. Они с подругами провели одну ночь в лесу, когда в полночь их нашли бойцы заставы. Кстати, остальные жёны отказались присоединяться к ним и, набившись в один грузовик – машин больше не было, – поехали в сторону наших тылов. Больше о них сведений не поступало, другие пошли пешком. Эти тоже сгинули. Хотя, может, с ними всё в порядке, уже в безопасности. Пока жёны с детьми пограничников ожидали своих мужей, на них наткнулись две учительницы из ближайшего села, где жители ясно дали понять, что советских граждан им не надо, закололи милиционера прямо на улице и уже бежали к домам, где жили учительницы, но тем удалось уйти огородами. Хозяйки предупредили и помогли уйти, бросив все вещи. Есть и в западных областях приличные люди. Правда, я всё равно не отменял своего приказа на запрет контактов с мирным населением. Если где встретим, то если мужчина – ликвидировать, тут никаких сомнений, если женщина – передислоцировать в лагерь. Вот такие пироги.

За следующие два дня к ним присоединилось ещё одиннадцать гражданских и восемь бойцов и командиров из попавших в окружение. Насчёт возможных диверсантов я сразу уточнил у Михайлова, но тот успокоил, погранцы очень опытные. Проверяли всех, кто к ним присоединился. И пока глухо. Хотя однажды на них наткнулись двое, которые, увидев зелёные фуражки, дали дёру. Догнали, скрутили и, обыскав, допросили, после чего прихлопнули в глухом уголке. Засланные оказались, к гадалке не ходи, да они и сами это подтвердили. В общем, в этой группе диверсанты не приживались.

Состав командиров в группе: командир заставы старший лейтенант Волохов, политрук заставы Юрченко, заместитель командира лейтенант Потапов и следователь из отряда лейтенант Баюнов. Его нашли раненным в ногу в том городке, где стоял отряд, укрыла в погребе одна старушка, хозяйка домика на окраине. Чудом ей удалось встретиться с парнями, что проводили разведку, банально наткнулась на них, укрывшихся в лопухах, ну и попросила забрать русского офицера. Так Баюнов и оказался в отряде. Но пока он не дееспособен из-за ноги, сложное ранение. Кстати, одним их гражданских оказался врач из районной больницы, он-то с двумя своими подчинёнными, которым удалось покинуть больницу – весь состав был вырезан националистами, – и вёл в группе всех раненых, так что лейтенант был под плотным медицинским контролем. Всего раненых было четверо, но трое других – ходячие.

Из пришлых был только один, да и то не командир, а интендант в звании интенданта третьего ранга, что соответствовало армейскому капитану. Ха, помню ещё. Были и сержанты, артиллеристы, танкисты, пехота, пара связистов, пара зенитчиков, ну и один сапёр, и на этом всё. Ах да, Михайлов сразу уточнил, что среди простых красноармейцев было сразу четыре профессиональных водителя. Как раз из группы интенданта. Вёл разговор Михайлов с командиром заставы, а тот об интенданте упомянул мельком, мол, что из уничтоженной автоколонны он. Вот и всё.

– Хорошо, – довольно кивнул я. – Вот что, готовь технику к бою и долгому ночному маршу. Сегодня мы нанесем немцам несколько ударов из засады и уйдём следом за нашими войсками. Находиться на вражеской территории, а я имею в виду западные области, где население к нам не дружелюбно, смертельно опасно. Поэтому, проведя необходимую подготовку, пару раз ударим так, чтобы немцы хорошо запомнили, и всю ночь будем идти на восток. Это всё, готовьтесь. Мехводов немедленно отправь спать, им ночью предстоит много работы.

– Есть, разрешите выполнять? – козырнул немного возбуждённый старлей.

– Выполняйте.

Отправив командира танковой роты заниматься своими делами, я энергично двинул в сторону лагеря гостей. У меня на них были огромные планы, и честно говоря, я уже начал подготовку, чтобы их претворить в жизнь, осталось уговорить Волохова войти в состав группы, без погранцов они не осуществимы. В сопровождении Погорелова, он так и оставался дежур-

ным по лагерю, я прошёл к пришлым. Было видно, что служба там поставлена как надо, нас остановил часовой в зелёной фуражке и вызвал сержанта, тот уже провёл на территорию временной стоянки и подвёл к свежеставленному шалашу, где играли дети, тут я и обнаружил старшего лейтенанта Волохова. Он о чём-то разговаривал с двумя женщинами в гражданском платье. Мельком обернувшись, что-то им сказал и, развернувшись, шагнул мне навстречу, бросив правую руку к фуражке:

– Командир резервной заставы Энского погранотряда старший лейтенант Волохов, товарищ майор. Готов поступить в ваше распоряжение до выхода к нашим войскам из окружения.

– Вот как? – удивился я и честно признался: – А я думал, мне вас уговаривать придется, старлей. Честно говоря, у меня есть острая необходимость в таких бойцах, как вы. Я беру вас в свою группу.

– Что мы должны делать? – тот сразу приступил к делу.

– Вам выдали сухпай?

– Пока только детям, мы им остатки овощей отдали, они у нас почти не голодают, но всё же выданные вашим старшиной по приказу дежурного продукты мы отдали жёнам и детям. Жаль, запас небольшой у вас оставался, но раз больше нет, потерпим.

– Поспешное решение. Через полчаса будет готов суп, второе вы получить не успеете, его только заложили, да и уйдёт он миномётчикам и танкистам, а вот вы после ужина займётесь работой. До наступления темноты предстоит много работы. Не боитесь?

– Когда это мы боялись, товарищ майор? – слабо улыбнулся тот.

– Отлично. Значит, собирайте всех командиров своей заставы, я буду ставить задачи, так как нужно одновременно нанести несколько ударов в разных местах. Поэтому придётся разбиться на группы, и во главе этих групп должны быть опытные командиры.

– У меня все сержанты старослужащие. Приказ я уже отдал, сейчас подойдут.

Пока командиры собирались у нашего пятачка, я посвятил Волохова, кем их вижу и как собираюсь задействовать в составе мангруппы. Сначала я собирался сформировать отдельный мотострелковый взвод, группу разведчиков, особиста назначить – в общем, много чего, а потом передумал. Зачем их дробить, можно оставить всё как есть. То есть все погранцы станут временно мотострелками, но Волохов так и будет отвечать за все направления, высылая при необходимости бойцов на охрану объектов, территории лагеря или техники, ну или на разведку. То есть сделать универсальное подразделение, коим в принципе застава и являлась.

Мы расстелили на упавшем стволе карту, чтобы показать координаты складов, куда я хотел направить погранцов для одновременного налёта с физическим устранением охраны и вывозом части имущества. Играть и строить из себя всё знающего и умеющего командира я не стал, тут не операция с применением танков, поэтому указал Волохову, где находятся четыре остро необходимых нам склада, и дал приказ взять их под контроль, уничтожив охрану. Первым делом требовалось нанести удар по складу ГСМ, так как проблема с топливом и горюче-смазочными материалами стояла у нас не просто остро, а орала благим матом. Топлива для танков оставалось километров на десять. Для грузовиков на тридцать, так что на один рейс к этому складу их хватит, дальше будем пользоваться уже добытым топливом. Именно поэтому налёт следовало совершить первым делом на склад ГСМ. Причём это я так называю – «налёт», а на деле ставил задачу вести себя тихо. Охрану ликвидировать без шума по возможности. Если не получится, то использовать гранаты и огонь в упор. Погранцов я собирался усилить за счёт пулемётов с танков. Вынужденная мера, у них было всего три ДП, но фактически не было боезапаса и гранат. Застава сюда шла не просто так, а была, где только можно, так что боекомплект подошёл к концу, и воевать было нечем. К счастью, этого добра у нас хватало, так что старшина уже организовал выдачу необходимого боезапаса и гранат. Скоро должны были передать два ДП для усиления огневой мощи групп и четыре ДТ, снятых с танков. Конечно,

у погранцов были СВТ, а те давали достаточно серьёзный огневой вал, но пулемёты есть пулемёты.

Таким образом, я указал Волохову на карте, где четыре нужных склада. Список необходимого я писал тут же. Причём просил в случае работы на складе с продовольствием захватить ещё и очередную колонну грузовиков. Они там часто появляются, а нам очень нужны. Ему я отдал всех свободных водителей. Да и с десятков пограничников заставы могли водить машины, так что с этой стороны проблем не было. Дальше Волохов, сверяясь с моей картой, продолжил планировать операцию, а я лишь стоял рядом и слушал, как работают профессионалы. В это дело я влезать не собирался, не сильный специалист. Я командир, поставил задачу, дальше пусть подчинённые думают, как ее выполнить, заодно и покажут, чего они стоят. Естественно, склады я отметил самые нужные нам – это склад ГСМ, с продовольствием, тяжёлого стрелкового вооружения, ну и склад лёгкого стрелкового, где находился боезапас. Подумав, я на миг отвлёк Волохова, поставив ему задачу захватить ещё и пятый склад, но это не так срочно и может подождать. Склад вещевого имущества. Пришлось пояснить старлею, что не все в группе снабжены нужными вещами, требовались сидоры, котелки, полотенца, даже банальные ложки, ну и смена элементов формы требовалась, на некоторых она как горела. Самим погранцам всё из перечисленного тоже требовалось, так что Волохов возражать не стал, сразу включив склад в план операции и выделив на захват пять погранцов. Вряд ли охрана на этом складе больше полного отделения немцев, так что хватит. Кстати, миномётчики до этого склада всё же добрались, единственная разведгруппа из всех, они благополучно вернулись и как раз доложились, так что я именно поэтому и вспомнил о складе. Бойцы подтвердили, что в охране насчитали с десятков немцев, не более.

Тут к нам прибежал Погорелов. Оказывается, вернулся наблюдатель с дороги. Там появилось кое-что из того, что мне требовалось. У брошенной советской техники встала группа машин. Всего три грузовика в сопровождении легкого автомобиля повышенной проходимости. Причём на этой машине, как видели в бинокль наблюдатели, их было двое и стоял зенитный пулемёт. Спаренные стволы в небо смотрели. Немцев было всего шестнадцать, но бойцы уверяли, что это точно ремонтники. Они запустили генератор, а потом сваркой проводили какие-то работы у сломавшегося на дороге Т-IV. Ну, и ужин готовили заодно, один колдовал у костра.

Внимательно выслушав доклад одного из наблюдателей – второй остался на точке для наблюдения за немцами, – я задумался на миг и зло пробормотал:

– Чёрт, как бы сейчас пригодилась трофейная форма!

– Товарищ майор, у нас она есть. Четыре комплекта, включая офицерскую, – прервал мои раздумья Волохов, который, как оказалось, слушал, о чём мне докладывали.

– Да? – обрадовался я. – Отлично, старлей. Выдайте форму дежурному по лагерю и продолжайте планирование. Сразу после ужина выдвигаетесь. Как будете встречать наши грузовики?

– У продовольственного склада, там в случае захвата грузовиков противника машины для вывоза не потребуются, всё, что нужно, загрузим и вывезем. У остальных на дороге к складам выставлю бойцов, в случае захвата тот даст отмашку, что всё в норме, в случае неудачи остановит их, пока склад окончательно не станет нашим.

– Добро, действуйте. Вот, кстати, и сигнал к ужину. Можете отправлять бойцов, а я пока с вашими приживалами пообщаюсь, у меня есть, где приложить их руки.

Меня изрядно порадовало, что у погранцов была немецкая форма, включая офицерскую. Пока Погорелов её принимал, чтобы отнести к тягачу – эту операцию возглавлю сам, – я прояснил у Волохова, откуда та у них взялась. Всё оказалось просто, зная, как реагируют водители на посты, он решил организовать засады по тому же принципу. Форму взяли у немцев, застрывших с пустым, к сожалению, грузовиком. Переодели тех, кому она подошла. На заставе никто не знал немецкого, но этого и не требовалось. Организовали пост. Пропускали большие колонны,

включая пехотные, движение было большим, несмотря на второстепенность дороги, но всё же смогли дожидаться одну колонну из четырёх машин без сопровождения и, по знаку бойцов, что её остановили, ударили из засады. Потом быстрая зачистка, и бегом на десять километров, где ожидали жёны, дети и гражданские. Три раза была организована подобная операция, один раз в неё попал то ли отставший пехотный взвод, то ли получивший какое-то своё задание и топавший туда. Взвод и личный состав небольших колонн уничтожали полностью. Машины и ранцы осматривали. Однако погранцам везло как утопленникам. Были небольшие сухпаи, шоколад, но на этом всё. Детей и жён прокормить ещё хватало, но уже самим ничего не оставалось. Хорошо, склад с той брюквой попался, хоть немного поели.

Погранцы быстро насыщались, они реально были голодны, а я занимался гражданскими и пришлыми бойцами. К счастью, все они решили присоединиться к нам, боязно было оставаться одним, когда вокруг немцы, так что, особо не мудрствуя, чтобы не тянуть время, назначил их на рабочие места по специальностям. Из врача, его помощников и двух учительниц сформировал санвзвод, отправив их старшине, пусть организует и передаст перевязочные средства, что были у него на хранении. Немного, но что есть. Интендант, оставшись один, сам ко мне подошёл, сейчас все его красноармейцы-водители быстро ужинали у кухни, их включили в операцию. Его я назначил старшим по тылу и отправил к старшине. Тот теперь подчинялся интенданту третьего ранга Крапивину. Кстати, специалистом тот действительно оказался неплохим и быстро организовал порядок в лагере, рассредоточил и так скудные средства среди уходивших на боевое дело подразделений. Кстати, и топливо заставил перелить так, чтобы хватило всем грузовикам. А то ЗИСам налили меньше, а те потребляют прилично, а полуторкам больше, хотя расход у них и невысок. А так перелили, и теперь можно считать, что колонна точно дойдёт до склада ГСМ. Кстати, поведёт её старшина, наш командир хозвзвода, Крапивин уходил с Волоховым, на нём организация сбора того, что нам нужно, список необходимого имущества я ему дал. Маршрут для автоколонны уже был проложен, и хотя частью придётся двигаться по опушке, чтобы выехать на дорогу, ведущую сразу к двум складам, но надеюсь, всё пройдет благополучно.

Танкистов и всех, кто имел отношение к технике, я отправил Михайлову и в техремвзвод. Сапёра в хозвзвод, он пока один, будет больше, сформирую сапёрное отделение, зенитчиков следом, пока они не у дел, обоих связистов оставил при себе как посыльных, они телефонистами были, с радиостанциями не работали. Остальных, включая лишних гражданских, также закрепил за хозвзводом, лишние руки в этом подразделении не помешают, хоть освободим бойцов от нарядов. Что делать с женщинами и детьми, я пока не решил, думаю, пока пассажирами побудут, а когда мы выйдем на оперативный простор, в сопровождении бронетехники и бойцов отправим в советский тыл. Там дальше сами разберутся.

Когда закончил с этим делом, все новенькие уже распределились по поляне по своим подразделениям. То и дело слышались команды и ругань, но тихая. Всё же женщины и дети рядом, а царила суeta, лязг. В общем, техника готовилась к маршу. Грузовики уже были сосредоточены у дороги, впереди стоял БА, чуть в стороне тягач. Именно его я собирался взять на дело. Опасно? Конечно, но тут дело очень серьёзное, и не стоит медлить ни секунды. Волохова я всё же ограбил на двух водителей. Они мне нужны были.

Колонна старшины пока осталась в лагере, им рано выдвигаться, хотя погранцы уже покинули поляну, минут десять назад все зелёные фуражки, разделившись на пять групп, ушли на дело. Через час колонна старшины должна была двинуться к складу ГСМ. Меня же никто не задерживал, поэтому подойдя к тягачу, где были одни только добровольцы, я негромко велел построиться. Сам я уже переоделся в форму ефрейтора вермахта – единственная, что более-менее подошла, а так моё участие не обсуждалось, я единственный знал немецкий язык. Осмотрев куцую шеренгу из шести бойцов, велел Бабочкину поправить пистолет, немцы их на животе носили, а не на боку, поправил детали амуниции у других, трое были в наших технических

комбезах за неимением немецких. Для маскировки вместо пилоток пришлось выдать немецкие кепи, а бойцам в трофейной форме, что лишились головных уборов, надеть каски, в комплекте у запасливых пограничников те были. Более того, я собрал все МП у погранцов. Трофейные автоматы среди командиров рассредоточили, так что моя группа вся была оснащена автоматическим оружием. Включая Бабочкина, играющего роль офицера. Мало того что форма ему подошла, так он на вид был настоящим арийцем. Типаж тот, что нужен. Только чуб я велел ему состричь, не носили по уставу немцы таких причёсок. Тот повздыхал, но всё же подготовился. Перед самым приказом на выдвижение я велел всем пострелять из автоматов, чтобы привыкнуть к этому оружию. Нормально, освоили его все, включая перезарядку.

Всего вместе со мной на боевую операцию шло семь человек. Это Бабочкин, Лосев – куда без этой неразлучной парочки! – Салов, Горелов и два стрелка-радииста из роты Михайлова. Они были хорошими стрелками. Резвые и очень злые на немцев, старлей сам отбирал добровольцев, выдал лучших, уже бывших под обстрелом, да ещё каким!

– В машину.

Бабочкин сел в кабину к Горелову, а мы забрались в небольшой кузов тягача и поехали по узкой лесной дороге к выезду. Выбрались нормально, свежих следов, кроме наших, тут не было, так что двинули к развилке. Проехали сгоревший БТ и направились сразу к дороге. Там шли войска противника, но движение заметно спадало – вечер, к ужину и ночёвке готовились. До темноты оставалось часа три.

Мы встали у поста наблюдателей и оттуда, несмотря на то что стоим на виду с дороги, стали как бы заниматься своими делами. Кстати, танк здесь уже починили. Что-то было там с ходовой. По словам наблюдателя, во время движения одна гусеница дала клин, и его аж развернуло. После этого танк оттащили на обочину, и колонна пошла дальше, а экипаж остался ожидать ремонтников. Дождлся. После починки он на максимальном ходу помчался догонять своих, а ремонтники сели ужинать. Как раз в этот момент я стал их рассматривать в бинокль.

– Выезжаем, – сразу скомандовал я. Пока те собраны в кучу и не ожидают нападения, нужно этим воспользоваться.

Причина такого моего интереса была в двух специализированных «Мерседесах» – это и были передвижные ремонтные мастерские, третья машина – обычный грузовик с запасом запчастей. Мы выехали на дорогу и сбавили скорость, чтобы очередная колонна нас обогнала. Та ушла вперёд, и на дороге больше никого не было. Это просто отлично, так что когда мы подъехали, никто не мог нам помешать. Немцы расположились не на обочине – колонны просто облака пыли поднимали. Нет, они встали в ста метрах против ветра, чтобы пыль их не доставала. Когда мы подъехали, то тоже свернули в поле. Якобы к технике. Немцы, не прекращая ужина, с интересом нас разглядывали, у стоявших в линеечку грузовиков и легковушки прогуливался часовой с карабином на плече, и всё на этом.

Когда мы уже были рядом, вдруг здоровенный фельдфебель, отложив котелок, нахмурился и что-то резко крикнул. Стало ясно, что он узнал тягач, более того, судя по маркировкам на дверцах машин их колонны, этот тягач был из их подразделения. Вот чёрт. Всё продумал, а это нет.

Нам повезло, что пока мы двигались по дороге, я распределил цели. Три автомата ударили по вскакивающим ремонтникам, чуть позже к ним присоединились автоматы Горелова и Бабочкина. А вот я, откинув приклад, короткой очередью со ста метров срезал уже снимающего с плеча карабин часового, после чего присоединился к расстрелу ремонтников. Часового я снял с гарантией. На спину упал и больше не шевелился. Попадания были, на груди появилось несколько тёмных точек. По одному магазину всем бойцам хватило, чтобы покончить с ремонтниками.

– Вы двое, быстро пробежались и добили раненых, мне выстрелов в спину не нужно, – скомандовал я.

– Есть, – зло оскалившись, козырнули танкисты и рванули осматривать немцев.

– Так, а вы двое берёте эти два «Мерседеса». Сразу осваивайте их, теперь это ваши машины. Справитесь?

– Научимся, – степенно кивнул один из водителей. – Мы со всякими дело имели.

– Если что, я на таких машинах уже ездил, помогу, подскажу.

Отправив двух водителей осваивать передвижные мастерские, я быстро осмотрелся. Бабочкин с Лосевым как раз заканчивали осматривать технику на предмет затаившихся противников, мало ли не все ужинали, но всё оказалось пусто.

– Работаем, – крикнул я. – Быстро-быстро.

И мы кинулись работать. Я завёл грузовой «Опель» и, подогнав его к легковушке, с помощью Бабочкина накинул жёсткую сцепку. Лосев трофеи собирал по своему разумению. Мудрить не пришлось, сцепка была закреплена на борту грузовика, видимо не в первый раз водителю этой машины приходилось таскать на буксире разнообразную технику. Тросов тоже хватало. У водителей с «Мерседесами» все-таки возникли некоторые проблемы. Пришлось бежать и учить на ходу, сообщив, что на нашем топливе, а грузовики были дизельные, можно загубить двигатели, те жрали более качественное, поэтому наше не стоило заливать. Тем более дизельное топливо имелось, у меня в «Опеле» стояло три бочки с ним, две с бензином, одна с маслом, ну и ящики с деталями. Кстати, масляные и воздушные фильтры были, специально залез посмотреть, пока бойцы суетились. Тягач, получалось, оставался без работы, поэтому прикинув, я погнал Горелова осматривать ближайшие брошенные машины. Кстати, рядом стоял специализированный санитарный автобус с красными крестами, дверцы были открыты. Немцы в нём уже полазили. На вид цел. Горелов подтвердил, действительно цел. Это для нашего санвзвода. Чуть дальше на обочине стояло два ЗИСа, судя по открытым бакам, наши сами слили с них всё топливо. На другом борту моего грузовика, а «Опель» я собирался вести сам, была ещё одна жёсткая сцепка. Её накинули на санитарный ГАЗ, а уже к нему оба ЗИСа, тягач их утащит. Оба грузовика пришлось на тросы сажать, ничего, не должны побиться, почти в упор всё же прикручивали.

На всё про всё у нас ушло не более получаса, больше всего времени занял тягач. Пока прицепляли грузовики, на дороге уже показалась очередная немецкая часть, однако мы уже построились в колонну и тронулись с места. Убитых немцев от дороги было не видеть, оба стрелка, пока мы были заняты, оттащили их подальше и бросили в траве. Разве что ещё автоматическое оружие всё собрали да пистолеты. Было четыре МП, один МГ и пять пистолетов, всё, естественно, с боеприпасами. Кстати, легковой вездеход оказался тоже «Мерседесом», но не таким, как выпускались в конце войны, похожими на «Виллис». Так вот, он имел радиостанцию. Длинная антенна покачивалась на корме. Отлично, пока эта машина станет моей штабной. Бабочкина за пулемёт, а Лосев и так всегда при мне, ординарец. Рацию я знал. Как пользователь. Так что пока сам буду с нею играть, на приём можно и Лосева посадить, а когда будет специалист, займею радиста. Да вот обоих связистов заставлю выучить эту специальность, отправив к радистам Михайлова, пусть тренирует. В общем, сам выращу ценных спецов.

Встретились мы с немецкой пехотной колонной как раз у поворота к лесу, тут меня удивила дисциплинированность немцев. Офицер, что двигался пешком впереди, поднял руку, останавливая своих, и махнул, что пропускает нас. Какие вежливые, однако! Бабочкин, что сидел в передовой машине, то есть рядом со мной в «Опеле», лишь благодарно кивнул офицеру, ну и мы, свернув, погнали дальше, пока не ушли в лес. Добрались до первой поляны, свернули на заброшенную дорогу и двинули дальше. Кстати, что делать, пока меня не было, Михайлов, оставшийся старшим в лагере, знал, я отдал необходимые распоряжения, так что неудивительно, что всё было подготовлено к немедленному снятию с места стоянки. Лишь последняя суeta ещё происходила.

Задержались мы ещё на полчаса. Пришлось распределять трофеи. Ремонтники приняли обе передвижные мастерские, они пребывали в восторге от качественного оборудования, станков и материала. Обе машины я сразу закрепил за двумя сержантами-техниками, что теперь отвечали за оборудование в грузовиках. «Опель» тоже ушёл ремонтникам. Автобус приняли медики, водителя выделять не пришлось. Один из фельдшеров, помощников врача, его Раевским Павлом Игнатьевичем величали, умел водить машину. Женщин и детей мы посадили в этот санитарный автобус. Немного тесновато вышло, но ушли все. Врач даже успел провести инспекцию, что есть в автобусе, а чего нет. Кое-что все-таки было, включая инструменты, врачей это порадовало, а то у них фактически ничего не было. У немецких ремонтников мы забрали индивидуальные пакеты, тоже всё передали медикам. Грузовики разгрузили, но ничего интересного там для нас не было, передали миномётчикам, так как колонна старшины ушла недавно, правда мы с ними не встретились, и техники у них не было. После осмотра и заправки удалось запустить оба двигателя, бамперы у машин немного помялись при буксировке, но на ход это не влияло. Выстроившись в колонну, мы покинули лагерь. Топлива хватало. Использовали для танков и грузовиков трофейное. Немного залили, чтобы километров на пятьдесят хватило, потом разбавим уже нашим. Если, конечно, пограничники не оплошают и всё добудут, вся надежда на них.

Кухню к «Опелю» прицепили, а сам я передвигался на легковом, штабном теперь вездеходе. Со мной были Лосев и Бабочкин, они создавали расчёт зенитного пулемёта, Бабочкин стрелок, а мой ординарец – второй номер. Также были оба красноармейца-связиста, мои посыльные. Один сидел у радиостанции в наушниках и слушал эфир, Фомин настроил её на нашу волну, второй поглядывал по сторонам. Машину вёл, естественно, я, никто больше этого делать не умел. Чуть позже нужно будет решить этот вопрос и организовать краткие курсы. Только по вождению, ремонт не требовался. Не стоит зря тратить время. В принципе, вездеход мог вместить ещё одного-двух бойцов, но Лосев забрал все наши вещи, кое-что даже на борту закрепил, так что и те, кто имелся, едва уместились. Реально мы барахлом запаслись. Кстати, о своих вещах я не переживал, ординарец за них отвечал и следил, так что оба моих вещмешка были тут же.

Мы переоделись в свою форму, но немецкую сохранили, может пригодиться. В колонне я двигался пятым. В передовом дозоре были обе «тридцатьчетвёрки» под командованием лейтенанта Вершинина, потом два ЗИСа миномётчиков, моя машина, остальные танки Михайлова, следом ремонтники и санитарный автобус, а замыкал колонну тягач, что тащил поломанную «тридцатьчетвёрку» с развёрнутой назад башней. Она наши тылы прикрывала. К танку была тросами прицеплена зенитка. На неё у меня были свои планы, и теперь, когда я добыл всё необходимое, включая придвижные мастерские, она точно пойдёт в дело. Тех двух зенитчиков я к ней не пристраивал. Они пулемётчиками были из одного расчёта счетверённых «максимов».

Вот-вот стемнеет, нужно было торопиться. Покинув лес, мы въехали на дорогу, прихватив бойца-наблюдателя, и направились прямо. Когда впереди показалась крупная немецкая часть, буквально в шести километрах от опушки, то свернули в поле и тоже встали лагерем. Как только мы встали, миномётчики отъехали в сторону и начали разгружать боеприпасы и готовить миномёты к бою. Курлыкин в сопровождении одного бойца, оба переодеты в трофейную форму, на мотоцикле выдвинулся вперёд, проведя визуальную разведку, ну и готовясь корректировать. Танкисты наводили последний лоск на свои машины. Кстати, лагерь оказался пехотный, машин почти не было, всего с пяток, и в стороне с десятков стояло, и всё, а солдат было куда больше, чем могло вместиться в эти грузовики. Было достаточно много небольших противотанковых пушек, Курлыкин с десятков рассмотрел, однако к бою мы готовились со всей серьёзностью. Естественно, немцы нас тоже засекли, но приняли за своих, на что и был расчёт. В следующий раз такой ошибки они не допустят.

Закончены последние приготовления, миномёты наведены согласно данным Курлыкина на цель, первые выстрелы будут пристрелочными. Заряжающие держали мины в руках, танкисты сидели в открытых башнях, и все смотрели на меня, ожидая отмашки. Всё уже было оговорено, и как только секундная стрелка добежала до нужного деления, я резко опустил руку.

Началось. По плану, к моменту начала боя нас должны были догнать пограничники на грузовиках, но те не успели, а если ещё промедлить, то бой вести придётся уже в полной темноте. Кстати, у Курлыкина был целый ящик трофейных осветительных ракет, так что, несмотря на то что практически стемнело, они будут подсвечивать немецкую стоянку. Так мы и нашим погранцам подсветим, и подскажем, где находимся. К сожалению, связи с ними не было, единственная переносная радиостанция у корректировщиков. Я на дорогу послал бойца, чтобы их встретил. В принципе, те и так должны были нас искать на этой дороге. Так и обговорили, но мало ли. Сломанная «тридцатьчетвёрка» осталась охранять лагерь, и пушка её была как раз направлена в ту сторону, откуда должна была появиться наша колонна. Мало ли кто другой там возникнет из темноты, привлечённый шумом боя.

После моей отмашки заряжающие опустили мины в трубы миномётов, принимая следующие от помощников, а танкисты скользнули в свои машины и закрыли люки. Громко, но не синхронно взрвали дизели машин, однако их шум не заглушил миномётных хлопков. После первых четырех разрывов, подправив прицелы, миномётчики начали работать как на сумасшедшем конвейере. Мне кажется, одна мина не успевала долететь до цели, как в воздухе были ещё три.

Танкисты действовали не менее энергично. Взвод КВ, который вёл сам Михайлов, направился прямо к немцам в лобовую атаку, что с их бронёй было вполне логично, а вот «тридцатьчетвёрки», разделившись по одной машине, стали обходить немцев по флангам, чтобы отрезать от ближайшего леса и расстрелять на поле. Во всех танках были пулемёты, кроме сломанного, тот пограничникам отдали. Поэтому планировалось в основном использовать именно их. Но, ударив по ушам, вдруг ухнуло оружие одного из КВ, которое успело удалиться на полкилометра. Я слушал переговоры в эфире и понял, что наводчик накрыл стоянку противотанковых пушек, где уже суетились некоторые расчёты, и разметал их тяжёлым фугасом. В принципе, по наводке Курлыкина миномётчики уже прошли по этой стоянке и перенесли огонь на крупные скопления противника, что носились по лагерю, и выбили в них огромные бреши. Скорострельность миномётов была такова, что немцы несли просто сумасшедшие потери. На любой их бросок миномётчики тут же реагировали, перекрывая им путь шквалом огня. КВ ещё ползли, а более скоростные «тридцатьчетвёрки» уже достигли лагеря противника и носились по нему, не особо опасаясь наших мин. Это вызвало ещё большую панику. Тем более огромные махины КВ наконец подошли на прицельную дальность пулемётов и открыли огонь. По прикидкам Курлыкина, его напарник одну за другой запускал осветительные ракеты – уже окончательно стемнело, а немцев тут было не меньше полка. Тысячи две точно, хотя, может, и больше.

Мои ремонтники тоже сиднем не сидели и расползлись по дороге, осматривая брошенную технику. Чуть дальше в овраге нашли «тридцатьчетвёрку». Салов, который её случайно нашёл – отлить отошёл, – почти сразу определил, что та не на ходу. Тягачом притащили к нам в лагерь и начали разукomплектовывать. Сняли надмоторную бронеплиту и занялись коробкой. Тут сторели оба фрикциона, и двигатель заклинен, хотя коробка была целой. Обнаруженную радиостанцию Фомин демонтировал, снаряды вытаскивали, как и один из оставленных экипажем пулемётов. В общем, снимали всё, что могло пригодиться. Про грузовики тоже не забывали. Нашли три на ходу, но с сухими баками, другие имели повреждения разной степени тяжести. Тут случилась неожиданная, но приятная находка. В двух стоявших рядом полуторках оказались мины как раз того калибра, что у нас миномёты. Так что обе машины подогнали к батарее и передали Погорелову, обрадовавшемуся дополнительным машинам и боезапасу.

Мины уже подходили к концу, а заявок на обстрел становилось все больше. Лейтенант вёл огонь по разным целям и уже разбил батарею на два взвода, чтобы разом накрывать несколько.

Боевая работа шла, но тут я получил информацию, что с тыла к нам подходит колонна. К счастью, опознались мы нормально – наши пограничники вернулись. Обошлось фактически без потерь, трое раненых – это ничто при захвате пяти складов. Выслушав доклад Волохова о причинах задержки, я отправил его обратно, формировать колонну для немедленного выдвижения. Пока что тот только одну машину с топливом пришлёт, а то у нас баки сухие, и после заправки можно выдвигаться дальше. В принципе с немцами мы закончили, и миномётчики резко прекратили работу. Приказав им сворачиваться, оставили пока один миномет, на случай если надо кого накрыть по заявке, я пронаблюдал за заправкой. Кстати, погранцы сидели на перегруженных машинах кто как: просто верхом на ящиках, на бочках и на вещах. Пришлось у миномётчиков забрать одну из машин, да и третью из последних находок тоже, и передать Волохову, чтобы хоть на них перевозить часть личного состава. К сожалению, больше целых машин на этом участке дороги нам не встретилось. Вернее, нашли Ба-20, лежащий на боку, на вид вроде целый, но механики, что им занимались, всё никак не могли запустить мотор. Попыток много было, да все неудачные. Так и оставили мы этот броневи́к, сняв с него всё ценное, и когда вернулись танкисты, после полной заправки дизельным топливом пошли дальше.

Мотоцикл – единственное наше скоростное мобильное средство – я временно отдал погранцам для передового дозора, и те неторопливо ехали в двухстах метрах впереди, Курлыкин пока вернулся в одну из машин батареи, раз у него забрали средство передвижения, а вот рация осталась в мотоцикле. Один из погранцов умел ею пользоваться, так что с дозором связь у нас была постоянная.

Проехали мимо расстрелянного лагеря. Уйти в лес смогло едва двести солдат противника, по докладу Михайлова. Остальные так и остались на его территории или лежали, частично раздавленные, в поле. Укрыться тут было негде, и танкисты расстреливали мечущихся немцев как в тире. Света от ракет вполне хватало, чтобы вести прицельную стрельбу. Оторвались ребята. Правда, головы не теряли, когда я отдал приказ на возвращение, немедленно двинули к нам. Первую проверку боем они прошли, стоящие ребята.

Двигались мы по тому маршруту, что я проложил, поэтому скоро свернули с главного шоссе на второстепенную дорогу. Это, кстати, было опасно, в белорусских болотах, что нас окружали, не стоит сходить с твёрдой почвы, и фактически в этих краях такая дорога была одна, как раз та, где мы учинили разгром пехотному полку противника. Однако как раз я знал, что делать. Тут воевал один из фронтовиков, и он описал, как вывел из окружения четыре танка, один из которых был КВ. Правда, это была «единица», всё же «двойка» тяжелее, но главное, что дорога есть, и проходимая для тяжёлой бронетехники. Вот сам факт вывода из окружения особо не помог танкистам. Под Минском их всех и сожгли в контратаке.

Кстати, пока двигались, видели множество немецких частей на отдыхе. Те, что ближе к месту боя, ещё нервничали, часть солдат подняли, но нас не пытались остановить, хотя передовой мотоцикл и тормозили, но там погранцы были в немецкой форме. Двое очень хорошо знали немецкий и поясняли, что была уничтожена группировка советских моторизованных сил, которая учинила тот самый бой на дороге и держала целую дивизию практически весь день. Этого объяснения вполне хватало. А так нас в трёх местах останавливали, но дальше уже спокойно было, когда мы километров на пятнадцать удалились от уничтоженного полка. Часовые, естественно, реагировали на незнакомый звук бронетехники, свои-то машины они явно знали, но тревоги не поднимали. Колонна шла равномерно, впереди на мотоцикле по каскам было понятно, что немцы. Если бы мы были Советами, то атаковали бы стоянку, именно так думали часовые, а мы спокойно мимо проезжали, значит, точно свои.

Заметив, что на дороге вроде пока никого нет, а на обочине стоит несколько советских грузовиков, сколько точно, непонятно, я смутные силуэты трёх видел, приказал колонне оста-

новиться. Мехводам – осмотреть технику, водителям машин – дозаправиться при необходимости, остальным разрешил отойти до ветру. Пока колонна отдыхала, ремонтники осмотрели брошенные машины. В стороне отошедшие по нужде женщины обнаружили точно такой же броневик, как у нас был. Проверили – цел. Но без замка, прицела и практически без боеприпасов, что уж говорить про топливо. Однако взяли, залили бензину и поставили в строй, передав его Погорелову как командирскую машину. Остальное добудем. Тот броневик, что нашли первым, я отдал Волохову как командиру пехотной роты, а застава – это фактически рота, начальнику разведки и особисту. Един в трёх лицах.

Кстати, экипаж зря забирал прицел и замок. Неподальёку мы обнаружили две полуторки с сорокапятимиллиметровыми пушками на прицепе и снарядными ящиками в кузове. Там же и боекомплект нашли, и замки и прицелы. Так что довольный Погорелов получил вполне боеготовую машину, только экипаж формировал из своих людей. А то ворчал, стараясь, чтобы я не слышал, что ему всякую рухлядь подсовывают. Теперь у него снова был личный броневик. Правда, рация повреждена, но Фомин обещал вернуть её в строй.

Из двенадцати грузовиков и двух легковушек реанимировать удалось восемь машин, из них лишь одну «эмку», вторую, видимо, с воздуха расстреляли, не кондиция. Вся эта техника была заправлена и встала в общую колонну. Удалось часть груза перекинуть на них, освобождая кузов перегруженных машин, и наконец, пограничники разместились не в полной тесноте, а нормально на лавках. Один грузовик для боезапаса я передал миномётчикам. Теперь у них пять грузовиков и броневик. Насчёт мотоцикла не думал еще. Скорее всего, так у погранцов и останется. Удобный аппарат, нужно ещё набрать таких хорошо проходимых машин.

Когда колонна была почти сформирована и в неё вошла новая техника, ко мне подошёл Волохов. Нужно было уточнить дальнейший маршрут. Расстелив карту на капоте своего внедорожника, при свете фонарика я стал объяснять:

– Смотри, старлей. Мы всё ещё в районе дороги, буквально забитой немецкими частями. Да ты и сам видел, за те двадцать километров мы проехали около тридцати ночных стоянок разных подразделений противника. Сейчас немного в сторону ушли, их тут поменьше будет, однако ухо всё равно нужно держать остро. Как двигаться ночью, ты уже понял. Одно прошу, передай своим бойцам в передовом дозоре, если встретятся фельджандармы – дорожная полиция, они за порядком на дороге следят, по блестящим бляхам на груди их можно опознать, – постарайтесь часть живыми взять. Командира желательно. Тут не все генералы знают, что происходит, а эти полицаи просто обязаны знать, где какая часть находится, чтобы если кто заплутает, возвращать на правильную дорогу. Они мне нужны. Однако специально искать их не требуется. На главной дороге не попались, может, тут найдём. Теперь по маршруту. Двигаемся по этой дороге ещё шесть километров, оставляя деревню по правому борту, и вот тут на развилке уходим влево. Дорога плохая, малоезженная, две колеи фактически, но она ведёт к броду, о котором немцы не знают. Всё остальное перекрыто засадами с пушками и пулемётами. Конечно, мы такой заслон собьём, но потери мне не нужны, по-тихому пройдем, отправив раненых и гражданских в тыл, и когда освободятся руки, уже нормально повоюем. За бродом ещё километров двадцать, и мы окажемся между немецкими передовыми частями и отступающими советскими, там с балластом и расстанемся. Вроде всё. Как видишь, план простой, но в суть посвящать тебя пока не буду, мало ли.

– Думаете, в плен попаду?

– Может быть ещё хуже. Уйдёшь к нашим, и там какому-нибудь полковнику придёт мысль, что у него танков мало, а тут у немцев по тылам гуляет бесхозная группа. Нет хуже врага, чем дурак в своих рядах.

– А у нас она бесхозная?

– По сути да. Мне поставили устный приказ повоевать в тылу немцев. Не уточнив, как и где. Так что я действую на свой страх и риск. Моя цель – немецкие фронтовые аэродромы. Знаешь, какое лучшее средство против авиации противника?

– Истребители?

– Наши танки на их аэродроме. Сигнал, ремонтники закончили. По машинам!

Мы заняли свои места, и я приказал выдвигаться. Снова впереди мотоцикл, а за ним «Опель» с десятью пограничниками – наш увеличившийся головной дозор. А следом и сама колонна, также приросшая несколькими единицами техники. Чуть позже, буквально в трёх километрах нам встретилось сразу два КВ, сиротливо стоявших на обочине с открытыми люками. Но остановиться мы не могли, хотя смотрели на них с жадностью. Однако рядом остановилась на ночёвку крупная немецкая часть, так что проехали мимо. Попыток остановить не было, хотя дежурные вышли к обочине и фонариками освещали проезжающие машины, но к счастью, обошлось без эксцессов. Тем просто не могло прийти в голову, что достаточно крупная советская часть движется мимо них. А мы именно так и делали. Да и в пользу того, что это всё же немецкие солдаты на трофеях, говорило то, что мы их не атаковали. Ну как тут можно не атаковать стоящий на ночёвке и не ожидающий нападения воинский лагерь? А мы проехали, хотя танкисты Михайлова с трудом себя сдерживали. Вот тут ошибок допускать нельзя, до брода не так далеко.

Как оказалось, лагерь немцы устроили неподалеку от места боя, дальше мы обнаружили позиции советских артиллеристов. Они лежали тут же, на своих позициях, их никто не убирал, и со множеством стрелковых ячеек линии обороны. Много было не пустых. Всё это было перемешано воронками с землёй. Я не видел, погранцы бегали, осматривали, потом доложили. Сказали, что наши успели подбить два немецких танка, но убитых немцев не нашли, видимо, убрали. Дорожное полотно на месте боя немного пострадало, но всё же мы проехали, тем более тут кто-то не так давно проводил ремонт, мы даже нашли следы танковых гусениц. Нет, не немецких, хотя и они были, чётко выделялись следы КВ. Интересно, это случайно не группа капитана Якимова? Того самого фронтовика, что рассказывал, как смог прорваться к нашим? Вполне возможно, как раз ночь с двадцать пятого на двадцать шестое. Да, сходится, это он. Думаю, нам его не догнать, у того несколько часов форы, так что двинем и дальше на средней скорости. Время, как ни странно, играет на нас.

До брода мы добрались, фактически повторяя маршрут капитана Якимова. Разведка перешла на другую сторону и кодовыми сигналами фонарика подтвердила, что пусто, немцы не устроили засаду. Конечно, есть очень хитрые немчуры, что засады устраивают чуть дальше, чтобы не насторожить наших раньше времени, а когда на берегу скопится большая часть бойцов, открывают шквальный огонь из пулемётов, миномётов и, если есть, пушек. Тут немцев точно не было, погранцы проехали по малозаметной дороге, и по местам возможных засад пробежались. Никого.

Я не сильно опасался, что танки разобьют дно в речке, поэтому они первыми и прошли. Брод тут искусственного происхождения, как мне пояснил в будущем полковник Якимов, сапёрный батальон их дивизии укреплял тут дно щебнем, поэтому он о броде и знал. Погоняли через него машины, щебень и улёгся, а воды едва полметра в самом глубоком месте. Так что когда прошли танки, я проехал за ними и, свернув в сторону, наблюдал, как проходят брод грузовики и броневики. Хорошо проходили, водители следовали приказу – пока следующая машина не выберется на берег, в воду не съезжать. На нашем берегу колонна снова формировалась. Наконец, речку преодолел тягач, что продолжал тащить на буксире «тридцатьчетвёрку» и зенитку, и, снова встав сразу после танков, я отдал приказ продолжить движение. Немецкие части нам по-прежнему попадались, но куда реже, чем у главного и единственного здесь шоссе. Ближе к передовой все удобные места стоянок, я был уверен, заняты. Было бы у меня побольше танков, я бы рванул по дороге, круша всё и уничтожая. Ну, километров десять точно

бы прошёл, считая всё, пока не нарвался бы на успевший проснуться и подготовиться заслон. Немцы уже научились использовать «ахт-ахт» против наших средних и тяжёлых танков и держали их в передовых частях, так что преимущество наше в этом случае таяло, при правильном применении зениток – фактически до нуля.

Следующие тридцать километров мы ехали без остановок, на это ушло больше двух часов. Немцы встречались, но всё меньше и меньше. Видимо, это вырвавшиеся вперёд части. Фельджандармы так и не встретились, что было обидно. Под конец, когда немцев становилось меньше, нашу передовую группу дважды останавливали. Дежурные поясняли, что дальше русские и ехать опасно. Мы поясняли, что собран специальный отряд из танкистов полка «Бранденбург» на трофейной технике для наведения паники в тылах Советов, и его сопровождают. Кстати, не впервые давали такое объяснение, может, поэтому нас и не останавливают. Передали по радиации дальше, и все дела. Хотя вряд ли, в штабе армии должны были бы знать о такой группе. Скорее всего, просто объяснение проходило. Интересно, Иванов, используя такой же способ, добрался до наших или нет? Тут опасны не немцы, а больше свои, всё же на трофейной технике едем.

Когда я заметил, что вот уже пять километров как нам никто не встречается, то приказал передовой группе в случае обнаружения брошенных танков встать рядом для отдыха. До рассвета ещё около двух часов, успеем. Техника на обочине нам мало попадалась, поэтому я решил вернуться к главной дороге. Поворот был недалеко, и мы свернули, куда нужно. Это помогло, действительно стало встречаться много техники – горелой, в окружении воронок, или просто брошенной. Обнаружив на дороге в одном месте сразу пять КВ и несколько «тридцатьчетвёрок», сперва один КВ и одну Т-34 нашли, а потом и остальное обнаружили, мы встали. Пока ремонтники осматривали бронетехнику, я направился к голове колонны. Сюда подъехали грузовики с гражданскими и санитарный автобус. Кстати, его я отдавать не собирался, да и другие машины тоже, поэтому и наблюдал, как пассажиры высаживаются из машин. Причина была проста: удалось найти автобус той же марки, сейчас его заправляли и проводили обслуживание. Ремонтники «Опелем» притащили на буксире Ба-20 и также ставили его на ход, двигатель успели запустить, проверяли, как передвигается. Этим пулемётным броневином планировалось охранять колонну. Чуть позже пригнали найденную полуторку, и на этом всё, машин хватало. Врача я отпускал. Он гражданский доктор. Да и остальных. Автобус пока принял санинструктор с заставы Волохова, но это до того момента, пока военврача не найдём. Старшим колонны я назначил следователя из погранотряда. Жаль было расставаться с профессионалом, но из-за ранения ноги тот пока особой ценности не представлял. Однако был в сознании и командовать мог, хоть и лёжа. Отобрал себе зама посмышлнее, мало ли его растрясёт, я проинструктировал водителей, как передвигаться днём, и мы заправили машины под пробку. До Минска точно хватит, но я велел объехать его и двигаться дальше, после чего стал составлять рапорт на имя командующего фронтом. Будет возможность, передадут. Там описал момент формирования мангруппы и проведённые боевые действия. Причём все. Описал, как дальше будут действовать немцы, чтобы Павлов не совершил тех ошибок, что ему приписывали в разных мирах. Дал небольшую характеристику таким мангруппам, как моя. Пусть думают. Хотя фронт валится, так что не до них.

Наконец всё было готово, Лосев запечатал мне пакет, и я вместе с запасным планшетом передал его лейтенанту Баюнову, старшему колонны. Тот обещал при возможности передать пакет представителям штаба фронта. После этого прошло короткое прощание, мужья прощались с жёнами и детьми. Врач проверил, как там раненые в полуторке, после чего прошёл в автобус, часть гражданских, жёны командиров и их дети, уже сидели в автобусе, после чего последовал сигнал, и колонна скрылась в ночи.

С момента остановки колонны прошло порядка сорока минут, и за это время ремонтники успели многое. Осмотрели всю доступную технику и сообщили, что два КВ и три «тридцатьчетвёрки» вернут в строй быстро, вот с остальными придётся повозиться.

Выделенные мехводы для перегона техники осваивали восстановленные машины. Михайлов за эти сорок минут подобрал экипажи только для обоих КВ, это были «единицы», а вот Т-34 пока получили только мехводоы. Ладно, хоть столько найти удалось, а то спецы всё же дефицитные.

Подсвечивая фонариком карту, я стоял у капота своего внедорожника, изучая дальнейший маршрут, когда подошёл Волохов. Он был немного смурной после прощания с женой.

– Какие наши дальнейшие действия, товарищ майор?

– Уйти в тихое место и затаиться, пока немцы проходят мимо. Западные области мы уже практически покинули, на границе находимся, так что можно тут работать свободно. Если что, местные жители помогут. В смысле информации. Хм, вот тут рядом крупный лесной массив, с одной стороны к нему подходит болото, но как базовый лагерь для нас он годится. Да и дорога тут есть. Уйдём в лес и встанем лагерь. Пока темно, нужно использовать все возможности для эвакуации брошенной техники. Часть сейчас возьмём на буксир другими танками, часть вывезем позже. Мне нужно сформировать полноценную танковую роту, не меньше пятнадцати машин, тогда можно творить реальные дела.

Через двадцать минут колонна, увеличившаяся на несколько единиц бронетехники и шесть грузовиков, в которых обнаружили боезапас для танков, включая «двойки», двинула дальше. Когда появилась нужная развилка, мы ушли в лес и долго двигались по нему, пока не добрались до смолокурни. Именно тут мы рассредоточили технику. Поляна не сказать что большая, но всё же смогли сгруппировать технику по краю так, чтобы не мешала. Отдельно устроился ремвзвод и тут же занялся «тридцатьчетвёркой», что мы таскали на буксире. Обещали за два часа управиться, заодно модернизировав её двигатель. Да и остальным нужно поставить масляные и воздушные фильтры и провести комплексное обслуживание. Этой ночью техника хорошо потрудилась.

Повар сообщил, что обед готов, или ужин, попробуй, пойми. Так что наш интендант Крапивин сразу же озаботился выдачей посуды. Пограницы со склада вещевого имущества вывезли целый грузовик всякой всячины, больше машин не могли выделить. Солдатских котелков там хватало. Пока выделяли только их, кружки и ложки, да ещё в смазке, но остальное позже. У бойцов многого не хватало. Вон, у двенадцати пограничников были немецкие ранцы за неимением сидоров. Конечно, они вполне удобны, но лучше использовать своё снаряжение.

Счастливицы, получившие новые кружки, котелки и ложки, направились к роднику, чтобы отмыть их, а те, у кого посуда уже была, забирали горячее. Повар расстарался, были щи и каша на мясе. Откуда свежая капуста и картошка. Скорее всего, овощи нашли в одной из брошенных машин, другого объяснения у меня не было, нужно будет уточнить. Чай, само собой. Жаль, женщин и детей горячим не покормили, они раньше уехали, зато выдали им сухпай каждому, дня на три хватит. Крапивин расстарался, у него теперь был персональный автомобиль, никому не нужная «эмка», он ею сам управляет. А вот я за едой не ходил. Лосев и один из посыльных принесли пять котелков и кружки с чаем на всех. За вторым потом сбегает. Кстати, у посыльных ранее посуды не было, только что получили и отмыли. Да и сидор был один на двоих. Реально часть бойцов придётся доукомплектовать, но для этого мы снаряжение и вывезли со склада, чтобы не знать проблем в дальнейшем.

Через час после прибытия охрана лагеря была организована толково: на дороге в засаде танк, на случай если сюда немцы сунутся – в общем, со всех сторон подготовились, и я дал отбой, слишком все устали. Тягач, освободив от буксируемой зенитки и танка, посылать к дороге за остальной техникой я не стал, совсем рассвело, не хотелось, чтобы его застали там наши или немцы. Кстати, ещё четыре танка нам удалось вывезти, буксируя их другими тан-

ками. Это был КВ, тоже «единица», и три «тридцатьчетвёрки». Танки других моделей там тоже были, причём больше, чем вот этих, самых современных и новейших на данный момент в РККА, но мы их пока не рассматривали, хотя пару БТ как разведчиков я бы прибрал. Быстрые и скоростные танки нам быгодились. Только авиационного топлива, на котором работают их двигатели, у нас не было, я приказал брать обычный бензин для грузовиков и дизельное топливо. У нас их четыре грузовика осталось, из двух уже использовали. Прожорливая у меня техника.

Перед отбоем я собрал всех командиров, дежурным назначив политрука Юрченко. Тот за время движения колонны умудрился выспаться в кабине одной из машин и выглядел более или менее свежим. Я назначил время подъёма на двенадцать часов дня и распределил задачи и приказы по группам на следующий день. Естественно, танкистам и ремонтникам – как можно быстрее приводить технику в порядок, миномётчикам – привести матчасть в порядок, пара тренировок и заняться повседневными делами. Для них работы на завтра пока не было. Вот погранцам отдельное задание. Охрану лагеря в принципе можно и на миномётчиков скинуть, тут главное, чтобы погранцы научили их на часах стоять. Нужно отправить несколько групп на опушку для наблюдения за обстановкой. Потом сформировать пять-шесть диверсионных групп, по три-четыре бойца в каждой, не более. Задача таких групп: удалившись от нашей стоянки, лучше километров за двадцать, творить диверсии на транспортных коммуникациях противника. Пока их тут не было, но когда наши выйдут в места предполагаемого совершения диверсий, они там уже будут. Задача у них простая. Совершить несколько прицельных выстрелов по колоннам противника и немедленно отходить. Требовалось стрелять бронебойными по двигателям машин, зажигательными по топливным бакам или канистрам. Ну, и расстреливать водителей. Ценных специалистов. То есть следовало уходить, сделав несколько залпов, в данном случае выпустив обойму, у погранцов были самозарядки, пулемёты я приказал не брать. Продолжать обстрел я категорически запретил. Волохов, конечно, заинтересовался таким необычным способом, да и остальные командиры были удивлены.

– Поясню, почему нет, – легко согласился я. – При таких булавочных уколах, а лучшего определения не найдёшь, можно частично блокировать движение колонн на некоторых участках дороги. По инструкции немцы во время обстрела должны остановиться и, открыв ответный огонь, прочесать местность. Это боевые части, тыловые обычно пытаются проскочить. Помимо того что будут повреждены один или два автомобиля, возможно, убито несколько водителей, или даже загорятся топливные баки, колонна будет стоять. Час, возможно более. Двинет дальше и попадёт под обстрел уже следующей группы и снова встанет – машины станут не хватать, грузы и солдат придётся пересаживать в следующие машины. А те и так не пустые. Ну, или отправлять пешком. То есть так можно блокировать дороги до такой степени, что немцы могут вообще встать. Повторю, обстреливать только авто- и бронеколонны. Конечно, количество диверсионных групп у нас будет невелико, чтобы блокировать дорогу, но крови немцам они попортят немало, поверьте. Одно могу я сказать точно, продвижение немцев дальше на восток при таких действиях сильно замедлится, что позволит нашим войскам откатиться дальше и создать нормальную оборону. А то они окопаться не успевают. Так мы выиграем время, необходимое нашим войскам. Диверсии совершать в течение шести дней. После чего нужно вернуться к нам на базу. Через семь дней мы её покинем.

– Товарищ майор, мы проехали три ночные стоянки наших войск. Будем с ними взаимодействовать? – поинтересовался Михайлов.

– Нам наши встречались? – удивился я. – Почему мне не сообщили?

– Мы их тоже не сразу опознали, товарищ майор, – вздохнул Волохов. – Поди пойми в темноте, наши это или нет. Уже когда танки осматривали на дороге, я отправил разведчиков на мотоцикле в сторону последней попавшейся стоянки, чтобы от немцев к нам любопытные не

пришли, а выяснилось, что это наши. Хорошо, до стрельбы не дошло. Оpoznали их издали и отъехали.

– В следующий раз докладывайте о таких встречах сразу, – достаточно строго велел я. – Ладно, задачи поставлены, интенданту завтра заняться оснащением диверсионных групп, сухпай выдать на семь дней, патронов по триста штук на каждого. Пусть отберут себе нужный боезапас. А теперь отдыхать, товарищи, заслужили.

Когда я проснулся, в лагере уже шла интенсивная работа. Погранцов не было видно, как оказалось, после плотного завтрака они уже разбежались. Тут Волохов командовал, который остался в лагере и отвечал за его охрану, ну и принимал сообщения от наблюдателей на опушке, они уже находились на постах. Спал я до часу дня, дал себе лишний час. Моего присутствия при работах не требовалось, командовал старший в лагере Волохов, так что всё в норме. После завтрака, который принёс Лосев, я умылся и, побрившись, проверил состояние дел. Ремонтники и танкисты активно занимались обслуживанием танков, скоро ещё два в строй вступят, формировались экипажи из безлошадных танкистов, те осваивали новые для себя машины. Из «тридцатьчетвёрок» было решено сформировать два взвода, по четыре машины в каждом, и тяжёлый взвод из пяти КВ. Норма. Ещё одну «тридцатьчетвёрку» приберёт для себя, у меня были мысли насчёт неё и той самой зенитки, что я так и таскал собой.

Крапивин уже выяснил, кому чего не хватает, и занимался выдачей имущества бойцам. Миномётчики приводили себя в порядок, кто шаровары зашивал, кто новую гимнастёрку подгонял и прикреплял петлицы. Все занимались делом, это не могло не радовать. Теперь по остальному. Из грузовиков вытаскивали тяжёлое стрелковое вооружение, это я про ДШК, боеприпаса к нему тоже хватало. Было вывезено двенадцать этих пулемётов, все зенитные, не пехотные машинки. Первым делом я сформировал зенитный взвод, отправив осваивать машинки тех двух зенитчиков, они пока становились единственными членами расчётов, занимая все должности одновременно. Выделил две полуторки, и один из ремонтников с помощью зенитчиков стал устанавливать треноги в кузовах. Помимо этого по одной зенитке получили миномётчики и пограничники, они уже сами формировали расчёты и устанавливали пулемёты в кузовах. Оставшиеся восемь пулемётов я передал танкистам на башни. Шкворни для этого имелись. Оружие хорошее, в бою или при отражении воздушного налета пригодится.

Насчёт зенитчиков я пока ничего сделать не могу. Будут люди, пополним расчёты, а пока один боец на один пулемёт. Водители для машин были, но нет командира взвода, ничего пока нет. Фактически только материальная часть и минимум личного состава.

До трёх часов я ставил новые задачи и проверял выполнение. Убедившись, что всё идет согласно разработанным мной планам и графикам, сам переоделся в комбез техника и стал работать. Нет, ремонтникам я не помогал. Просто тягач оттащил одну из «тридцатьчетвёрок», что была не на ходу, в сторону, к одной из передвижных мастерских, и я стал творить. Первым делом снял башню, убрал её в сторону, после чего отпустил тягач, он мне не одному был нужен, и, достав сварочный аппарат, мощный, хороший, стал резать лобовую и бортовую броню. Думаю, кто-то уже понял, что я собираюсь переделать танк образца 1940 года с пушкой Л-11 в самоходку по классификации сорок третьего года, Су-85. Для этого мне и нужна была зенитка. Думаете, не получится? Ха, мы уже пробовали это делать в сорок пятом. Правда, сейчас у меня нет тех мощностей, как на заводе, но даже на коленке сварить нужное чудо-юдо я смогу. Тут беспокоило только одно, передние диски ходовой части не рассчитаны на такую массу, стоит их усилить. Я уже подумал, как.

К вечеру я закончил уродовать корпус танка. Многие ремонтники, бегая по делам, удивлённо разглядывали изувеченный корпус. Закончив, я достал схему с набросками Су-85, мерками проверил разрезы и, удовлетворённо кивнув, стал сваривать каркас. Из корпуса уже всё вытащили, включая систему управления, вот её нужно переделывать, мехвод теперь чуть выше

будет сидеть. Дальше я занялся зениткой и фактически разобрал её. На этом всё, начало темнеть. Завтра башней займусь, извлеку маску пушки, переварю её под ствол зенитки, ну и будем сшивать. Нужно сделать боевую рубку самоходки. Причём с командирской башенкой. Самому варить мне её лень, на коленке ровную не сварю, значит, будем заимствовать у немцев. Между прочим, до обеда по дороге шли наши войска. Пару раз они попадали под налёты. Были потери, и большие. Под вечер появилась механизированная колонна противника. Пятью километрами дальше по дороге её встретила спешно возведённая нашими войсками оборона, там бой был. Почти два часа шёл. Немцы не смогли с ходу сбить заслон и встали на ночёвку, отойдя немного в тыл, а наши, как доложили разведчики, пользуясь темнотой, ушли. На месте боя стояло шесть подбитых танков, из них одна «четвёрка» и две «тройки», остальные лёгкие, так что нужные детали было где позаимствовать.

Узнав от разведки, что немцы встали в трёх километрах от места боя, я отправил к подбитым танкам группу ремонтников на «Опеле». Разведчики их провели так, что подъехали они к танкам, не привлекая внимания немцев. Дальше натянули брезенты вокруг башни первой машины, и единственный среди ремонтников сварщик, кроме меня, конечно, стал вырезать люки и командирские башенки. Работали они тихо и незаметно, брезент помогал, два слоя скрывали вспышки резака. Кстати, люки для моей самоходки я два собирался в бортах боевой рубки врезать.

Утром выслушал доклад о ночном рейде – все вернулись благополучно – и о том, что вся ближайшая дорога забита медленно движущейся техникой и пехотой противника. Я отдал несколько приказов и продолжил заниматься своей самоходкой. Постепенно мы возвращали в строй танки, осталась одна «тридцатьчетвёрка», запчастей к ней не хватало. Кстати, как и у моей самоходки, у неё двигатель запорот был. Уже извлекли, но нужен новый, рабочий. Так что следующей ночью ремонтники отправятся за брошенной техникой. Что-то эвакуируют, мне броня нужна для рубки, с чего-то снимут нужные детали. Кстати, обе командирские башни – себе я отложил – поставил на «двойки» по просьбе Михайлова. Если будут ещё, оснастим и остальные машины. Кстати, прицелы с немцев тоже были сняты, они гораздо лучше тех, что имелись у нас, и оружейник сейчас думал, как их приспособить к нашим пушкам. Один такой прицел я за собой зарезервировал.

Эти семь дней я как раз и выделил для того, чтобы закончить с формированием группы и её оснащением, самоходку я делал уже для себя. Командирской машиной будет, радиостанцию с танков подбитых сняли, собрали из трёх. Все ремонтники и техники её осмотрели, обмениваясь мнением, что такое я делаю. Я не подсказывал – ещё чего, сделаю, увидят и оценят. Кстати, в найденной ремонтной летучке нашлась канистра с краской. Так что машины подкрашивали, а так краску я забрал себе. Мне позже новую технику в порядок приводить, чтобы глаз радовала.

Постепенно ремонтники освобождались и стали помогать мне. Танкисты проводили тренировки экипажей и нетерпеливо ждали, когда же снова найдётся работа для них, а мы работали. Наконец мы сшили рубку, тягачом подняли, и закрепили пушку вместе с маской, сварщик наживил, после чего стал варить, когда я убедился, что пушка встала как надо. Лобовая броня с люком мехвода уже была сварена на месте. Осталась крыша и задняя стенка, вот и всё. Это было на пятый день, за следующие сутки мы сварили и крышу, и заднюю стенку рубки. Наверх вело два люка для эвакуации, через мою командирскую башенку и вторую над заряжающим. В бортах было ещё два люка для эвакуации, трофеи использовал. Наводчик должен был или через них, или следом за мной вылезать. Последним мы закрепили ДШК, и только потом, когда все внутренние работы были закончены, стали готовить ниши для боезапаса, крепили сиденья, Фомин и ещё один радист пробрасывали проводку ПУ и крепили плафоны освещения. Двигатель, модернизированный нами, уже стоял на месте. Аккумулятор свежий, баллоны заряжены. Теперь свежеекрашенная самоходка сохла – с новенькой красной звездой и номером

«001» на рубке белой краской. На ходу перед покраской пробовали, хорошо себя вела, хотя немного и ныряла вперёд при движении, при торможении даже клевала, но это всё допустимо. Конечно, пушка была не та, что использовалась в самоходках, чуть короче, но и с ней неплохо, главное, дульный тормоз имелся. Нужно будет попробовать, как она ведёт огонь. Мы пушку жёстко закрепили, но мало ли сорвёт с платформы. Проверять нужно.

Вот танкисты разочарованно ходили вокруг самоходки. Они поняли, что это лишь платформа для более крупной пушки. Я же так и назвал её: Су-85 – истребитель танков. Экипаж четыре человека: я командир самоходки, наводчик – красноармеец Лосев, заряжающий – Бабочкин, и выделенный мне Михайловым постоянный мехвод младший сержант Огнев, невысокий, немного нескладный девятнадцатилетний парнишка с грустными глазами. Правда, водил самоходку при испытании он классно, тестировал её на разных скоростях и при торможении. Лосев стрелок так себе, да он вообще из пушки не стрелял, поэтому я планировал меняться с ним местами. Удачный опыт такого обмена у нас был. Думаю, лучше меня танкового наводчика в моей мангруппе не было. Опыт им нужен, опыт.

Именно его я им и собирался дать. Тем более диверсанты наши уже начали возвращаться. Из семи групп вернулось шесть, хотя срок и вышел, седьмой день идёт, вчера вернуться должны были. Волохов тревожился, как бы не пропали парни. В докладах командиров других групп были описания, как их гоняли, уходили чудом. Правда, моя идея нашла подтверждение в действиях таких групп. Движение было серьёзно затруднено, целые роты выделялись для прочёсывания тех мест, откуда велась стрельба. Потери немцы тоже несли неслабые. У погранцов все отличные стрелки ушли в тот рейд, что ни выстрел, то попадание, а огонь вели прицельный, не очередями, так что, думаю, понятно, почему немцы были такими злыми. Кстати, к нам одна группа сунулась, на трёх машинах и мотоцикле, и сгинула. Обе машины были уничтожены, раненых добили и утащили в лес, а вот мотоцикл целёхонек, трофеем нашим стал. В принципе на этом всё, формирование мангруппы было закончено, она усилилась за счёт мелких групп окруженцев. Наконец зенитный взвод был сформирован полностью, нам даже повезло, что попались настоящие зенитчики. Правда, средних командиров там не было, старший сержант ими командовал, но должность командира взвода он потянул. Даже военврач теперь есть.

Всего к нам присоединилось почти пятьдесят человек, разрозненные группы окруженцев. Когда в одиночку, когда небольшими группками, они выходили к нашему лагерю. Одна группа из трёх бойцов вообще проскочила было мимо, но наткнулась на изувеченные останки двух машин и присыпанные листвой тела немцев. Двинулись в сторону и увидели замаскированный ветвями танк на лесной дороге. Там их уже часовой окликнул. В общем, ценное приобретение. Один радиотелеграфист из штаба корпуса, второй – повар комкора, ну и боец комендантского взвода. Штаб корпуса был уничтожен внезапной атакой мотопехоты противника, усиленной танками. Выжить удалось единицам. Кстати, большая часть окруженцев выходили к нам на дым кухни, на запах то бишь.

Распихав бойцов по специальностям, остальных я определил в зенитный взвод, всё равно не хватало бойцов, а тут хоть подносчиками будут. Командиры расчётов и комвзвода усиленно их тренировали. На вид вполне боееспособное подразделение, а как в действительности, на деле посмотрим.

– Сигнал, – кивнул я Лосеву, который держал в руках ракетницу, сидя в люке самоходки. Сам я выглянул из командирской башенки.

Вспыхнув, зелёная ракета вознеслась в голубое небо, и тут же взревели модернизированные дизели полутора десятка танков и одной самодельной самоходки. Началось веселье. Началось то, к чему мы всё это время готовились.

Семь дней как проклятые мы вкалывали, создавая из ещё не сбитых подразделений боееспособные части. Готовили технику и людей. Дважды в день, утром и вечером, я устраивал

игры для командиров, миномётчики Погорелова натаскали песка с карьера, наделали макетов из деревяшек, тут бойцы взвода помогли. Вот и получилась игровая площадка, на которой мы и тренировались. Пришлось натурально бить прутиком по рукам некоторых командиров, чтобы до них дошло. На все возражения, что так не воюют и это не по уставу, отвечал, что уставы пишет война, а сейчас она совсем другая. Не та, что была двадцать лет назад. Честно говоря, я бы их предпочёл бить не по рукам, а по мягкому месту, через задницу у нас в России всё куда быстрее доходит. Под командирами я подразумеваю не один только средний состав, а также всех командиров танков и подразделений. Пусть тоже впитывают бесценный опыт фронтовиков, воевавших четыре года с этими нелюдьми. Именно его я и передавал, буквально вбивая в голову. Самое главное, всё же удалось убедить, что воевать нужно с умом, танки – это не кавалерия, наскок тут не требуется. Танк – это что? Это лишь платформа для пушки и двух или трёх пулемётов. С учётом того что часть ДШК были установлены как раз трёх. В общем, я учил бить немцев из засады, часто меняя место стоянки, чтобы противник не пристрелялся. Это на случай, если в засаде несколько танков. В одиночном же бою нужно закопаться поглубже и стрелять очень точно. Отходить только при многократном превосходстве сил противника. А лучше вообще удар – отскок.

За эти семь дней мы собрали из брошенной в округе техники усиленную танковую роту, восстановив немало грозных боевых машин. Теперь у нас было два взвода тяжёлых танков – это четыре КВ-1 и три КВ-2, из них два КВ-2 и один КВ-1 имели командирские башенки. Мы их собирали на местах боёв. А один раз ещё ремонтников в ножи взяли, с обрабатываемых ими танков срезали эти башенки. Также имелось два взвода «тридцатьчетвёрок», по четыре машины в каждом. Командирские башенки были только у взводных, мало их удалось за это время найти. Один ДШК стоял на моей командирской самоходке, остальные семь на четырёх «тридцатьчетвёрках» и трёх КВ. Радиофицированы были все машины. Где изначально не было радиостанций, ставились с других брошенных или подбитых машин. Тут радиотелеграфисты изрядно постарались, молодцы, приказ выполнили. Поэтому у всех машин и блестели, покачиваясь, длинные радиоантенны. Кстати, побитый лейтенант Сергеев всё же пришёл в себя и теперь командовал одним из взводов. Несмотря на жёлтое от застаревших синяков лицо, военврач дал добро. Кроме синяков, серьёзных травм у него не было. Похоже, усиленное питание и отдых сделали своё дело.

Плохо, что одна диверсионная группа не вернулась. Тревожился за них не только Волохов, но и я, всё же теперь они считаются моими людьми. Да и в рейд именно я их отправлял, мой приказ выполняли. Похоже, тройка пограничников попала под прицел немцам, и нам их не дожидаться, реально жаль парней. Однако, несмотря на это, Волохов о своих обязанностях не забыл. Проверял всех окруженцев, что на нас выходили. И ведь не зря, вычислил одного засланца с плохой подготовкой. На мелочи засыпался. Допросили и стрельнули. Тот на допросе указал места двух засад, куда должен был вывести под огонь пулемётов ту группу, с которой шёл. Это уже не немецкий агент был, наш предатель. Бывший красноармеец, попавший в плен в первый день войны, сам сдался, охотно согласился работать на немцев и попал в их разведку. Небольшая легенда, и вот он бродит с группами окруженцев по немецким тылам. Эта группа из двенадцати человек, с которой он шёл, уже шестая за эти дни. Остальных вывел под пулемёты. Самое противное, ладно бы он был западником, из Подмоскovie, паскуда.

Волохов всё же выполнил мою просьбу, и когда его наблюдатели засекли мотоциклистов с бляхами, что ехали по дороге, то сопровождали их до перекрёстка, там те и встали постом, ну а ночью их взяли. Четверых из шести под нож, двух приволокли к нам в лагерь. Так мы обогатились ещё двумя мотоциклами с люльками. Да ещё с трофейными пулемётами. Кстати, немецкие автоматы я велел отдавать нашим танкистам, меняя их на карабины. Уже в пяти экипажах часть бойцов имели эти автоматы. Кроме командиров и мехводов, у них были пистолеты или револьверы. После этого погранцы, передевшись в немецкую форму и с бляхами на шее,

покрутились по дорогам вокруг нашего леса, проводя разведку. Их никто так и не остановил, а «коллегам» они лишь руками махали, не останавливаясь.

Фельджандармов погранцы взяли на шестой день нашего пребывания в лесу. В тот же вечер, выполняя мой приказ, они скатались на разведку. В люльке второго мотоцикла сидел переодетый Михайлов. Он проводил рекогносцировку. При допросе старшего поста удалось разговорить быстро. Второй, которого допрашивали отдельно, всё подтверждал. Так вот, меня интересовали все немецкие части, что находились в округе, но главное – это, естественно, полевые аэродромы люфтваффе. Ближайший три дня назад расположился в семнадцати километрах от нас. Немцы в воздухе висели постоянно, мотаясь туда-сюда, мы уже на них и внимание перестали обращать, лишь зло кривились, когда слышался очередной гул моторов бомбардировщиков. За это время мы очень мало видели наших самолётов, фактически их не было. Кстати, где-то в этом районе Севка расстрелял семью поляков, обнаружив в их сарае ещё живых, но изуродованных и покалеченных лётчиков. Жаль, я не знал, где именно, сам бы их на гусеницы намотал. В лагерь за всё время к нам вышло всего два летуна, экипаж со сбитого СБ. Штурман да пилот. Вроде их тут достаточно бродить должно, но вот нам так везло, за всё время с начала войны всего двое.

Теперь по немецкому аэродрому. Узнав, где он находится, я дождался, когда разведгруппа переоденется в трофейную форму – Михайлов пулемётчика в коляске изображал, и отправил их осмотреть. Те с полчаса в километре от аэродрома стояли, делали вид, что ужинают, ну, а командир нашей танковой роты эти полчаса зарисовывал расположение аэродрома, количество самолётов, где расположен личный состав, ну и из чего состоит оборона. Всего две батареи зенитных скорострелок. Я реально собрался навестить этот аэродром. Потом разведчики скатались к другим целям, но долго там не задерживались, мало ли распознают в них переодетых наших. Вроде не должны, все подстрижены ровно, выбриты, форма чистая, подогнанная. Хоззвод расстарался.

Дорога до аэродрома была разведана, можно было шесть километров пройти лесом, остальные одиннадцать уже по открытой местности. Большая часть немецких частей шли по главной дороге, а разведчики проверили тот путь, что проходил больше по просёлочным дорогам. Немцы там встречались, но небольшими моторизованными подразделениями. Помимо этого разведка проверила ещё несколько жирных целей. Всё соответствовало показаниям немецкого полиция. Актуальной эта информация была вчера и будет сегодня, а дальше уже нет. Немцы прут вперёд, и часто требовалось уточнять, где находится то или иное подразделение. В общем, сегодня нужно действовать, завтра и в последующие дни будет поздно, передислоцируются.

Наши тыловые подразделения под охраной одного из пушечных броневикумов уже покинули лагерь, чтобы передислоцироваться в соседний лес. К сожалению, километров сорок им придётся двигаться по открытым полям, но впереди будут наши в трофейной форме на двух мотоциклах, пара трофейных машин и передвижные мастерские, так что небольшая маскировка присутствовала. Один из погранцов в форме фельдфебеля, что ехал на мотоцикле, на случай встречи с немцами должен был выдать на немецком универсальную отговорку. Мол, сопровождаем диверсантов до передовой, а те дальше в тыл к Советам сами двинут на трофейной технике. Мы даже накарябали сопроводительные документы со всеми положенными метками. Лишь оттиски печатей были самодельные – орлы от трофейных монет. С метками нам помогли фельдполицай, перед тем как мы их шлёпнули. Пленные нам не были нужны.

Утром после подъёма и завтрака, когда только начало рассветать, мы и двинули. Тыловая колонна под командованием интенданта пошла в назначенное место, им требовалось пройти без малого пятьдесят километров, оставляя Минск слева, ну а мы в эти сутки должны были хорошенько повеселиться. К тому и готовились. Причём без горячего, кухня с тылами ушла, сухпаями будем питаться. Наш рывок в предрассветной дымке мало кого насторожил или уди-

вил. Кто ещё тут может двигаться, кроме своих. Тем более перед колонной шло два мотоцикла с пограничниками в трофейной форме. Мы действовали так же, как и бойцы в тыловой колонне.

К аэродрому мы немного опоздали, он уже активно работал, самолёты небольшими группами взлетали и садились, но цель всё же жирная была. По примерным прикидкам, тут было около сотни самолётов, из них примерно шестьдесят бомбардировщиков, около тридцати штурмовиков, остальное истребители. Аэродром находился в двух километрах от лагеря, через поле. Пограничники проверили, сухое. Танки легко пройдут. На виду, без какой-либо маскировки, располагались ряды техники, склады, палатки для проживания личного состава – в общем, инфраструктура. Все командиры машин уже ознакомились со схемой аэродрома, где что находится, знали, какая у каждого задача, и после моего сигнала началось.

Взлетевшая ракета, естественно, насторожила немцев, но было поздно. Они видели, что на опушке сосредоточена какая-то танковая часть, наши дизели невозможно не услышать, однако посланная группа на мотоцикле и легковом автомобиле встретила с нашими «фельдшандармами». Те, помахав перед лицом офицера бумажкой, сообщили, что перегоняют трофейную технику. Легко съели и вернулись восвояси. Железобетонный аргумент в прикрытии дорожной полиции снова сработал.

Естественно, после запуска двигателей ни одна машина сразу не стронулась. Каждая пушка давно была наведена на свою цель, осколочный или фугасный снаряд в стволе, поэтому прежде чем рвануть вперёд, каждая грохнула пушкой. После этого рота, кроме «двоек» и моей самоходки, мы были в огневом прикрытии, рванула вперёд. Цели выбраны заранее, чтобы не пересекались, Михайлов проконтролировал. Фугасы «двоек» разорвались в крупных людских скоплениях, мгновенно выводя из строя большую часть личного состава. Остальные били по зенитчикам или по складу боезапаса. Последнее, похоже, зря, взрывной волной нас чуть не вмяло в лес, а на аэродроме царил ад. Много бомб навезли, вчера, по словам Михайлова, куда меньше было.

«Тридцатьчетвёрки» и «единицы» рванули вперёд, их задача – добить и разрушить всё, что можно, на аэродроме, чтобы списать это подразделение подчистую. А вот мы с «двойками» стреляли теперь совсем в другую сторону. Примерно в полукилометре от аэродрома стояла на отдыхе немецкая танковая часть. Вчера её, естественно, тут не было. Когда мы прибыли, та готовилась сняться, чтобы двинуть дальше. Но, к сожалению, прозвучала команда, и танки остались на месте. А у нас время горит, нужно ещё посетить несколько мест, прежде чем соединиться с нашими тылами. Оставаться и ждать, когда немецкие танки уберутся, нет никакой возможности, пришлось импровизировать. Хорошо, что наши радисты забывают все частоты морзянкой, это такая импровизированная глушилка от бедности, но пока тревогу в эфире немцы поднять не могут, мы не даём.

Пока наши танкисты добивают подразделение люфтваффе, три «двойки» – в одной сидел Михайлов, он ещё и своими орлами на аэродроме умудрялся руководить – и моя самоходка стали расстреливать лагерь танкистов. Первый же бой показал, что хотя я и недоучившийся инженер, но руки растут у меня откуда надо. Пушку после первого выстрела не сорвало, да и последующие заканчивались хорошо, отдача крепление не убивала, и снаряды ложились там, где нужно. Миномётчики Погорелова, когда рота дала залп по аэродрому, сразу открыли огонь по танкистам, они расположились метрах в трёхстах от нас, чтобы не мешать стрельбе.

Вот я по аэродрому изначально не стрелял, да и двигатель у нас был заглушен, пушка самоходки сразу была наведена на цель. Первый мой выстрел одновременно с залпом роты и залпом батареи был пристрелочным. Как я и предполагал, не пристрелянное орудие давало серьёзный промах. Ушло влево и немного вниз. Подправив прицел, я вторым выстрелом поразил танк командира этого подразделения. За время ожидания, пока немцы уберутся, вычислить командирскую машину не составило труда. Успел сделать ещё четыре выстрела, подбил два танка и штабную машину, когда ко мне «двойки» Михайлова присоединились. Миномётчики

тоже добились попаданий. Танки кучно стояли, мины рвались между ними, отчего осколки давали множество ricochetов от брони, поражая пытавшихся занять свои машины танкистов. Даже, кажется, было два прямых попадания, что вызвало пожары. Так вот, я всего пять выстрелов успел сделать, когда разом, фактически залпом, ухнули пушки перезарядившихся «двоек». От разрыва двух фугасов несколько танков просто перевернуло, третий разорвался у грузовиков с боезапасом и топливом. Разгорелись многочисленные пожары, я видел объятые огнём, мечущиеся человеческие фигурки. Хорошая всё же оптика у немцев, между нами явно за два километра, а видно всё хорошо, да и стрелять приятно.

В общем, немецким танкистам было не до наших, что курочили последнюю уцелевшую инфраструктура аэродрома, добывая аэродромную прислугу и лётный состав. Кстати, в основном именно они и были нашей целью. Я говорил в нашей мангруппе, не так важно уничтожить вражескую технику, гораздо важнее уничтожать ценных специалистов, что ею управляют. Меня слышали и понимали.

Стрелять из зенитки было одно удовольствие. Выбивал я в основном самые опасные танки, пропуская лёгкие, тут был смешанный состав. Моей целью были «тройки» и «четвёрки», а также шесть самоходок. Две я уже подбил, обе горели, потом третьей сбил гусеницу, та стала отползать под прикрытие дымов горевшей техники. Следующий снаряд пробил лобовую броню, и та загорелась. Какое счастье, что вместе с зениткой были именно бронебойные снаряды, но как жаль, что всего четыре ящика, по пять снарядов в каждом. Когда я выпустил последний, двадцатый снаряд, цели всё ещё оставались, уже дали второй залп «двойки», добывая последние очаги сопротивления. В принципе, весь лагерь немецких танкистов был затянут дымами, как и аэродром. Там горело топливо, подожжённое нашими при отходе. Меня вдруг толкнули в спину, и в наушниках восторженно проорал Лосев:

– Летит! Товарищ майор, летит!

Быстро поменявшись местами с ординарцем – тот стал помогать Бабочкину выкидывать наружу гильзы, чтобы мы не угорели, – я осмотрелся с помощью командирской башенки. От аэродрома уходила наша танковая колонна, за ними пристроилось два грузовика с пограницами. На них была окончательная зачистка, а от распаханной взлётной полосы оторвался немецкий бомбардировщик и, натужно ревя моторами, потянул в небо.

– Взлетел всё-таки, – довольно улыбнулся я.

Причина веселья была, на этом трофее, что как-то уцелел после взрывной волны рванувшего склада бомб, уходили летуны, забрав трёх тяжелораненых, что были на попечении наших медиков. Но главное, они забрали мой рапорт со снимками, сделанными на трофей – фотоаппарат, снятый с фельджандармов, на который политрук-пограничник нащёлкал фотографий на уничтоженном аэродроме, причём ему должны были позировать некоторые экипажи на фоне танков и уничтоженных самолётов. Нужно, чтобы в газетах появлялись такие фото, а то один сплошной негатив, а тут какое-никакое доказательство и наших побед тоже. Всё же почти сотню самолётов уничтожили. В общем, летуны с моим рапортом по действиям мангруппы, а также снимками, сделанными политруком, удалялись в сторону наших тылов. У нас, конечно, осталось мало истребителей, но всё же они есть, и я надеюсь, что летуны по закону подлости не попадутся им на глаза. Очень на это надеялся. Я вчера весь день был занят написанием рапорта о действиях мангруппы, целый талмуд получился. Да и фото будут в тему, покажут, как мы воюем. Нужно частенько напоминать о себе, чтобы не забыли, и как тут напоминать, если не своими действиями?

В это время Огнев, наш мехвод, без дополнительной команды запустил двигатель и пристроился в конце взвода «двоек», что на максимальной скорости ползли за основной колонной. Та неспешно отходила, нас ждали. За нашей самоходкой уже миномётчики со своим броневином пристроились. Именно через него, вернее его радиостанцию, Погорелов принимал данные по лагерю немецких танкистов от Курлыкина, что подобрался к ним поближе. Он в принципе

в бинокль и сам видел, но когда стали мешать дымы, корректировка Курлыкина стала актуальной, поэтому огонь миномётчиков был очень точен. До тех пор, пока у них, как и у нас, боезапас не закончился. В принципе, у нас одна надежда на пополнение – это найти машины с нужным боезапасом. Раньше находили, почему сейчас не получится? Посмотрим, не такой и редкий тип боеприпаса.

Догнав основную колонну, я обогнал её и втиснулся на пятое место, моё командирское. Снова разведка впереди, и снова мы на максимальной скорости движемся дальше. Потом была короткая остановка для осмотра и обслуживания техники, боезапас пополнили, а я опросил командиров. Многие были возбуждены и невольно размахивали руками, громко сообщая, как они уничтожали аэродром, чем вызывали у меня спокойную улыбку, я их понимал. Политрук подтвердил, что мой приказ выполнил, аж три плёнки нашёл и отправил с летунами.

Следующая цель – крупный армейский штаб. Для нас армейский, для немцев это штаб пехотного корпуса, что наступал в этом направлении. Атаковали с ходу. Ранее была проведена разведка подходов к штабу. Он располагался на территории санатория, большого трёхэтажного здания с постройками вокруг. Всё это в окружении высоких стройных сосен рядом с чистым и красивым озером. Оборона была выявлена ещё вчера, была опаска, что штаб уже передислоцировался, но на наше счастье, тот был на месте. Три фугаса «двоек» практически полностью разрушили здание – на первом этаже рванули, отчего сложились остальные. Ну, и другие танки довершили разгром, добивая оборону и носясь вокруг обломков здания. В этом бою я использовал ДШК, а Бабочкин на моём месте спаренным с пушкой пулемётом. Я одну ленту успел выпустить короткими прицельными очередями, а Бабочкин аж три диска. Кстати, именно я заметил к моменту открытия огня, как к штабу по лесной дороге сворачивает легковой «мерседес» в сопровождении грубообразного броневика, и сам прошёлся очередью по двигателю машины, а потом изрешетил и бронетранспортёр. Это всё происходило как раз, когда залпом грохнули «двойки», снеся штаб корпуса, да остальные танки начали давить оборону штаба. Страшное это оружие, такие танковые гаубицы.

Миномётчики с нами не поехали, они как раз стояли на повороте лесной дороги под охраной трёх погранцов на мотоцикле да в немецкой форме. Именно из-за них охрана генерала, а в машине был генерал, и не обеспокоилась. Водитель мной был убит, адъютант получил тяжёлое ранение, а сам генерал, командир пехотной дивизии, и полковник, его начштаба, чудом уцелели, они сидели на заднем сиденье. Миномётчики среагировали как надо. Вытащили их, спеленали, там командовал один из погранцов, и закинули в свой кузов.

Часть охраны и выжившие отошли глубже в сосновый бор, постреливая, не всех удалось прижать к ногтю. Их провожали массированным пулемётным огнём и редкими выстрелами пушек, после чего была проведена быстрая зачистка. Обнаружены документы ещё трёх убитых генералов и десятка полковников, собраны некоторые штабные документы, пустые бланки и печати, после чего мы вернулись на лесную дорогу и пошли дальше. На опушке подавили зенитную батарею. Эти сволочи успели подготовиться и встретили огнём своих автоматических мелкокалиберных пушек передовую «тридцатьчетвёрку». Подбить не смогли, их накрыли снарядами, а потом ещё и проутюжили, но гусеницу сбили. Пока экипаж быстро приводил машину в порядок, колонна шла дальше. За двадцать минут те вернули гусеницу на место, сменили повреждённый трак и догнали нас. Мы всего на километр удалиться успели. Причём парней не бросили без присмотра, ещё одна «тридцатьчетвёрка» из этого же взвода стояла рядом, охраняя ремонтируемый танк и экипаж.

К сожалению, со следующей целью вышел облом, поле было пусто, остались лишь следы стоянки и квадраты от убранных палаток. Эта часть передислоцировалась. Жаль, я был не прочь раскатать отдыхающий немецкий гаубичный дивизион.

Дальше мы так и двигались по просёлочным дорогам, фактически пустым, немцы тут редко встречались, если только патрулями. В этот раз мы сносили всех, пленных я приказал не брать.

Четвёртой целью был аэродром подскока, он оказался на месте, но вместо шести «мессеров», как это было вчера, оказалось всего два. Видимо, две пары были на свободной охоте. Выделил на уничтожение аэродрома взвод «тридцатьчетвёрок», и пока колонна шла в отдалении, догоняя передовые части немцев, те гусеницами вкатили его в землю.

Обойдя Минск стороной, до обеда мы совершили большой рывок, я велел встать лагерем для часового отдыха и принятия пищи, все успели проголодаться и устать. Больше морально, всё же два серьёзных боя пришлось выдержать. Нужно провести обслуживание техники, дозаправить, пополнить боезапас. Встали на опушке небольшой рощи. Выставленные наблюдатели фиксировали движение колонн немцев вдаль, столбы пыли демаскировали их, но вблизи пока никого не было. За время движения поисковики, как я их называл, останавливались у всех брошенных советских машин и осматривали их, при случае сливая топливо. Но такое очень редко было. Так вот, миномётчикам повезло, три машины нашли с нужным боеприпасом, а вот мне не так повезло. Вернее, то, что надо, нашли, но мало. Была обнаружена уничтоженная позиция зенитной батареи того же калибра, что я использовал при создании самоходки. Но на месте боя удалось собрать всего семь снарядов. Из них только два были бронебойными, остальные осколочно-зажигательными, но хоть так. Немного пополнили боезапас. Сейчас мой экипаж проводил обслуживание танка, только Лосев подготавливал нам на всех обед. За время стоянки чисткой пострелявших пушек, орудий и пулемётов не занимались. Скоро снова придётся изрядно пострелять, так что вечером почистим. Это обязательно нужно сделать.

– Лазарев! – крикнул я одного из своих красноармейцев-посыльных.

Они с напарником-связистом ехали с нами на броне самоходки, держась за скобы, эти скобы теперь были на всех танках, но десанта не было, грузовиков пока хватало. Это мои парни вынуждены были рядом находиться, вдруг понадобятся, как сейчас.

– Здесь, товарищ майор, – почти сразу рядом возник боец.

– Лейтенантов Потапова и Казанцева ко мне. Бегом.

– Есть, – козырнув, тот убежал на поиски двух лейтенантов.

Сам я подошёл к корме пышущей жаром самоходки и, за неимением капота внедорожника, который сейчас буксировался на жёсткой сцепке в тыловой колонне, расстелил на нем карту. Тут как раз в сопровождении Лазарева подошли вызванные командиры, один в форме пограничника, другой в промокшем от пота комбинезоне танкиста и в ребристом шлемофоне.

– Товарищ майор, – кинул к виску кисть руки Потапов. – Лейтенант Потапов по вашему приказанию прибыл.

Казанцев повторил за своим более шустрым спутником, и оба лейтенанта внимательно посмотрели друг на друга. По планшетах обоих командиров было видно, что там находятся трофейные карты, добытые на аэродроме, теперь эти карты были у всех командиров.

– Достаньте карты.

Как только лейтенанты это сделали и приготовили карандаши, чтобы ставить отметки, я продолжил:

– Сейчас мы находимся здесь, южнее Минска на сорок километров. Ваша задача следующая. Через полчаса после принятия пищи и обслуживания техники выдвинуться на двадцать километров вот в этот квадрат. Здесь, запишите, в трёх километрах от деревни у скошенного луга примерно в четыре часа дня, плюс-минус пять минут будет проходить наша санитарная колонна. Примерно на двадцати телегах повезут раненых из госпиталя окружного подчинения. В основном там раненые командиры. Вот тут на перекрёстке они встретятся с немецкой моторизованной группой из восьми танков, четырёх бронетранспортёров и пяти грузовиков. Мотоциклы тоже будут, но сколько, не скажу. Немцы устроят себе развлечение, будут гонять на

танках по лугу телеги и давить их. Остальные останутся на дороге наблюдать. Колонна встанет на этом месте на отдых. Тут изнасилуют и замучают пять наших медсестёр, после чего забьют их прикладами. Ваша задача не допустить этого... Лейтенант Казанцев!

– Я, товарищ майор, – пододвинулся тот ближе и, играя скулами, хмуро посмотрел на меня.

– Берёте весь взвод. Трофеями у штаба были взяты флаги, они у погранцов. Возьмёте один и нацепите его на люк башни передового танка. Крышка люка должна быть постоянно открыта во время движения, чтобы немецкие солдаты видели, что гонят трофейную технику. Перед колонной пойдёт один из наших мотоциклов. Движение по стандарту, не привлекая внимания, под видом перегона трофейной техники. По прибытии на место, а вы будете там за час до начала трагедии, ваша задача замаскировать танки на опушке рядом с лугом и развилкой. Как только немцы начнут гонять наших, откроете огонь. Сами распределите, как стрелять, но советую так: один танк пусть работает по грузовикам и бронетранспортёрам на дороге, другие выбивают танки противника на лугу. После уничтожения противника пленных не брать, поможете вернуть телеги на дорогу, собрать колонну и выпавших из телег раненых, после чего отправите их дальше, предупредив, чтобы поторопились. Возможно, к вам выйдут танкисты, около тридцати бойцов и командиров под командованием капитана Якимова, они должны появиться с другой стороны, из роши за лугом. На все попытки взять вас под командование, сообщайте, что выполняете приказ старшего по званию и находитесь в подчинении у пограничников, а это другое ведомство. Причём не только капитану Якимову можете так говорить, но и всем другим командирам, которые вам, возможно, встретятся, вплоть до генералов. На все попытки силой заставить вас подчиняться приказам старшего по званию разрешаю использовать личное оружие и танки... но всё же старайтесь до убийства своих не доходить. На все угрозы трибуналом и остальное сообщайте командирам мои данные, а также то, что я отвечаю за все ваши действия. В этом случае даже возможную гибель командиров, по своему незнанию способных сорвать выполнение боевого задания, я также беру на себя. На случай если Якимов захочет к вам присоединиться в качестве подчинённого, специально выделяю одну дополнительную машину. Тех, кто не поместится в кузов, сажайте на броню танков десантом, благо поручни теперь у вас имеются. Так вот, отправив раненых, выдвигайтесь уже вот в этот квадрат. Нужно пересечь небольшой брод и проехать двенадцать километров. У брода вы обнаружите брошенный КВ, кормой он будет в воде. Но завести можно, баки сухие. Якимов и его бойцы – хорошие танкисты, усильте свой отряд на эту «единичку» за счёт них. В боекомплекте у КВ всего семь бронебойных снарядов да с десятков осколочных, доукомплектуете из НЗ. В районе деревни Кузьминки, не доезжая километр, уходите влево на лесную дорогу. Углубитесь на два километра. Дальше пограничники проведут разведку и выведут вас на опушку. Там также в ста метрах от опушки проходит дорога. Между вами и дорогой болото, но на самой опушке сухо, там высоко, танки к ней подойдут. Но окопаться не получится. За дорогой также болото. Казанцев, вы были на дороге, когда остатки вашей дивизии немцы из засады уничтожили за какие-то минуты. Теперь у вас есть шанс поквитаться. Пропускаете автотехнику, как появляются танки, возможно, ждать придётся долго, бьёте. Всё так же, цели распределите сами. Подбиваете головную машину и замыкающую, после чего выбиваете один танк за другим. Нужно создать на этой дороге затор, чтобы до завтрашнего дня она была не проходима. На сорок километров вокруг это единственная дорога, где можно перебрасывать крупные силы. Участок тут не такой большой, думаю, в ловушку попадёт от двадцати до двадцати пяти танков. Расстреляв бронетехнику противника и создав затор, выходите вот в этот квадрат. Нас вы там вряд ли найдёте, но будет связной, который и сопроводит вас к нам. Дальше уже ночёвка и следующий боевой день. С вами всё, лейтенант. Потапов!

– Я, товарищ майор, – занял лейтенант место Казанцева.

Поглядывал тот на меня заинтересованно, не понимая, как я могу вот так предсказывать будущее. Действительно, я этого не умел, но я помнил рассказы того же Якимова. Он описывал, как кусал кулак до крови, наблюдая за действиями немецких танкистов, плакал, а ничего сделать не мог. Лишь когда уходили, сделали залп из карабинов, винтовок и двух ДТ по колонне. Но это в бессильной ярости, ни на что другое безлошадные танкисты были не годны. КВ они нашли именно там, где я и сообщил Казанцеву, у брода. Потом вышли на ту лесную дорогу и, обнаружив, как по дороге идут колонна за колонной, подогнали танк к опушке, причём заранее замаскировав его срезанными ветками, и открыли огонь. Подбили четыре танка, один бронетранспортёр и уничтожили шесть грузовиков. Вот только уйти не смогли. Вернее, на танке не смогли, тот отполз от опушки метров на сто и заглох, топливо закончилось. Они танк заправили теми тридцатью литрами соляры, что несли с собой, а тут хоть пригодилась. Не зря танк прибрали. Дальше понятно, подожгли боевую технику и двинули к своим. Правда, вышли лишь через три недели.

– Значит, слушай, лейтенант. Во время движения по дороге командуешь в колонне ты, Казанцев у тебя в подчинении, фактически приданное усиление. По прибытии на место засады уже сам переходишь под командование Казанцева. Каждому своё. В случае встречи со старшими командирами РККА, подтверждаешь, что техника проходит по вашему ведомству, и не даёшь прервать выполнение приказа. Всё ясно?

– Ясно, товарищ майор, – сделав несколько записей, кивнул тот.

– Во время второй засады, прежде чем вывести танки на опушку, замаскируйте их ветвями, чтобы не привлекали внимания. Наши громкие дизели не услышат, по дороге сплошным потоком идёт пехота и техника, сами шумят не меньше, главное, чтобы силуэты не увидели. Возьмите группу сержанта Ярцева на мотоцикле, он отлично говорит по-немецки, двадцать пограничников, машину с ДШК, ну и пару пустых грузовиков из последнего пополнения, с запасом боеприпасов и топлива. В этих грузовиках в случае встречи с капитаном Якимовым повезёте его и его же бойцов. Всё ясно?

– Ясно, товарищ майор.

– Это ещё не всё, возьмите у политрука фотоаппарат, у него осталась одна плёнка, когда немцы будут гонять наши телеги, запечатлите это на плёнку. Посадите бойца, умеющего пользоваться фотоаппаратом, на дерево. Также задокументируете зверства. У вас будет очень мало времени с момента атаки, допустить, чтобы хоть одна телега с ранеными попала под гусеницы танков, вы не должны. Это всё, у вас осталось двадцать минут до выхода, идите, пообедайте... Что-то хотите спросить, лейтенант?

– Хотелось бы уточнить, откуда вам всё известно в таких подробностях, товарищ майор, – сказал Потапов. – Честно говоря, отдаёт мистикой. Сами вы вообще с Киевского военного округа, а ориентируетесь у нас, как будто здесь всю жизнь прожили.

– Память хорошая и слушать я могу. Это ответ, лейтенант, не тратьте попусту время и выполняйте приказ.

– Есть, – козырнул тот. – Разрешите идти?

– Идите.

Оба лейтенанта, переговариваясь на ходу, быстрым шагом направились ко взводу Казанцева, а я отошёл к Лосеву, который уже сигнализировал мне, что обед готов. Черпая ложкой подогретую тушёнку из банки и заедая галетами, я размышлял. На самом деле я не был так уверен. Всё же некоторое вмешательство в историю благодаря мне произошло, и вполне возможно, не случится той трагедии на дороге, не будут подавлены и добиты раненые, изнасилованы и забиты наши медсёстры и санитарки, но я был уверен, что немцы уже на той дороге-дамбе, и это неплохой шанс их притормозить. На несколько часов, возможно до утра, но и это огромный срок.

Буквально через пару минут прискакали Михайлов и Юрченко, политрук Волохова. самого старлея не было, он лично проверял посты на опушке. Там гнали огромную толпу наших пленных, вот он и пошёл посмотреть. Мы и до этого встречали такие конвои, но не настолько огромные. По словам чуть позже вернувшегося Волохова, там было до семи тысяч человек. Так вот, видимо, лейтенанты не стали скрывать суть своего задания, да я и не давал такого приказа, и, выяснив все, что им нужно, оба прибежали ко мне.

– Товарищ майор, почему на задание был отправлен Казанцев? Почему я не гожусь? – с заметной обидой спросил Михайлов.

– Роте сегодня ещё предстоит повоевать, поэтому вы как её командир останетесь с ней, – с лёгкой улыбкой пояснил я. – Не волнуйтесь, расстреливать танковые колонны из засады значится в моих планах на сегодня. Даже две такие засады.

– Надеюсь, товарищ майор, вы не будете возражать, если я отправлюсь с группой лейтенантов Потапова и Казанцева? – спросил политрук.

– Если только простым пассажиром-стрелком. Командовать вам запрещено.

– Как будто вы мне раньше давали это делать, товарищ майор, – с лёгкой обидой ответил тот. – Напомню, что когда мы впервые познакомились, вы сразу сказали, что если буду лезть командовать, пристрелите. Мол, моё дело морально поддерживать подчинённых, этим я и должен заниматься. Я запомнил, и как вы видите, нашу договорённость выполняю. Вы были правы, командовать должны те, кто умеет это делать и подготовлен соответственно.

– Вот что, политрук, – подумав, сказал я. – Отправитесь с группой в качестве документалиста. Вы будете вести съёмку и зафиксируете факт попытки уничтожить советских раненых вместе с медперсоналом. То есть откроете звериную сущность противника.

– Есть, – сразу же сделавшись строгим, вытянулся политрук. – Разрешите идти?

– Идите. Группа выдвигается через пять минут, а вы, насколько я видел, пообедать не успели.

Отправив следом Михайлова, я продолжил прерванный обед. Тут ещё горячий чай подали. Лосев, пока было время, развёл небольшой костерок, используя тонкие сухие ветки, и вскипятил воду для чая. Красота! Хорошо иметь ординарца, да ещё такого, как Лосев. Я даже подумать не успеваю, как он уже несёт всё готовое.

Когда группа лейтенантов Потапова и Казанцева ушла, я вызвал Михайлова и Волохова.

– Ну что, товарищи командиры, вот и настало время серьёзного дела.

– Товарищ майор, а то, что мы аэродром уничтожили и штаб немецкого пехотного корпуса, это как – в бирюльки играли? Уж не говоря про аэродром подскока, – немного шутливо спросил Михайлов. В отличие от него, Волохов, как и я, был серьёзен, понимал, что действительно скажу что-то важное.

– Это всё не более чем тренировка перед главным делом. Теперь внимание, товарищи командиры, я объясняю суть боевой операции. Вызовите всех командиров, это их тоже касается.

Когда все собрались, я озвучил то, что спланировал на вечер этого дня. Для меня действительно налёт на аэродром и штаб были не более чем тренировкой, посмотреть, на что годны бойцы и командиры. Они меня порадовали, дрались ожесточённо, но не теряли головы, вполне неплохо. Я бы не сказал, что профессионально, огрехов хватало, но всё же показали себя молодцами. А со временем и опыт будет.

– Товарищи командиры, слушайте боевой приказ, который нужно выполнить сегодня. Примерно в сорока километрах от нас находятся торфяные разработки, к которым проброшена железнодорожная ветка. Частью она проходит через густой лес. Именно там ремонтируют повреждённый паровоз нашего бронепоезда. По достоверной информации, ремонт будет закончен через три часа, и к вечеру с темнотой бронепоезд попытается прорваться к нашим, однако неудачно. Причина в том, что немцы о нём знают, предположительно местоположение

бронепоезда выдал предатель, но информация не проверенная. Так вот, на переезде разобраны пути и устроена артиллерийская засада. Наша задача – войти в контакт с командиром бронепоезда, помочь ему с боеприпасами, так как тот ведёт бои уже неделю, а подвоза пока ещё не было. Совместным ударом нам нужно уничтожить засаду, помочь ремонтникам с бронепоезда восстановить пути и отправить его дальше. Это ещё не всё, в том же лесу, но с другой стороны, не подозревая о том, что рядом бронепоезд с нашими бойцами, находятся триста двадцать шесть курсантов артиллерийского училища, которые к началу войны оказались на артиллерийском полигоне под Минском. К сожалению, с эвакуацией они запоздали, слишком быстро немцы двигались, и более трёхсот шестнадцати- и семнадцатилетних курсантов оказались в окружении. С ними шестнадцать преподавателей. Они думают, что смогут прорваться к нашим, тем более при них всего три учебные пушки без снарядов и около сорока карабинов с минимумом патронов. Мы должны спасти нашу смену. Отправим курсантов в тыл на бронепоезде. Тех, кто не поместится внутри вагонов, на крышу. Однако чтобы выполнить это задание, нужно всё подготовить. К сожалению, переезд с засадой находится рядом с шоссе, где активно передвигаются немецкие войска параллельно железной дороге. Однако южнее это шоссе пересекает лесной массив. Если устроить засаду и подбить на выходе несколько единиц бронетехники противника, это даст нам время уничтожить засаду, починить пути и не только дать уйти бронепоезду с курсантами, но и самим скрыться в темноте и соединиться с нашими тылами и группой лейтенантов Потапова и Казанцева. За связь с командиром бронепоезда отвечает старший лейтенант Волохов. На нём же снабжение БП и соединение с курсантами. Уничтожение засады, а также засада у шоссе на опушке – на старшем лейтенанте Михайлове. Даю вам десять минут, чтобы разработать план операции. Естественно, он мне не понравится, и я разнесу его в пух и прах, но хотя бы попытайтесь, может, я соглашусь с вашим планом. Работайте, товарищи.

Оставив командиров работать над картами, я отошёл в сторону и подозвал Лосева и одного из посыльных. Я уже всё придумал, придётся немного поиграть, поэтому и собрался напрямч бойцов для подготовки, но интересно, что надумают сами командиры. Оба бойца побежали выполнять полученное задание. На большую часть снаряжения придётся пограничников потрясти, но и у танкистов кое-что найдётся.

– Ну что, товарищи командиры, есть какие-то соображения?

Минут двадцать я выслушивал то, что они предлагали. В основном стандарт. Двое так вообще в лоб предложили атаковать, этих я взял на заметку, однако ничего близкого к тому, что я разработал, не было. Волохов, ладно, с заданием справился, тем более в его епархию я не лезу, задача танкистам была с минимальными потерями создать затор на дороге, помешав немцам помочь своей засаде, которую мы будем уничтожать. То есть размышляли как раз танкисты, пограницы просто работали, выдали мне на изучение свой план, я его одобрил с парой поправок и отправил готовиться к маршу. Вот с танкистами было всё не так просто. Конечно, парни жадно учились всему новому, тем более они прекрасно видели, что по подготовке я превосхожу их на голову, но опыта не хватало.

– Ладно, слушайте мой план. Первым делом нужно разделить роту на два боевых отряда. Ударить и по шоссе, и по засаде мы должны одновременно. Бронепоезд в данном случае будет только мешать, демаскирует наши намерения дымом. К дороге подобраться в принципе не сложно, как и создать затор, удерживая немцев на опушке, пока вторая группа добивает засаду и помогает экипажу БП восстанавливать путь. Однако солдаты в засаде настороже – значит, что?

– Что? – первым успел спросить Михайлов.

– Значит, их нужно отвлечь и вывести часть артиллерии или личного состава из строя.

Командиры задумались, и снова меня порадовал командир роты, лицо его просветлело, и он уверенно спросил:

– Ряженные?

– Ряженные, – кивнул я. – Сами догадались, или подсказал кто?

– Видел, как ваш ординарец нёс охапку немецкой формы. Сопоставить было не трудно.

– В логике вам не откажешь. Что ж, давайте обсудим в подробностях задание для каждого...

В подробностях разъясняя свой план, я сам обдумывал тот шаг, который собирался сделать. Сомнения глодали меня. Причина та же: будет ли всё так, как я описал, после изменений, что я уже внёс в этот мир. Капитан Якимов, когда сжёг свой КВ в лесу, через три дня встретился с двумя выжившими бойцами из экипажа БП. Они-то всё и описали, да и с курсантами чуть позже встретились. Их шестеро было, и один преподаватель в звании старшего лейтенанта. Остальных рассеяли и перебили в чистом поле догнавшие на бронетранспортёрах гранадёры одной из моторизованных дивизий. Эти в пшенице спрятались и смогли ночью уйти. Повезло, считай. Вот старлей от экипажа бронепоезда и узнал, что они в тот день находились в одном лесу, но так и не узнали друг о друге. Якимов очень подробно рассказывал, мы тогда выпили, помянули тех, кто сгинул в сорок первом, вот он и вывалил на меня всё, что тогда пережил. Полтора часа жутких историй. К сожалению, в этот день иссякает последнее, что я могу использовать из его рассказов, дальше только своим умом воевать придётся.

Вездеход двигался толчками, но шустро, несмотря на повреждения, нанесенные шальной пулей. За рулём сидел здоровенный немец, унтер, рядом обер-лейтенант вермахта, с боков на заднем сиденье меня стискивали два дюжих солдата с автоматами на коленях. Я сидел в полной форме командира РККА. Нет, я не был пленным, в этот раз я был при оружии и документах, изображал диверсанта из полка «Бранденбург».

– Переезд впереди, – негромко сказал водитель по-русски, продолжая следовать за мотоциклом, что двигался метрах в двадцати перед нами.

– Приготовиться, – так же негромко приказал я. – Помните, вы немцы, завоеватели, вот и ведите себя соответственно. Лыбьтесь, уверенно вокруг поглядывайте. Соберитесь, парни, тут всё зависит от нас.

Кюбельваген переполз через пути, часовой у будки смотрителя отдал нам честь, однако буквально через двадцать метров легковой автомобиль вдруг громко взвыл мотором, что-то внутри хрустнуло, и он окончательно встал, заглохнув. Мотоциклисты успели отъехать метров на сто, когда заметили, что мы встали, поэтому развернулись и покатали обратно.

– А вот этого я не ждал, наблюдатели не доложили, – пробормотал я, когда один из солдат предупредительно открыл мне дверцу и слегка поклонился, что показывало всем зрителям – в вермахте я занимаю не последнее положение. Да и обер-лейтенант вёл себя соответствующе, почти угодливо.

Почему наблюдатели с трёх километров не заметили целую группу пленных, которых у переезда охраняло не так и много немцев, мне было понятно. Они находились за железнодорожным полотном левее будки обходчика, в овраге, переходящем в низину. Пленных было всего около пятидесяти человек, отдельно группа танкистов сидела вокруг двух своих раненых, видимо тяжёлых. Самих танкистов я насчитал семнадцать человек, с ранеными было девятнадцать. Почти все в рваных и обожжённых комбинезонах, у многих сохранились шлемофоны. Но не у всех, у шести человек не было. Остальные пленные представляли собой яркую возможность ознакомиться со всеми родами войск. Кстати, тут и пограницы, и сотрудники НКВД были, разве что представители политуправления отсутствовали. Почти в центре сидели две представительницы женского пола, одна, судя по знакам различия, сержант радиотелеграфист, очень миленькая и ладненькая, это было понятно, даже когда она сидела, красивые формы так и выпирали из формы. А вот кто сидел рядом с ней, я видел хорошо. Особенно не удивился, увидев Смирнову. Наша новая встреча не сказать что меня удивила, но порадовала. Если она

тут, уже за Минском, значит, доехали. Интересно, где Иванов, неужто сгинул при обороне города?

Сам я пленных особо не разглядывал, так, для виду безразлично мазнул взглядом – тут, похоже, отстойник был, привозили всех, кого схватили неподалёку – и весело заговорил с обер-лейтенантом. Чтобы не нести пургу, рассказал ему на немецком анекдот. Напомню, что задание-то ещё не выполнено, игра должна продолжаться. Пока обер-лейтенант, запрокинув голову, натурально ржал, двое солдат ухали, сотрясаясь от смеха, я снова, слегка позёвывая, осмотрелся. Даже водитель, что возился под машиной, пытаюсь обнаружить и исправить поломку, содрогался от смеха. Вот сами раненые нас разглядывали, чуть ли не тараща глаза. Я не говорю про всех, трое вообще спали, другие были настолько усталыми, что им всё было безразлично. Я говорю о танкистах и части пленных, явно охранявших девчат. Странно, что немцы их не попользовали, а сюда привели. Обычно они особо не стесняются. Красавица Смирнова – а она реально красавица, а этот сержант всё же красивее, даже меня проняло – меня разглядывали с лютой ненавистью и злобой. Но Смирнова явно понять не могла, что тут происходит, и, с ходу опознав меня, пыталась сообразить, что я тут делаю, да ещё в окружении немцев. Мои действия, за которыми та ранее наблюдала, давали ей понять, что тут что-то не так, не мог я быть с немцами вась-вась.

Окинуть взглядом я успел не только пленных, продолжавших тихо и мирно сидеть на своих местах, но и немцев. У будки стоял часовой, что приглядывал в основном за путями и за дорогой. Ещё два немца сидели на своих мотоциклах метрах в восьмидесяти, рядом расположился расчёт пулемёта, ствол был направлен на пленных. Получается, охраняют их всего трое. Но это ладно, мы не за ними приехали, а по совершенно другому поводу, где-то тут рядом был окопчик со спрятавшимся взрывником. Дело в том, что когда БП подойдёт к разобранному путям, сзади него подорвут рельсы, заперев и отдав на милость артиллеристам. Две «ахт-ахт», установленных на прямую наводку, а также четыре тридцатисемимиллиметровых пушки вполне способны потягаться с бронепоездом. Это я ещё не говорю про десяток пулемётов. Отдельно справа у переезда стоял грузовой «Опель», от него, как только мы остановились, подошёл унтер. Он немного поговорил с обер-лейтенантом, тот предъявил несколько бланков с печатями и подписанные документы, после чего унтер вежливо козырнул и отошёл. У грузовика отдыхало шестеро солдат. Больше в прямой видимости, кроме противотанковой батареи, я никого не видел. Беспокоило то, что я не наблюдал позиций зениток, а они тут самые опасные. Мне нужно было выявить их, но сколько я незаметно ни осматривался, ничего. Зенитки явно были замаскированы куда лучше, чем те же противотанкисты. Я ведь сюда затем лично и приехал, чтобы самому окинуть взглядом предстоящее место боя и определиться с его ходом. Но не было чёртовых зениток, и всё тут.

– Я их вижу, – негромко шепнул, не глядя на меня, один из бугаёв-солдат. – Холмик с кустарником на два часа от противотанкистов.

Присмотревшись под видом того, что устало протираю лицо, я убедился, что солдат прав. Давненько я такого облегчения не испытывал. У нас за спиной уже двигалась колонна, и вот-вот она будет здесь. Немцы тоже её видели, но что они могли понять? Впереди катил мотоцикл, наш новый трофей, за ним «Опель», потом ещё грузовики, а дальше тучи поднятой пыли скрывают, понятно только, что там имеются танки. Не видно, но слышно. Все КВ были отправлены к дороге, так как они не могли держать ту же скорость, что и «тридцатьчетвёрки», поэтому в этом бою задействовали только их и мою самоходку. Они пересекли железную дорогу дальше, в четырех километрах.

Отойдя немного дальше с видом, что прогуливаюсь и общаюсь с обер-лейтенантом, я сказал пару слов солдату, что сидел в коляске мотоцикла, и, развернувшись, проследовал обратно. В этот раз ремень у меня был пуст, я снял кобуру с пистолетом, но зато у меня на плече висела коробка маузера, генеральский подарок. Мне нужна была точность боя. Когда от передового

мотоцикла колонны до переезда оставалось метров сто, я кивнул и дёрнул клапан кобуры. После моего сигнала к отдыхающим у грузовика солдатам полетели три гранаты, и затрещали три автомата, а водитель легковушки из положения лёжа расстреливал унтера. Обер-лейтенант из своего автомата срезал часового у будки и сразу упал, чтобы переждать разрывы гранат и разлёт осколков. В принципе, мы все попадали, даже я с пистолетом в руке. Наш пулемётчик в коляске, он же и радист – рация была закреплена на коляске, а антенна на багажнике, – сообщил координаты зениток командиру колонны заму Михайлова, он же срезал пулемётный расчёт, пули так и вспарывали землю вокруг них. Потом прошёлся длинной очередью по солдатам у мотоцикла. Я же вскочил на ноги и дважды выстрелил в сучившего в предсмертной судороге ногами унтера, и из ракетницы, которую достал из кармана, выпустил красную ракету по позициям зениток. Противотанкистов не подсвечивал, их и так было видно, маскировка так себе. Как только мы начали действовать, «тридцатьчетвёрка» старшего сержанта Егорова, что шла сразу за грузовиками, укрываясь в пыли, дала газу чуть не с места. Обогнав грузовики, на пятидесяти километрах в час пролетела по путям, в полёте обрушившись на бедолагу «Опель», смяла его в блин и понеслась дальше, на ходу грохая из пушки. Осколочные снаряды так и ложились вокруг позиций зениток, по дыму горевшего заряда ракетницы было видно, где те находятся, но всё рядом, и ни одной в цель. Вести огонь на ходу очень сложно, но у Егорова и не было приказа именно попасть. Главное, шугануть расчёты от орудий, всё же противоосколочных щитов у тех не было, чтобы другие танки, выбравшись на насыпь, прикрыли его. Два первых танка встали у будки – один вообще на неё наехал и смял – и открыли прицельный огонь по зениткам. Попадания были, я прекрасно видел, однако и те всё же сделать несколько выстрелов успели. Машина Егорова, которая уже налетела на противотанкистов и подминала пушечки одну за другой, замерла на последней и зачатила, получив снаряд в правый борт. Верхний люк открылся, и оттуда появился первый из танкистов, с трудом перебравшись через край башни. Наши мотоциклисты уже рванули к ним, чтобы вытащить парней из машины, которая вот-вот готова была вспыхнуть, а я сам быстро осмотрелся и направился к обер-лейтенанту. Одному из погранцов. Мы с ним единственные в нашей группе, кто говорил на немецком. Остальные только делали вид. Кстати, молодцы, я особо и не заметил, чтобы фальшивили.

– Нашли? – первым делом спросил я у лженемца.

– Нашли. По проводам дошли до окопчика с подрывной машинкой. Пусто там. Видимо, подрывник отдыхал среди тех, что у машины были, – кивнул младший сержант Асамов на железный блин и тела немцев у него.

– Хорошо, – проорал я, так как мимо проревела дизелями ещё одна «тридцатьчетвёрка».

Моя самоходка заняла её место на путях и поводила стволом, но достойных целей уже не было. Экипаж Егорова вытащили, те отделались лёгким испугом, попадание в двигатель было, там теперь санинструктор суетился. Танк тушили, зенитчиков и противотанкистов добивали. Издалека отчетливо доносилась пушечная стрельба. Изредка ухали гаубицы. Значит, Михайлов работает. А вот с запада был виден над рельсами далёкий столб дыма, видимо, бронепоезд подходил.

– Курлыкин, связь! Михайлова вызови!

– Товарищ майор, – почти сразу откликнулся он. – На связи старший лейтенант Михайлов.

Пока лейтенант Архипов, заместитель Михайлова, общался с освобождёнными пленными, я взял гарнитуру и, вслушиваясь в помехи и далёкие отголоски боя – были слышны переговоры экипажей, ведущих бой, – принял доклад Михайлова. Тому тоже не повезло, потерял один танк. Откуда-то взялись самоходки, умудрившиеся проломить лобовую броню «единички». Потеря безвозвратная, два танкиста из экипажа погибли, трое раненых, эвакуировали из машины, сам танк горел.

– Держись, дорогой, держись. Уже БП на подходе! – прокричал я в микрофон гарнитуры.

– Держимся, – подтвердил тот. – Поторопитесь.

Рядом с нами размещалась батарея Погорелова, Михайлов сам будет корректировать огонь, связь с ним была, да и дальности хватало, а я вышел на Волохова. Вернее, Курлыкин связался с радистом БП. Старлей был на борту бронепоезда. Тот подтвердил, курсанты найдены, помощь экипажу боеприпасами оказана, однако это не единственная проблема. Продовольствие у экипажа ещё вчера закончилось, да и курсанты второй день нормально не ели. Ладно, повезло лося завалить, хоть так перекусили. Но что такое на триста рыл один лось?

Описав Волохову, как разобраны пути, чтобы командир бронепоезда сразу озаботился ремонтной группой и те знали, что нужно делать, велел передать ему, что на пятьдесят пассажиров будет больше. Нам тут нечаянно удалось освободить пленных. Сам бронепоезд и так был перегружен, свободных мест не имелось, но обещали подумать, как вывернуться.

– Хорошо, небо пустое, за весь день только и видели, что с десятков «мессеров» да один раз шесть штурмовиков, – вытирая лицо платком – действительно было очень жарко, – сказал подошедший Архипов. – Товарищ майор, что с освобождёнными пленными будем делать? Там пять тяжёлых. Все хотят пить, есть, и требуется медицинская помощь.

– Сейчас БП подойдёт, и окажут, – рассеянно ответил я, сам бронепоезд уже стремительно приближался. – Что там с Егоровым?

– К счастью, кроме контузии, никаких других травм экипаж не получил. Санинструктор говорит, отлежаться бы им пару дней, и потихоньку в строй можно вводить.

– Добро, пусть расположатся в одной из машин. У нас полторка пустая, топливо из бочек уже слили в баки танков. С машиной что?

– Прямое попадание в моторный отсек. Двигатель приказал долго жить. Будем эвакуировать?

– Нет, такого железа хватает, тем более кроме двигателя танк никаких модернизаций не проходил. Снять боезапас, пулемёты, прицел и замок. В общем, всё ценное. Подготовить машину к подрыву.

– Есть, – козырнул тот и негромко сказал: – Товарищ майор, тут к вам военфельдшер рвётся.

– А-а-а, Смирнова? Пусть подойдёт.

Пограничники, что с ними были, уже выставили оцепление, так что прорваться через него Смирновой с ходу не удалось, и она недовольно на меня поглядывала. Бабочкин и Лосев, сидевшие в люках самоходки, только улыбались, они явно узнали девушку.

– Здравствуйте, Оля, – поздоровался я, когда та подошла. – Как видите, могу выступать в роли пророка. Я же обещал, что мы обязательно встретимся в необычных условиях.

– У меня такое впечатление, что вы сами всё это устроили.

– Поклёп, – сразу же открестился я, слегка улыбаясь. – Расскажите мне, как добрались. Всё ли прошло благополучно. Где Иванов?

Подбежавший Лосев сунул мне в руку полную фляжку, а я передал её Смирновой. Прежде чем отвечать, та жадно присосалась к ней. Многие танкисты и бойцы передавали пленным фляги с водой, из одной машины вытащили термос на десять литров и разливали по котелкам и кружкам. Пленные очень хотели пить. Только продовольствия не доставали, мы уже поужинали, а запасов не было, не так и много брали.

Рядом грохотали выстрелами миномёты, шла боевая работа, подошедший бронепоезд обдал нас паром и свистнул. Выпрыгнувший из вагона – рубки управления командир бронепоезда капитан Лисицын следом за Волоховым подбежал ко мне, сграбастал и проорал в ухо:

– Спасибо!

По-другому было не поговорить, такой стоял шум. Перекинувшись парой слов с капитаном, я мельком посмотрел, как ремонтная бригада из членов команды бронепоезда с курсантами восстанавливают путь, отвёл Волохова в сторону и кивнул на освобождённых пленных.

Поставил ему задачу проверить их. Все были при деле, все заняты. Миномётчики перестали стрелять, видимо пока целей не было, поэтому я отвёл Смирнову в сторону, велел всё же рассказать, как прошёл их ночной рейд.

– Я тут не одна, два пограничника из отряда Иванова с нами. Они меня опекали и охраняли.

– Да? – удивился я. – Что же это я их не узнал?... Лазарев!

– Я, товарищ майор, – тут же возник рядом мой посыльный.

– Там за оцеплением среди пленных находятся два пограничника. Давай их сюда.

– Есть, – козырнул тот и побежал выполнять приказ.

Он что-то шепнул одному из погранцов в оцеплении и подошёл к освобожденным пограничникам. Лица действительно оказались смутно знакомы, похоже, они правда из группы Иванова. Когда Лазарев вернулся с бойцами, которых я велел привести, то оба вытянулись и доложили:

– Товарищ майор, пограничники Фролов и Томин по вашему приказу явились.

– Доложите, как прошёл рейд после того, как мы с вами расстались.

– Хорошо прошёл, товарищ майор, – ответил Фролов. – Ехали нормально, мы никого не трогали, и нас не трогали. Один раз нас остановил патруль, он был на мотоцикле, а в стороне окопчик с пулемётом. В ножи их взяли, товарищ майор. Тихо сработали. Дальше вышли к своим, почти под утро. Чуть до стрельбы не дошло, техника-то немецкая, но обошлось. Раненых сдали в медсанчасть полка, с которым встретились, сменили машины на наши и поехали дальше. Товарищ военфельдшер осталась в медсанчасти полка, персонала там не хватало. В Минске мы были четыре дня, нас включили в особую группу по зачистке тылов. Три дня назад, когда Минск окружили, начали отходить в сторону. В ночном бою оторвались от своего подразделения, шли два дня, пока не наткнулись на разрозненную группу окруженцев. Там была и товарищ военфельдшер. Мы с ней так и шли, а сегодня нас окружили в поле и взяли в плен мотоциклисты. Мы говорили командиру, что вёл нас, что опасно идти днём по открытой местности, но он не послушал, товарищ майор. Пришлось выполнять его приказ.

– Ясно, бойцы, – кивнул я. – Молодцы. Включаетесь в мою группу. Лосев!

– Я.

– Накормить бойцов и вооружить. Они поступают под командование старшего лейтенанта Волохова.

– Есть.

– Товарищ майор, разрешите сказать? – не спешил отходить Фролов, хотя и произвольно сглотнул, когда услышал о еде.

– Говори.

– Все наши документы в планшете убитого унтера, а вот оружие было в грузовике. Пропало, к сожалению.

– Разберёмся, – ответил я и кивнул Лазареву.

Тот понятиливо моргнул и метнулся к телу унтера, вернулся с планшетом. Правда, братъ его я не стал, велел Волохову отнести, его работа.

– Ну, а вы-то как тут оказались? – спросил я у продолжавшей стоять Смирновой.

– Можно мне с вами? – неожиданно спросила та.

– В мангруппу? Исключено, мне ещё тут ба... женского пола не хватало.

– Ну пожалуйста, – просительно потянула та. – Я очень хороший медик! Да ещё с опытом проведения хирургических операций.

– М-м-м, ладно, – подумав, махнул я рукой, не было времени спорить. – Вон, видите, санинструктор ходит, раненых среди освобождённых осматривает. Временно поступите под его командование, до соединения с основной группой. Сейчас к Лосеву, пусть накормит вас.

Пути были восстановлены в рекордные сроки. Да и мы сиднем не сидели. Всех пленных пропустили через импровизированный фильтр. Погрузив тех, кто не оставался с нами на БП, отправили. Про генерала и полковника не забыли. Поначалу мне было не до них, Волохов допрашивал. Однако мы действовали вне зоны нахождения дивизии генерала, так что особой ценности он для нас не представлял, да мы ещё и в другую сторону от его части уходили. А вот советскому командованию пообщаться с первым взятым в плен генералом стоило бы. Так что оба высокопоставленных офицера сейчас под охраной экипажа БП отправились в советский тыл. Естественно, приложить рапорт о действиях моей мангруппы я не забыл.

– По машинам! – скомандовал я, как только бронепоезд стал удаляться. – Передайте Михайлову, что может отходить. Он справился, мы успели.

Проехав примерно шесть километров, мы соединились с группой Михайлова. Колонна встала на пару минут, чтобы раненых танкистов из подбитого танка передали медикам, ну а я успел выслушать доклад старлея, прояснивший ситуацию. Когда они подошли к дороге, по ней сплошняком шла пехота и двигались автоколонны. Сразу выходить и бить не стали, тем более мы ещё не подавали сигнала, ну а когда тот прозвучал, как раз пошла бронетехника. Немного, всего десять штук. Первый выстрел КВ-2 разметал танки, что шли впереди, легкие коробочки были. Остальные довершили разгром. Пулемётами полосовали пехоту, били по грузовикам, расстреливали орудия и бронетехнику. Колонна, что как раз в этот момент проходила, оставившись не стала. Наши ей хвост прижали, остальные увеличили скорость, чтобы уйти, а тем, кто остался, не повезло. Их начали утюжить, пока «двойки» прикрывали. Именно тогда из дыма на опушке стала бить подошедшая самоходка. Сбила гусеницу одному, но выстрел «двойки» положил ей конец, зачатила остатками корпуса. КВ со сбитой гусеницей стоял, развернувшись бортом к перекрёстку на опушке, но огонь вести не прекращал. Залёгшей пехоты вокруг хватало. Именно тогда вторая подкрававшаяся самоходка и задулила ему точно в лоб. Два выстрела в борт ничего, кроме рикошетов, не дали, тот неудобно стоял для немецкого наводчика – наискосок. А вот лобовую броню со ста метров пробить смогли. Естественно, самоходку подавили, да и наши прошли огнём по опушке, причём и фугасами «двоек» тоже, после чего сняли экипаж и продолжили бой. Главное было удержать немцев тут. Из леса велась активная перестрелка, там вроде как даже пушки подкатывали. Так что как никогда вовремя Погорелов сообщил, что готов вести огонь. Пару пристрелочных, и мины начали ложиться на лесной дороге, где скопились немцы, и в самом лесу. Ну, там деревья и ветви мешали, урон небольшой, а вот тех, кто на дороге был, похоже, серьёзно прочесали, множество техники загорелось. Тут пришёл мой приказ отходить. Пятясь кормой и подставляя лобовую броню, КВ Михайлова начали отходить, потеряв одного собрата. Что ж, у нас тоже были потери в технике. Ничего, найдём и ещёотремонтируем. Тут, под Минском, этого добра практически не встречалось, однако если хорошо поискать, найти можно немецких трофейщиков.

– Ясно, – протянул я, выслушав доклад Михайлова. – Действовали вы вполне умело, связь между собой держали постоянную, несколько раз приходили на выручку друг другу, предупреждая об опасности. Я доволен, действительно молодцы. Теперь давайте прикинем, как нам соединиться с тыловой колонной и группой лейтенантов Потапова и Казанцева. Они должны быть на месте встречи примерно через час.

Расстелив карту на корме самоходки, я стал ставить отметки, поясняя по ходу. Проще разжевать, чтобы добиться полного понимания, чем отдать краткий приказ и узнать, что подчинённые выполнили его совсем не так. У меня такое уже бывало.

– Смотрите сюда. Нам нужно выдвинуться в этот квадрат, соединиться с тыловой группой и развернуться на восток, в глубину немецких тылов, вот до этого леса.

– Товарищ майор, почему именно до этого?

– Потому что это самый крупный лесной массив в округе. Ещё потому, что больше никуда у нас топлива не хватит, весь добытый на складе ГСМ запас в лесу мы истратили, остатки

доедаем. Так же с продовольствием и боеприпасами. Нам нечем воевать, старлей. Так, где вы меня прервали?

– Соединимся с нашими и выдвинемся в лесной массив, находящийся в тылу немецких войск.

– Да, точно. Значит, так. После соединения с тыловой колонной разворачиваемся, по пути соединяемся с группой Потапова и Казанцева, после чего совершаем ночной рейд к этому лесному массиву.

– Товарищ майор, – негромко сказал Михайлов. – Люди устали. Очень тяжёлый день был.

– Я понимаю, что устали, старлей, на последних крупницах силы воли держатся, но надо. Понимаешь, надо! Не сегодня, так завтра немцы отправят циркуляры по своим частям о действиях русских моторизованных сил, маскирующихся под немецкие войска. Больше нам днём по дорогам не покататься, быстро вцепятся в загривок, пустят кровь и загонят. Нам этого не надо, нам нужно самим их прижать. Поэтому бросок к лесному массиву нужно сделать именно этой ночью. После этого бойцам можно будет отдохнуть четыре дня и привести технику в порядок. Ей ещё много работать.

– Ясно, товарищ майор, выдержим, постараемся выдержать.

– Хорошо. Значит, сделаем небольшой крюк и оставим на назначенном месте встречи посыльного для Потапова и Казанцева, потом идём дальше. Забираем нашу тыловую колонну, вот тут делаем второй крюк, – я указал остро заточенным карандашом точку на карте, – и вот тут соединяемся с лейтенантами. Дальше уже движемся совместно. За час до рассвета дам часовой отдых, чтобы мехводы пришли в себя. Целый день за рычагами кого угодно доведёт до моральной и физической усталости, странно, что они до сих пор могут управлять. Кстати, прибудем на место, сутки их трогать не будем. Пускай отдыхают. Всё равно они нам не нужны на это время.

– Ясно, разрешите выполнять?

– Да, выполняйте.

– Товарищ майор, мне будут какие распоряжения? – спросил присутствующий при постановке задачи Волохов.

– Поверь, старлей, тебе во время стоянки будет столько работы, что присесть некогда будет, так что скажи своим бойцам, чтобы отдыхали и набирались сил. У меня на вас очень и очень большие планы. Это пока всё, по машинам!

Мой приказ продублировали по колонне, и через минуту, дрогнув, та начала движение. Снова впереди катились юркие мотоциклы, потом пара трофейных грузовиков, танковая рота, ещё грузовики, но уже почти все пустые, все запасы мы использовали, только в некоторых сидели пограницы. Замыкали колонну «тридцатьчетвёрка» с отделением бойцов прикрытия на грузовике.

К месту встречи с лейтенантами всей колонной мы не поехали, отправили посыльного на мотоцикле. Мотоцикл вскоре нас догнал, оставив посыльного – группы Потапова и Казанцева пока не было. Да и рано им появляться. Потом мы почти двадцать минут стояли на перекрёстке. Немецкий регулировщик нас не пропускал, шла длинная артиллерийская колонна на механизированном ходу. Наконец мне это надоело, да и пошуметь можно, тем более уходить мы собирались не в сторону наших, а как раз в противоположную.

– Внимание в эфире, атакуем широким фронтом. Пока рота Михайлова уничтожает артиллерийский полк, грузовики под прикрытием броневика и моей самоходки уходят дальше. Внимание... Огонь!

Ударили разом и явно неожиданно для расслабившихся немцев. Поначалу, когда мы только подъехали, они ещё настороженно на нас поглядывали, но грозные бумаги подействовали, нас приняли за своих, да и сколько мы тут стояли, ожидая, когда дадут дорогу! Пограницы и миномётчики, что до этого укрывались под тентами грузовиков, как только танки вдарили по

колонне, слегка повернув пушки, тоже не остались без дела. Зенитчики из своих ДШК прорезывали пехотную колонну, что шла по обочине, ну и остальные бешено стреляли. Как только КВ проложили брешь, я бросил свою самоходку вперёд, и мы пересекли дорогу, за нами потянулись остальные грузовики. Замыкал колонну броневик миномётчиков.

Через пять минут нас догнали танки Михайлова. По его докладу, уничтожено семнадцать орудий, все транспортёры к ним, около двадцати грузовиков. Причём три явно с боезапасом, если судить по тому, как они рванули, ну и до роты пехоты. Погиб один командир танка – решил выглянуть из башни, чтобы осмотреться, и словил осколок в голову. Больше потерь нет. Но намёк ясный, нам всё-таки нужно установить командирские башенки. На том, где погиб командир, её не было. Этим и займусь. В принципе, в планах как раз значилось. Да ещё пополнение на мне. Все более или менее уцелевшие танкисты, которых мы освободили на переезде, попросились к нам. С ними был капитан, командир танкового батальона. Подумав, я взял всех добровольцев. Кстати, та радиотелеграфистка была среди них. Вот остальные двинули в тыл на бронепоезде. Так что почти три дополнительных десятка были рассажены в кузовах. Пока не до них, а вот по прибытии займусь формированием новых подразделений. Пора вторую роту организовывать. Одна будет тяжёлая Михайлова, вторая из средних танков капитана Ладынина.

– Сержант, как ты там? – спросил я своего мехвода.

Пришлось повторить, пока тот не откликнулся немного заторможенным голосом:

– Нормально, товарищ командир, только перед глазами плывёт всё.

– Ясно.

Достав карту, я прикинул, где мы находимся, и где должна быть тыловая колонна. Надеюсь, она цела. Без остатков запасов топлива, продовольствия и боезапаса, что с ней были, нам будет худо.

– Внимание, дозор. Как слышите меня? – прижав к шее ларингофон, вызвал я передовую группу.

– Я дозор, слышу вас хорошо.

– Через полтора километра будет развилка. Уходим вправо и через километр встаём на обочине. Дозорному мотоциклу прибыть к командирской машине.

– Есть.

Отсоединив штекер шлемофона, я выбрался наружу и, цепляясь за поручни, мельком посмотрел на своих посыльных. Они банально дрыхли на корме самоходки, постелив шинели. Я крикнул командиру экипажа мотоцикла, не останавливая колонну, он уже подъехал:

– Выдвиньтесь вперёд. Вам нужно найти наши тылы. Приведите их к той развилке, где мы встанем для отдыха. Всё ясно?

– Ясно, товарищ майор.

– Отправляйтесь.

Мотоциклисты, обгоняя колонну по обочине, умчались вперёд, а передовые машины уже сворачивали на развилке вправо. Как только вся колонна ушла на новую дорогу, я велел встать на обочине и глушить хорошо поработавшие моторы, после чего экипажам отдыхать, пограницам заняться охраной. Всё как всегда.

Покинув самоходку через люк, я с удовольствием вдохнул воздух. Пахло горелым железом, выхлопными газами, порохом, сгоревшим тротилом и много чем, но свежего воздуха тут явно не было, несмотря на то что двигатели и моторы уже минуту заглушены. Даже странно, настолько привык к рёву дизелей и лязгу гусениц, что тишина оглушала.

– Похоже, я оглох, – потряс головой вылезший следом, но через свой люк, Бабочкин. Видимо, у него были те же проблемы, что и у меня.

Правда, в отличие от нас, особо такими проблемами никто не заморачивался, около машин бегали посыльные, раздавались команды, некоторые бойцы и командиры отходили в сторону оправиться, особо не стесняясь девушек, что вышли размять ноги. Обе, и военфельд-

шер Смирнова, и сержант Морозова, явно смущённо оглядывались. Ага, местность тут на километр открытая, не присядешь.

Разминая ноги, я подошёл к ним, подвигав немного плечами.

– Как настроение, барышни? – спросил я.

– Товарищ майор, мы военнослужащие, поэтому попрошу обращаться к нам как положено, – гордо задрал нос, заявила Морозова.

Видимо, у неё было множество поклонников из командиров, и та привыкла к постоянному вниманию, поэтому и позволяла себе некоторые вольности.

– Как положено обращаться? – лениво и широко зевнул я. – Хорошо. Значит, так, за пререкания с командиром приказываю вам, товарищ сержант, отжаться десять раз. Бабочкин, проследи.

– Есть, – козырнул тот.

Заметив, что я направился к девушкам, он заторопился присоединиться ко мне. Похоже, кобель ещё тот.

– Кстати, товарищ военфельдшер, если вам надо оправиться, то в той стороне метрах в двухстах есть низина вроде овражка. Её не видно, но она есть. Как суслик.

– Товарищ майор, простите, а почему как суслик?

– Посмотри в поле, видишь суслика?

Та внимательно, даже с прищуром осмотрелась и медленно покачала головой.

– Я не вижу, товарищ майор.

– И я не вижу, а он есть.

Первым прыснул Бабочкин, он вообще отличался сообразительностью и смешливостью, потом я хохотнул, однако девушки, что Смирнова, что сержант, которая отжалась дважды и «сдохла», глядели на меня недобро, видимо сообразив, что я над ними издеваюсь.

– Сержант Морозова, примите вертикальное положение. – Как только та это сделала, я сказал: – Раз вы не можете выполнить такой простой приказ, два наряда вне очереди. Поступите в распоряжение старшины Авдеева после соединения тыловых подразделений с нами. Он сам решит, как вы отработаете наряды.

– Есть, – попытавшись браво вытянуться, козырнула та.

– Всё, бегите. Овражек в той стороне, – указал я.

Обе девицы рванули в указанном направлении, а я отправился к броневику Погорелова. У Фомина, что в нём сидел, были коды для связи с радистом тыловой группы.

– Ну что? – заглянул я через открытую дверцу в жаркий салон броневика. – Есть связь?

– Есть, товарищ майор, – повернул ко мне закопчённое лицо Фомин, в его широкой улыбке ярко выделялись белые, как сахар, зубы. – Только что связался, они, оказывается, не постоянно в эфире находятся, каждые полчаса проверяют. Наш дозорный мотоцикл уже у них, колонна готовится к выдвижению.

– Потери?

– Есть. Две машины, четыре человека. Говорят, вроде свои из засады ударили.

– Ясно. Примерное время прибытия?

Фомин передал вопрос, выслушал ответ и сообщил:

– Уже выдвигаются, через полчаса тут будут, не раньше. Ужин готов, борщ и гречка с подливой.

– Отлично. По прибытии поужинаем и двинем дальше. Немцев ловите?

– Работают неподалёку три радиостанции. Мы переводчика вызывали, говорят, артиллеристы одни, это, наверное, их орудия неподалёку грохочут. Две другие станции явно танковые. Говорят о смене дислокации, под огонь попали.

– О нас ничего не было?

– Пока нет. Хотя переводчик говорит, что минут десять назад передавали, чтобы опасались русских танковых частей, что бродят по их тылам.

– Что-то опаздывают, я думал, уже в обед такие сообщения будут отправлять, а они только проснулись. Мониторьте дальше эфир, боец.

– Есть, – кивнул тот.

Стоявшему рядом полусонному Погорелову я велел идти отдыхать, предупредив, что через полчаса будет горячий ужин, кухня прибудет, после чего направился обратно вдоль выстроившейся техники к своей самоходке, где меня ждали Михайлов и Волохов. Михайлов, пока меня не было, со скуки осматривал боевой отсек машины, забравшись на командирское место, а меня тормознули у ЗИСа с крытым кузовом, у которого наши новенькие дымили махоркой. Мои бойцы поделились, её в достаточном количестве вывезли с лесных складов.

– Товарищ майор, – вышел ко мне капитан Ладынин. – Разрешите узнать наши дальнейшие планы!

– Ваши планы? – удивлённо посмотрел я на него. – Сидеть до конца ночи в кузове грузовика и трястись на ухабах и ямах.

– Извините, я от усталости и недоедания неправильно выразился. Каковы ваши планы насчёт нас?

– Насчёт недоедания это решаемо, скоро тут будет ротная кухня, всех покормят горячим. Насчёт остального – я собираюсь сформировать из одной усиленной роты смешанного состава две, одну тяжёлую, вторую среднюю, с модернизированными танками Т-34. Девять взводных машин и десятая командирская. Это в планах, но думаю, машин будет больше, не менее четырех во взводе. Так что думайте, как будете управлять таким соединением. Задача у него будет проста. Разрушать тыловые коммуникации противника, замедляя или совсем прекращая подвоз боевым частям нужных грузов. Уничтожение мостов, железной дороги, расстрел транспортных колонн. Всё это вас ждёт в ближайшем будущем. Это пока всё. Думаю, теперь вы поняли, на что подписались, написавшись к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.